

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Мельников Кирилл Вадимович

**НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ**

23.00.01 – Теория и философия политики, история
и методология политической науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Старцев Ярослав Юрьевич

Екатеринбург – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	с. 3
Глава 1. Основные проблемы концептуализации феномена неопатримониализма	с. 19
1.1. Оценка трансформации подходов к понятию неопатримониализма.....	с. 19
1.2. Типология неопатримониальных режимов как способ преодоления концептных натяжек	с. 42
1.3. Проблемы разграничения неопатримониализма и существующих типологий политических режимов	с. 67
Глава 2. Возможности применения неинституциональных концептов в изучении неопатримониальных режимов	с. 84
2.1. Возможности применения неинституциональных концептов в изучении структурных аспектов неопатримониальных режимов ..	с. 84
2.2. Возможности применения неинституциональных концептов в изучении динамических аспектов неопатримониальных режимов	с. 141
Заключение	с.157
Список использованных источников и литературы	с.162
Список иллюстративного материала	с. 182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Политические трансформации второй половины XX века естественным образом сформировали перед политической наукой запрос на теоретическое осмысление их природы. Доминирующей концептуальной основой анализа режимных трансформаций стала теория демократического транзита, которая рассматривала политическое развитие государств, освободившихся от авторитарных, милитаризированных режимов, как заданное движение от авторитаризма к демократии. В своей предельной форме эта логика была выражена в известном тезисе Ф. Фукуямы о «конце истории». Однако по прошествии времени теория демократического транзита подверглась серьезной критике, поскольку стало понятно, что многие африканские, латиноамериканские государства отнюдь не движутся по направлению к демократии. Все больше исследователи стали говорить о неочевидности базовых предположений парадигмы транзита¹ и требовать «прекратить транзитологическое насилие над сознанием»².

Таким образом, в политической науке все ярче стал звучать призыв к поиску альтернативных объяснений режимных трансформаций. Пожалуй, наиболее перспективную альтернативу транзитологии представила неовеберианская школа политической социологии и ее концепция неопатримониального господства. В соответствии с пионерной работой Ш.Н. Эйзенштадта, в африканских, латиноамериканских государствах не происходит перехода к демократическим институтам, рыночной экономике и гражданскому обществу, а виден специфический синтез традиционных институтов, укорененных в колониальном наследии, с институтами рационально-легального западного типа. Эти режимы отнюдь не являются некой переходной формой к демократии, а наоборот – в этом

---

¹ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. – Политическая наука. № 2. – 2002. С. 42-65

² Капустин Б. Г. Конец “транзитологии”? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис: Политические исследования. – 2001. – №. 4. – С. 6-26

синтезе они демонстрируют значительную устойчивость и обладают собственной (не транзитивной) логикой развития.

Перекладывая сложившуюся в политической компаративистике ситуацию на идеи И. Лакатоса о конкуренции научно-исследовательских программ, можно сказать, что транзитология все больше становится регрессирующей программой, тогда как концепция неопатримониализма демонстрирует «прогрессивный сдвиг проблем». По Лакатосу, «исследовательская программа считается *прогрессирующей* тогда, когда ее теоретический рост предвосхищает ее эмпирический рост, то есть когда она с некоторым успехом может предсказывать новые факты («*прогрессивный сдвиг проблем*»); программа *регрессирует*, если ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста, то есть когда она дает только запоздалые объяснения либо случайных открытий, либо фактов, предвосхищаемых и открываемых конкурирующей программой («*регрессивный сдвиг проблем*»)³. Концепция демократического транзита вынуждена *post factum* объяснять концептуальные аномалии, явно не укладывающиеся в ее логику. Отсюда возникновение многообразных концептов демократий с прилагательными: «делегативная демократия», «дефектная демократия», «неполная демократия», «фасадная демократия», «слабая демократия», «виртуальная демократия» и т.д. Как справедливо отмечает Т. Карозерс, эти термины «разделяют ответственность следующего рода: описывая страны в серой зоне как некие типы демократических государств, аналитики в действительности пытаются применять парадигму перехода к тем самым странам, политическое развитие которых ставит эту парадигму под сомнение»⁴. Подобные решения, как и многообразные типологии автократий, по всей видимости, не могут служить теорией способной предсказывать и объяснять логику режимных трансформаций.

Совсем иначе – как прогрессирующая программа в терминах И. Лакатоса – ведет себя концепция неопатримониализма. Она демонстрирует куда большую

---

³ Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки [Текст] / Имре Лакатос ; Пер. с англ. И. Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. с. 220

⁴ Карозерс Т. Указ. соч. С. 49

предсказательную силу, говоря о том, что политические переходы отнюдь не будут демонстрировать постепенной консолидации демократических институтов. Скорее, в таких государствах образуется режимный гибрид, в котором институты демократического западного типа (разделение властей, избирательное право, конституция) будут лишь внешней оболочкой, затуманивающей реальные политические процессы. Их внутренняя логика же будет подчинена глубоко укорененному традиционному типу политического господства. Новое доказательство справедливости этой теории и соответственно новая волна интереса к концепции неопатримониализма связаны с политическими процессами на постсоветском пространстве, где по прошествии времени видно конструирование именно таких (только внешне демократических) гибридных режимов. Как неопатримониальные стали рассматриваться политические режимы стран Средней Азии⁵, Украины⁶. Появляются самые первые работы по неопатримониальной интерпретации российской политики⁷.

Актуальность дальнейшей концептуализации неопатримониализма выражается в двух аспектах.

Первое. Все более широкое применение концепции неопатримониализма вызывает у исследователей опасения, связанные с утратой ею своего эвристического потенциала. Во-первых, государства, описываемые как неопатримониальные, настолько разнятся между собой по целому объему параметров, что найти в них отличительные черты гораздо легче, чем схожие. Во-вторых, сама концепция неопатримониализма еще демонстрирует значительное количество пробелов. Так, например, в своей статье немецкие исследователи Джиро Эрдман и Ульф Энгель отмечают, что до сих пор нет единого понимания по целому ряду базовых вопросов: что означает приставка «нео» в термине «неопатримониализм», как соотносятся в неопатримониальных режимах легально-

---

⁵ Ikhamov A. Neopatrimonialism, Interest Groups and Patronage Networks: the Impasses of the Governance System in Uzbekistan. – Central Asian Survey. Vol. 26. № 1. – 2007. – P. 65-84

⁶ Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. — 2010. — № 4 – С. 158-187

⁷ Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Изд-во Европейского университета в г. Санкт-Петербурге. 2015. 44 с.

рациональное и традиционное доминирование, что общего в этом термине и «материнском» понятии патримониализма, как можно операционализировать неопатримониализм, как его разграничить с клиентелизмом, непотизмом, клановостью⁸.

Второе. Парадигмальная востребованность дальнейшей разработки концепции неопатримониализма связана с ее явными интегративными перспективами. Все больше изучение российской политической системы дает основания на ее сопоставление с институтами, характерными для феодальных обществ. Например, Симоном Кордонским исследуется сословный характер российского общества⁹, поместный характер федеративных отношений¹⁰, синкретизм политического и экономического¹¹ и другие черты, традиционно приписываемые феодальному типу отношений. Вадимом Волковым исследуется феномен силового предпринимательства – присвоения в частных интересах публичных функций органов внутренних дел¹². Целый пласт исследований посвящен силе и даже определяющему характеру неформальных отношений в российской политико-административной системе («телефонное право», блат, непотизм, клиентарно-патронажные сети и т.д.).

Концепция неопатримониализма способна интегрировать эти концепты в единую систему, в рамках которой они не будут восприниматься как изоляты, характерные для отдельных элементов политической действительности *ad hoc*, но будут представлять часть единой логики развития политической системы.

В этом контексте будет полезно обратиться к неоинституциональной теории, в рамках которой разрабатываются концепты, которые могут многое прояснить как в структурных, так и в динамических аспектах функционирования неопатримониальных режимов. Оценка перспектив применения к

---

⁸ Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. – *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 45. №. 1. – 2007. P. 95-119

⁹ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

¹⁰ Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010. – 312 с.

¹¹ Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. – 108 с.

¹² Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ / Вадим Волков. — изд. 3-е, испр. и доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 2012. 352 с.

неопатримониальным исследованиям отдельных положений неинституциональной теории способна помочь разрешить сложившиеся концептуальные противоречия и продвинуть вперед наше знание о неопатримониальных политико-административных системах.

Объект и предмет исследования

Объектом настоящего исследования является концепция неопатримониализма. **Предметом** выступают основные проблемы теоретического развития концепции неопатримониализма и потенциал неинституциональной теории в ее дальнейшей разработке.

Степень разработанности проблемы

Основой для разработки заявленной темы будет являться понятие патримониализма, разработанное в рамках типологии легитимного господства М. Вебером¹³.

Концепция неопатримониализма свое первоначальное развитие получила в работах Г. Рота, Ш. Н. Эйзенштадта, Р. Теобальда, К. Легга и Р. Лемаршана, В. ле Вайна, Ж-Ф. Медара, К. Клэпхема, М. Браттона и Н. Ван де Валле¹⁴.

Применение концепции неопатримониализма к исследованию политических режимов Африки осуществлялось П. Шабалем и Ж-Ф. Далозом, Р. Джозефом, Р. Круком, Д. Бурмо, К. Янгом и Т. Тернером¹⁵; Латинской Америки – Р. Роеггом, К.

¹³ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионин; НИУ «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т. I. – 2016 С. 252-334

¹⁴ Roth G. Personal rulership, patrimonialism, and empire-building in the new states //World politics. – 1968. – Vol. 20. – №. 2. – P. 194-206; Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – Sage Publications (CA). 1973. Vol. 1. 96 p.; Теобальд Р. Патримониализм [Текст] / Робин Теобальд; пер. с англ. А. Фисуна // Прогнозис. - 2007. - N 2. С. 166-176; Lemarchand R., Legg, K. Political clientelism and development / Comparative Politics. – 1972. – 4(2), pp. 149–178; Le Vine V. T. African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective – Journal of Modern African Studies. – Vol. 18. No. 4. – 1980. P. 657–673; Médard J. F. The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neo-patrimonialism //Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State. London: Frances Pinter. – 1982. – Vol. 162; Clapham C. Third World Politics (London: Helm). – 1985. 256 p.; Bratton M., Van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. – Cambridge University Press. – 1997. 311 p.;

¹⁵ Chabal P., Daloz J. P. Afrika Works: Disorder as Political Instrument. – Indiana University Press. – 1999. 192 p.; Joseph R. A. Democracy and Prebendal Politics in Nigeria. – Cambridge University Press. – Vol. 56. – 2014. 250 p.; Crook R. Patrimonialism, Administrative Effectiveness and Economic Development in Co`te d’Ivoire. – African Affairs. – 1989 – Vol. 88. № 351. P. 205–228; Bourmaud D. L’Etat centrifuge au Kenya. – Etats d’Afrique noire: Formations, mécanismes et crise. Paris. Ed. Karthala, coll. “Hommes et sociétés”. – 1991 – P. 241-277; Young C. & Turner T. The Rise and Decline of the Zairian State. – Madison: University of Wisconsin Press. – 1985. – 522 p.

Реммером, Д. Дьюразо Херманом, Д. Заблудовски¹⁶; Юго-Восточной Азии – У. Лиддлом, П. Серлом, Г. Краучем, П. Хачкрофтом¹⁷. Эвристический потенциал концепции неопатримониализма в отношении постсоветских государств продемонстрирован А.А. Фисуном, В.Я. Гельманом, А.А. Ильхамовым, И.В. Чайко, С. Хэнсоном, С.Н. Шкелем, М.В. Снеговой и другими¹⁸.

Критический анализ современного состояния концепции неопатримониализма и наиболее значимые попытки концептуализации предприняты в работах Д. Эрдмана и У. Энгеля, Д. Баха, М.В. Ильина, К. вон Соеста, Н.С. Розова и других¹⁹.

Применяемое в рамках настоящего исследования неинституциональное направление своим вхождением в методологию политических наук обязано работам Дж. Марча, Й. Ольсена, Д. Норта, Т. Скочпол, Т. Митчела, К. Шепсле, Б. Вайнгаста, Э. Остром, Ф. Шарпфа, А. Лейпхарта²⁰.

¹⁶ Roett R. Brazil: Politics in a Patrimonial Society. – Greenwood Publishing Group. – 1999. 244 p.; Zabudovsky G. The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America. – *International Sociology*. Vol. 4. № 1. – 1989. P. 51–66; Remmer K. L. Neopatrimonialism: The Politics of Military Rule in Chile, 1973–1987. – *Comparative Politics*. Vol. 21. № 2. – 1989. P. 149–170; Durazo Herrmann J. Neo-Patrimonialism and Subnational Authoritarianism in Mexico. The Case of Oaxaca. – *Journal of Politics in Latin America*. – 2010. – Vol. 2. № 2. P. 85–112

¹⁷ Liddle W. The Relative Autonomy of the Third World Politician: Soeharto and Indonesian Economic Development in Comparative Perspective. – *International Studies Quarterly*. – 1991. – Vol. 35. № 4. P. 403–427; Searle P. The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists? – Honolulu: University of Hawai'i Press. – 1999. – 336 p.; Hutchcroft P. Booty Capitalism: The Politics of Banking in the Philippines – Ithaca. – Cornell University Press. – 1998. – 278 p.; Crouch H. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia. – *World Politics*. Vol. 31. № 4. – 1979. P. 571–587

¹⁸ Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // *Политическая концептология*. — 2010. — № 4 — С. 158-187; Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Изд-во Европейского университета в г. Санкт-Петербурге. 2015. 44 с.; Ilkhamov A. Neopatrimonialism, Interest Groups and Patronage Networks: the Impasses of the Governance System in Uzbekistan. – *Central Asian Survey*. Vol. 26. № 1. – 2007. – P. 65-84; Чайко И. В. Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии // *Политическая концептология*. – 2013. – № 1. – С. 131-143; Hanson S. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era. – *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 636.1. – 2011. P. 32-48; Шкель С. Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. – 2016. – № 4 (83). С. 94-107; Снеговая М.В. Неопатримониализм и перспективы демократизации // *Отечественные записки*. – 2013. – № 6. – С. 135-145

¹⁹ Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. – *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 45. № 1. – 2007. P. 95-119; Bach D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. – *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 49. № 3. – 2011. – P. 275-294; Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? – *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. – 2015 – Vol. 18. № 1. P. 26-51; Von Soest C. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept. – GIGA-Workshop "Neopatrimonialism in various World Regions". Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies. – 2010. 21 p.; Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации. – *Полис. Политические исследования*. № 1. 2016. С. 139–156; Розов Н.С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. – *Полис. Политические исследования*. № 6. 2015. С. 157-172

²⁰ March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // *American Political Science Review*. – 1984. – Vol. 78. – P.734-749; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование

Значимая для предмета нашего исследования концепция зависимости от пути (path-dependency) свое развитие получила в работах П. Дэвида и Б. Артура²¹. Ее применение к институциональным изменениям осуществлено Д. Норт²². Относительно эффекта колеи в политическом институциональном развитии России наиболее значимыми являются работы Р. Пайпса, С. Хедлунда²³. Развитие идеи институциональной инерции с позиции неоинституционализма рационального выбора связано с концепцией институциональных ловушек, авторство которой принадлежит В.М. Полтеровичу²⁴. Потенциал применения концепции к анализу политического развития продемонстрирован В.В. Скоробогачким, В.Я. Гельманом, С.В. Патрушевым, А.Д. Хлопиным и другими²⁵.

Переворот в понимании институтов, связанный с развитием нового институционализма, сформировал интерес к теме неформальных институтов. Концептуализация проблематики неформальных институтов в политике получила развитие в исследованиях Г. Хелмке и С. Левитски, В. Меркеля и А. Круассана, Я. Ю. Старцева, В.Я. Гельмана, А.В. Леденевой, С.Ю. Барсуковой, А.Б. Даугавет, В.

экономики\ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. — 180 с.; Mitchell T. The limits of the state: Beyond statist approaches and their critics // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85. P. 77-96.; Evans P. B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in. — Cambridge University Press, 1985. 404 p.; Shepsle K.A., Weingast B.R. The institutional foundations of committee power // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. P. 85-104; Остром Э. Постановка задачи исследования институтов // *Экономическая политика*. — 2009. — №. 6. — С. 89-110; Scharpf F. Crisis and choice in European social democracy. Ithaca New York: Cornell University Press, 1988; Lijphart A. Democracies: Forms, performance, and constitutional engineering // *European Journal of Political Research*. 1994a. Vol. 25. P. 1-18.

²¹ David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332-337 (Рус. пер.: Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 139-150); Arthur W. B. Self-reinforcing mechanisms in economics / The economy as an evolving complex system, edited by P. Anderson, K. Arrow and D. Pines. — Santa Fe Institute Studies in the Sciences of Complexity, Proceedings, — 1988. — vol. 5. — p. 9-31

²² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики\ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. — 180 с.

²³ Пайпс Р. Россия при старом режиме М.: Захаров, 2012. — 496 с.; Пайпс Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона // М.: Московская школа политических исследований. — 2000. — 416 с.; Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 424 с.;

²⁴ Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // *Журнал Экономика и математические методы (ЭММ)*. — 1999. — Т. 35. — №. 2. — с. 3-20;

²⁵ Скоробогачкий В. В. Институциональные ловушки в политике // *Вопросы политологии и социологии*. — 2011. — №. 1. — С. 29-40; Гельман В.Я. Россия в институциональной ловушке // *Pro et contra*. — 2010. — Т. 14. — №. 4-5. — С. 23-38; Хлопин А. Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? // *Полис. Политические исследования*. — 2004. — № 6. — С. 6-15. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // *Полис. Политические исследования*. — 2011. — №. 6. — С. 120-133.

Л. Тамбовцева и других²⁶. Такому типу неформальных институтов как клиентелизм посвящены работы Ш.Н. Эйзенштадта, Л. Ронингера, М.Н. Афанасьева, Г. Хейла, Дж. Скотта, Э. Ласт-Окара, М. Шефтера, А.В. Гилева, К.А. Рогожиной и других²⁷. Непотизм как самостоятельный объект исследования для академической среды является, скорее, темой потусторонней, поэтому невозможно не выделить уникальные в своем роде работы А.В. Леденевой и О.В. Крыштановской²⁸. В них не употребляется термин «непотизм», но речь по сути идет именно о нем, то есть о роли биографически обусловленных связей в формировании политической элиты.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и разрешении основных проблем концептуализации неопатримониализма и оценке потенциала неинституциональной теории для неопатримониальных исследований.

Достижение цели исследования требует выполнения следующих **задач**:

---

²⁶ Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис, 2007, № 2, с. 188-211; Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). – Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 6-17; Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II). – Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 20-30; Старцев Я.Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ/ А.А.Александров, Т.Е.Зерчанинова, К.Н.Самков, Я.Ю.Старцев. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 31-59; Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис: Политические исследования. – 2003. – №. 4. – С. 6-25; Ledeneva A.V. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca: Cornell University Press, 2006. – 270 p.; Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. Курс лекций [Текст]: учеб. пособие / С. Ю. Барсукова ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. — 354 с.; Даугавет А. Б. Неформальные практики российской элиты (Апробация когнитивного подхода) // Полис. Политические исследования. – 2003. – №. 4. – С. 26-38; Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов. — М.: РГ-Пресс, 2014. 174 с.

²⁷ Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. – Cambridge, 1984. – 352 p.; Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – М., 1997. – 301 с.; Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия. - Pro et Contra. – 2008. – №1. - С. 6-21; Скотт Дж. Коррупция, политические машины и политические изменения // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 242 – 280; Ласт-Окар Э. Выборы в авторитарных режимах: уроки Иордании // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 280 – 305; Шефтер М. Партия и патронаж: Германия, Англия и Италия // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 185 – 241; Гилев А.В. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 6 – 41; Рогожина К.А. Роль патрон-клиентных отношений в формировании политических элит государств Центральной Азии. Журнал «Власть». 2009. № 11. С. 22-25

²⁸ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – Захаров, 2005; Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – №. 4. – С. 158-180. Ledeneva A. V. Can Russia modernise? Sistema, power networks and informal governance. – Cambridge University Press, 2013. – 314 p.

- 1) проанализировать трансформацию подходов к определению неопатримониализма, определить наличие или отсутствие консенсуса в отношении его базовых признаков;
- 2) оценить возможности типологизации неопатримониальных режимов;
- 3) разрешить проблему разграничения концепции неопатримониализма и существующей типологии политических режимов;
- 4) оценить возможности и ограничения концептов, развивающихся в рамках неoinституциональной теории, в объяснении структурных аспектов неопатримониальных режимов;
- 5) оценить возможности и ограничения концептов, развивающихся в рамках неoinституциональной теории, в объяснении динамических аспектов неопатримониальных режимов.

Теоретико-методологические основания исследования

Основу методологии настоящего исследования составляет целая группа теоретических подходов и методологических принципов, выбор которых обусловлен целью, задачами и предметом исследования. Ключевую роль для настоящего исследования играют постулаты неовеберовской школы, в рамках которой политическое развитие государств осмысливается через типологию политического господства М. Вебера. Базовое значение для настоящего исследования имеет также комплекс подходов, сформированных в русле нового институционализма. Автор придерживается понимания институтов, данного Д. Нортон в его работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». Институты в рамках настоящего исследования воспринимаются в духе нортонской триады формальных правил, неформальных правил и принуждения к их исполнению. Институциональные изменения в исследовании рассматриваются с позиций исторического неoinституционализма и неoinституционализма рационального выбора.

В целом в данной работе понятия «неопатримониализм» и «неoinституционализм» соотносятся следующим образом. Неопатримониализм (как концепция) является объектом анализа, а неoinституционализм —

методологическим инструментарием (methodological toolbox), то есть набором познавательных установок, позволяющих анализировать объект.

В чем выражается влияние неинституциональной теории на неопатримониальные исследования и каковы его границы? Можно сказать, что влияние неинституционализма на концепцию неопатримониализма осуществляется в трех отношениях:

1) Формирование повестки для исследований неопатримониализма. Неопатримониальные политико-административные системы могут рассматриваться в различных теоретических перспективах, исходя из которых акцент ставится на вопросах политической культуры, дискурсе, политических практиках, идеологии, формировании и функционировании элит и т.д. В рамках неопатримониальной интерпретации неопатримониализма речь идет об организации, эволюции и функционировании политических институтов. Второй акцент исследовательской повестки прямо следует из первого. Неинституционализм формирует запрос на изучение не только (и даже не столько) формальной, но и неформальной стороны институционального порядка. Третье – неинституциональная теория формирует критически важную повестку изучения институционального наследия. Каким образом формируется институциональная инерция и возникает зависимость от пути? Неинституционалисты разных направлений отвечают на этот вопрос по-разному, но то, что институциональная инерция находится в центре их внимания, характерно для каждой из ветвей неинституциональной теории. В свою очередь это позволяет сформировать особый взгляд на проблему преемственности и изменений, отличный от традиционных трактовок, принятых в неопатримониальных исследованиях.

2) Уточнение категорий концепции неопатримониализма с помощью аппарата неинституциональной теории. Прежде всего, неинституционализм дает наиболее адекватное задачам неопатримониальных исследований понимание института (дополненное по сравнению с классическим институционализмом измерением неформальных правил). Этот аспект влияния неинституциональной теории мы будем подробно разрабатывать во второй главе. Во-вторых,

исследователями уже отмечалось, что наиболее адекватным средством перевода категории неформального института на язык политических наук является веберовская типология политического господства²⁹. На наш взгляд, справедливо и обратное. Категория неформального института в новом свете актуализирует веберовскую типологию, поскольку очевидно, что все современные политические системы заявляют рационально-легальные основания своего политического порядка. Однако внутренняя логика их развития зачастую демонстрирует паттерны традиционного типа доминирования, который не находит в этой ситуации для себя иного места, кроме неформальных практик. Также в рамках неинституционализма развиваются такие значимые для концепции неопатримониализма категории, как институциональные ловушки, надежные гарантии, неявные полномочия и другие.

3) Развитие инструментов систематизации и сравнительного анализа. Выход из концептуальных тупиков должен предполагать большую степень структурированности представлений о разнообразии неопатримониальных режимов. Институциональное измерение дает хорошие возможности для сравнительного анализа – на данный момент, на наш взгляд, одного из самых слабых мест концепции неопатримониализма.

При рассмотрении концепции неопатримониализма использовался текстологический анализ ключевых работ, в которых развивается исследуемая концепция. Интерпретация текстов исследований позволила вычленить основные подходы к понятию неопатримониализма, их достижения и ограничения, а также выявить концептуальное ядро, составляющее консенсус относительно базового понятия объекта исследования; это также позволило выявить, систематизировать и интерпретировать с помощью понятия концептных натяжек Дж. Сартори основные претензии, предъявляемые концепции неопатримониализма.

При анализе перспектив использования неинституциональных концептов в развитие концепции неопатримониализма использовался компаративный метод. Было принципиально важно сопоставить феномены непотизма, клиентелизма,

---

²⁹ Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике //Полис: Политические исследования. – 2003. – №. 4. – С. 7

телефонного права и иных неформальных институтов не только с основными положениями концепции неопатримониализма, но и с базовым определением патримониализма и традиционного типа господства М. Вебера.

Научная новизна исследования

- в ходе анализа наиболее значимых подходов к определению неопатримониализма и через установление основных линии противоречий по поводу его признаков, мешавших концепту неопатримониализма соблюсти требование позитивной идентификации, выявлено наличие концептуального ядра, в отношении которого в исследовательской среде сложился консенсус;

- в целях преодоления концептных натяжек выявлена необходимость аналитического разделения неопатримониализма на хищнические и регулируемые формы. Предлагается усилить подобное разделение аппаратом теорий, формирующихся в смежных областях. Так, идея хищнических форм неопатримониализма развивается через понятие «государство-хищник», идея регулируемых форм развивается через неинституциональную дилемму обеспечения надежных гарантий прав собственности;

- через сопоставление с различными категориями политической науки определена принадлежность понятия неопатримониализма к такой категории как вид политического доминирования;

- установлено, что неопатримониальные формы доминирования выходят за рамки классической типологии политических режимов и могут быть найдены в любой точке спектра от авторитаризма до демократии;

- установлено, что реконструкция патримониальных практик в современной рационально-легальной среде должна осмысляться через феномен неформальных институтов. Выявлено, что такие его составляющие, как непотизм, клиентелизм, неявные полномочия позволяют наиболее точно описать внутренний институциональный порядок неопатримониальных режимов, поскольку являются определяющими для традиционного типа политического господства и с проникновением в политическую систему рационально-легальных институтов в

неопатримониальных режимах не исчезают, но мимикрируют и находят новые формы выражения;

- установлено, что наиболее плодотворной теоретической рамкой для изучения динамики неопатримониальных режимов являются неинституциональные концепции, изучающие механизмы институциональной инерции (концепция path-dependency и теория институциональных ловушек).

Основные результаты исследования, выносимые на защиту

1. Установлено, что в отношении понятия неопатримониализма в исследовательской среде в целом сложился консенсус. Согласно принятому в большинстве работ пониманию, неопатримониальная политико-административная система строится формально на рационально-легальных основаниях (современных институтах и правилах продвижения по службе, распределения благ и т.д.), однако логика ее функционирования диктуется неформальными институтами (непотизмом, клиентарно-патронажными сетями, трайбализмом и т.д.), в результате чего общественные полномочия апроприируются и рассматриваются политическими агентами как частная собственность.

2. Установлено, что типологически неопатримониализм представляет собой не политический режим как таковой, но гибридный тип политического доминирования, полученный с помощью соединения легально-рациональных и традиционных установок.

3. Продемонстрирована недопустимость отождествления понятий авторитаризма и неопатримониализма. Установлено, что концептуально неопатримониализм выходит за рамки типологии режимных типов и задает другое измерение для политических систем, оценивая степень частного присвоения публичной сферы и новые формы конструирования традиционного типа доминирования в современности.

4. Установлено, что одним из существенных аспектов преодоления концептуальной растянутости неопатримониализма может стать типологизация неопатримониальных режимов. В этой связи необходимо аналитически разделять хищнические и регулируемые формы неопатримониализма, различающиеся по

принципам функционирования бюрократии, роли клиентарных практик и степени их подконтрольности. Такое аналитическое разделение позволяет осмыслить разницу в результатах, к которым приходят неопатримониальные системы. В одних государствах сочетание патримониальных и рационально-легальных практик приводит к политическому кризису, гражданской войне, интервенции, дефолту, тогда как в других, наоборот, оказывается необходимым условием для устойчивого экономического роста, модернизации, сохранения государства после революционных изменений, строительства институтов национального государства. Такое аналитическое разделение также позволяет интегрировать в изучение неопатримониальных систем концепты, сформированные в смежных отраслях политической науки. Так, концепт «государства-хищника» (*predatory state*) способен прояснить механизмы принуждения, кооптации и сплочения элит в хищнической форме неопатримониализма. Концепт «надежных гарантий» (*the problem of credible commitment*) позволяет понять, как государствам с регулируемой формой неопатримониализма, в которых отсутствуют устойчивые парламентские институты, институты гражданского общества, удается все же обеспечить гарантии прав собственности, опираясь при этом на патримониальные практики.

5. Установлено, что концепт клиентелизма должен является центральным для исследований неопатримониальных режимов по следующим причинам: а) в связи с явным соответствием традиционному типу политического господства; б) в связи с развитием коллективных форм клиентелизма в неопатримониальных системах.

6. Продемонстрирован потенциал изучения такого средства клиентарного обмена и клиентарной зависимости как шантаж для осмысления природы неопатримониализма. Он невозможен ни в рамках чисто традиционного доминирования, ни в рамках чисто легально-рационального доминирования, но при их соединении становится центральным элементом политической системы.

7. Установлено, что феномен nepoтизма, внутренне присущий традиционной бюрократии, принципиально важен для осмысления природы неопатримониальных режимов, поскольку находит здесь свое естественное выражение в формировании государственных органов всех уровней власти.

Именно с помощью феномена неопатримониализма в неопатримониальных режимах может быть зафиксирован синкретизм власти и собственности, формирующий новый вариант апроприации публичных полномочий и связанных с ними экономических возможностей.

8. Продемонстрирован потенциал исторических институциональных исследований для развития концепции неопатримониализма. При этом установлено, что между концепцией неопатримониализма и концепцией зависимости от пути имеет место конфликт по части синхронии/диахронии. В целях устранения этого конфликта предложена перспектива отказа от национально-самобытных вариантов концепции зависимости от пути и перехода к исследованиям более крупных общностей.

9. Установлено, что механизмы институциональной инерции, присущей неопатримониальным режимам, могут быть описаны через понятие институциональных ловушек. Осуществленное применение теории институциональных ловушек к феномену силового предпринимательства демонстрирует ее потенциал в объяснении устойчивости неопатримониальных практик.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что концепция неопатримониализма изучена с точки зрения основных концептуальных противоречий и возможности их разрешения. Также продемонстрирован потенциал неинституциональной теории для дальнейшего развития концепции неопатримониализма.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения материалов, результатов, классификаций, определений, содержащихся в работе, при разработке учебных курсов по таким дисциплинам, как политология, политический анализ, система государственного управления. Также они могут быть использованы при подготовке аналитических работ, учебных пособий и специальных курсов.

Апробация результатов исследования

Разные аспекты и выводы исследования представлялись автором в виде доклада на XV Всероссийском молодежном форуме «Современная Россия в лабиринтах развития» (25-28 апреля 2017 г., г. Екатеринбург, УИУ РАНХиГС). Положения диссертации обсуждались с экспертами в области теорий политической модернизации на заседании отдела философии Института философии и права УрО РАН, а также в рамках Международной летней школы по политическим наукам под эгидой Международной ассоциации политических наук (1st Annual IPSA-HSE Summer School in Concepts, Methods and Techniques in Political Science) в г. Санкт-Петербург 30 июля – 4 августа 2017 г. и X Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (30-31 октября 2017 г., г. Пермь, ПГНИУ)

Результаты исследования представлены в виде публикаций в журналах, входящих в перечень ВАК: «Вопросы управления», «Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН», «Полис. Политические исследования». Диссертант является автором 19 научных работ, из которых 8 посвящены теме диссертации.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и списка иллюстративного материала. Первая глава включает в себя 3 параграфа, вторая глава – 2 параграфа. Список литературы включает 190 наименований. Общий объем работы 182 страницы.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

1.1. Оценка трансформации подходов к понятию неопатримониализма

Конец XX века стал периодом значительной трансформации политического ландшафта практически во всех регионах мира. Коллапс авторитарных режимов Южной Европы в 70-х, демилитаризация политических режимов и приход к власти гражданских правительств в Латинской Америке с конца 70-х до конца 80-х, процессы демократизации в Юго-Восточной Азии в середине 80-х, свертывание коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 80-х, распад Советского Союза в 1991 году, ослабление однопартийных режимов Тропической Африки в первой половине 1990-х – все эти политические события стали рассматриваться западными исследователями как часть общемирового политического тренда, который благодаря Самюэлю Хангтингтону получил название «третьей волны демократизации»³⁰. Политическое развитие государств, попавших в эту волну, стало рассматриваться как путь от авторитаризма к демократии, рыночной экономике, гражданскому обществу, правовому государству.

Однако с течением времени стало понятно, что отнюдь не всем удалось воспроизвести исходные демократические паттерны. Для посткоммунистических государств отмечается успех Польши, Чехии, Венгрии и Прибалтики. В постсоветских государствах, напротив, видно конструирование около- или полудемократических режимов.

---

³⁰ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века // Пер. с англ. – М.: РОССПЭН. – 2003. – 368 с.

Для осмысления причин провала проекта модернизации в странах Третьего мира, преимущественно в странах Африки, некоторыми исследователями стала предлагаться противоположенная постулату единого демократического модерна идея о том, что «в ходе взаимодействия традиционного исторического наследия и современности возникают политические системы нового, неопатримониального типа, которые являются не переходными или промежуточными образованиями, а напротив, конечным результатом трансформационного процесса»³¹.

Патримониализм был описан М. Вебером в его работе «Хозяйство и общество» и представлял собой тип политического господства, при котором «властные полномочия и экономические права рассматриваются как вид апроприированных частных экономических возможностей»³².

Концепция неопатримониализма за время своего существования претерпела внушительное количество интерпретаций, часто вступающих друг с другом в противоречие. Принимая во внимание большое количество исследований, описывающих процессы политических трансформаций в Африке³³, Латинской Америке³⁴, Юго-Восточной Азии³⁵ через призму неопатримониализма, принципиально значимо единство в определении концепта. Однако такого единства на данный момент нет. Не сходятся исследователи в таких базовых концептуальных вопросах как соотношение понятий патримониализм и

---

³¹ Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. — 2010. — № 4. С. 162

³² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионин; НИУ «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т. I. — 2016 С. 274

³³ См.: Bratton M., Van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. — Cambridge University Press. — 1997. 311 p.; Chabal P., Daloz J. P. Afrika Works: Disorder as Political Instrument. — Indiana University Press. — 1999. 192 p.; Joseph R. A. Democracy and Prebendal Politics in Nigeria. — Cambridge University Press. — Vol. 56. — 2014. 250 p.; Le Vine V. T. African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective — Journal of Modern African Studies. — Vol. 18. No. 4. — 1980. P. 657–673.

³⁴ См.: Roett R. Brazil: Politics in a Patrimonial Society. — Greenwood Publishing Group. — 1999. 244 p.; Zabudovsky G. The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America. — International Sociology. Vol. 4. № 1. — 1989. P. 51–66; Remmer K. L. Neopatrimonialism: The Politics of Military Rule in Chile, 1973–1987. — Comparative Politics. Vol. 21. № 2. — 1989. P. 149–170

³⁵ См.: Crouch H. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia. — World Politics. Vol. 31. № 4. — 1979. P. 571–587; Hutchcroft P. D. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: The Politics of Patrimonial Plunder. — World Politics. Vol. 43. No. 3. — 1991. P. 414–450

неопатримониализм, разграничение авторитарного режима и неопатримониального, роль клиентарно-патронажного обмена в неопатримониальных системах и по многим другим принципиальным пунктам. Многоголосица в подходах создает опасность превращения концепции неопатримониализма в малопродуктивный и размытый концепт.

В этом параграфе мы попытаемся оценить трансформацию подходов к определению неопатримониализма. Для этого нам необходимо решить следующие задачи:

1. Определить концептуальные основы неопатримониализма через обращение к базовому понятию патримониального типа господства;
2. Выявить параметры, по которым ведутся споры относительно понятия неопатримониализма, установить, существует ли концептуальное ядро, в отношении которого споры не ведутся или минимальны;
3. Предложить авторское определение неопатримониализма;
4. Обозначить вызовы для концепции неопатримониализма, с которыми исследователям удалось справиться и с которыми справиться предстоит.

Определение патримониального типа политического господства

Исследуемое нами понятие неопатримониализма уже своей морфемикой дает основания для первоначального анализа. Поскольку термин «неопатримониализм» образуется приставочным (префиксальным) способом путем присоединения приставки «нео» к слову «патримониализм», начать стоит именно с базовой концепции патримониализма.

Понятие «патримониализм» происходит от латинского слова *patrimonium*, впервые встречающееся в римском праве и означающее наследственное, родовое имущество. В язык политической науки этот термин ввел Томас Гоббс, который предложил идею «патримониальной монархии». Под этим термином он подразумевал особую господскую форму власти (*dominion*), при которой политическая власть в отношении всего, что заключено в рамках определенной территории, осуществляется как реализация частнособственнических прав, приобретенных в результате тех или иных завоеваний или сделок. О

самостоятельном статусе патримониализма можно говорить в связи с работой швейцарского правоведа Карла Людвиг фон Галлера «Реставрация науки о государстве» (1816–1834), где им выдвигается иная, отличная от популярной концепции «общественного договора», теория происхождения государственной власти – патримониальная. На его взгляд, собственность есть не следствие существования государства, а наоборот, как и государство, так и власть суть следствие реализации прав частной собственности. Соответственно функции государства (по обеспечению безопасности, сбору налогов и осуществлению правосудия) эволюционируют из управления собственным хозяйством правителя и связанного с ним аппарата принуждения (штаба управления). Со схожих позиций в современной науке об обществе свои теории развивают Ноберт Элиас и Чарльз Тилли, рассматривающие происхождение государства не с либеральных позиций теории общественного договора, а наоборот – как институционализацию насилия (Н. Элиас)³⁶ и рэкета (Ч. Тилли)³⁷, которые позже оформились в базовые признаки государства – монополию на насилие и на налогообложение.

Впервые термин «патримониализм» получил комплексное раскрытие в рамках макросоциологического анализа в работе Макса Вебера «*Хозяйство и общество*», где немецкий классик разрабатывает типологию легитимного господства и противопоставляет патримониализм (как подвид традиционного доминирования) правлению, основанному на господстве рационально-легальных норм³⁸. По определению М. Вебера, патримониальным называется такое господство, которое традиционно ориентировано (то есть его легитимность основывается на вере в святость традиции), но реализуется как полное личное право. Патримониализм (особенно в своей сословной форме) рассматривает публичные полномочия в качестве личных экономических возможностей.

---

³⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования // Университетская книга. – 2001. – Т. 1. 332 с.

³⁷ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Менской Т. Б. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 328 с.

³⁸ Вебер М. Указ. соч. С.269-275

Развиваясь из управления хозяйством правителя/господина, патримониальное господство возникает первоначально через отделение слуг/клиентов от домашнего хозяйства властителя и предоставление им наделов земли, титулов, пожалований, возможностей сбора податей через систему кормлений и т. д.

Идеально-типически патримониализм как вид традиционного господства противопоставляется рациональному и харизматическому господству. Но М. Вебер также разделяет патримониализм с такими типами как патриархализм, геронтократия, султанизм и сословное господство. От патриархализма и геронтократии патримониализм отличается тем, что в нем господство осуществляется с помощью управленческого (и военного) *штаба господина*. Еще одно существенное отличие в том, что в геронтократии и патриархализме власть основана на вере *товарищей союза* в священность традиции и соответственно в необходимость править самому старшему как лучшему знатоку священной традиции (геронтократия) или индивиду, который получил власть по установленным правилам наследования (патриархализм). Суть в том, что господство должно реализовываться как право товарищей и в их интересах, и не может быть присвоено лично господином. Примером здесь может служить княжеская дружина. Иначе дело обстоит в патримониализме. Патримониальным Вебер называет господство, которое реализуется в силу полного личного права. Здесь нет товарищей, здесь есть *подданные (личные слуги)*. Однако вместе с тем Вебер подчеркивает, что господство в патримониализме вполне традиционно, поскольку осуществляется на основе собственного права (легитимированного правда только как «издавна существовавшего и лишь теперь найденного в древних грамотах»³⁹). Там же, где права нет вовсе, то есть патримониальное господство основано на ничем не ограниченном произволе, можно говорить о крайней его форме – султанизме. Сословное господство представляет собой разновидность патримониализма, при котором часть средств управления присваивается членами штаба управления.

---

³⁹ Там же. С. 265

М. Вебер выявляет, прежде всего, политическое измерение патримониального господства. Политическую природу патримониализма М. Вебер связывает с «частным присвоением судебно-юридических и военных функций государства, которое часто становится правовой основой для сословно-привилегированного положения присвоивших эти функции лиц в противоположность присвоению чисто экономических возможностей в виде домениальных, налоговых и любых других побочных источников доходов»⁴⁰. Понятие патримониализма, подчеркивает М. Вебер, он использует исключительно для обозначения типа политического доминирования, при котором публичная власть (прежде всего, публичные полномочия юридического и военного характера) присваиваются официальными лицами: «терминологически я должен ограничить понятие патримониализма лишь определенными типами политического господства; ...при этом я подчеркиваю принципиальное различие домашней, персональной или вотчинной власти, с одной стороны, и политического господства (Herrschaft) с другой: последнее не является выражением ни одного из перечисленных видов власти, но скорее предполагает юридическую и военную власть»⁴¹. Именно в этом кроется значение М. Вебера для политологической интерпретации патримониализма, здесь он делает большой шаг вперед по сравнению с предшественниками. Если предыдущие интерпретации рассматривали патримониализм как реализацию патриархальных отношений личного или, скорее, семейного типа и, как результат, приравнивали патримониализм к выражению частноправовых аспектов вотчинной земельной собственности, то М. Вебер подчеркнул его публично-политический характер и отличие, с одной стороны, от отношений патриархата в рамках личного хозяйства, с другой стороны - от вотчинных (Grundherrschaft) отношений.

Еще одним важным умозаключением М. Вебера является акцент на том, что патримониальный способ осуществления власти можно найти внутри различных

---

⁴⁰ Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. - 2007. - № 6 – С. 9

⁴¹ Цит. по: Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. С. 9

политических и экономических систем. М. Вебер отмечает, что «в той мере, в какой судебные полномочия и другие права политического происхождения рассматривались в качестве частных полномочий, терминологически верно говорить и о патримониальном господстве. Патримониальным институтам, прежде всего, недостает бюрократического разделения частной и публичной сферы. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани»⁴². Различные общества могут ранжироваться по степени патримониальности, однако суть патримониализма по Веберу заключается в рассмотрении обладателем его властных полномочий и связанных с ними возможностей (материальных, статусных) как определенной разновидности частных прав.

Таким образом, патримониализм выражается в присвоении, или апроприации сферы управления носителями политической власти, а также в синкретизме частной и публично-политической сфер жизни общества, в результате чего управление государством осуществляется как управление частным владением («вотчиной», или Grundherrschaft - по Веберу) правящей элиты, которая, используя систему власти-собственности, приватизирует различные государственные институты и общественные функции. Как пишет исследователь творчества М. Вебера Р. Бендикс, «в патримониальном господстве правитель рассматривает всю сферу политического управления в качестве своего личного дела, обладание же политической властью он использует в качестве полезного дополнения к своей частной собственности»⁴³.

Трансформация подходов к понятию неопатримониализма

Мысль М. Вебера о том, что патримониальный тип господства можно найти в любом обществе на любом этапе его развития, сыграла значительную роль в последующем интересе к этой концепции. С середины 60-х годов в язык политической науки вошел термин «неопатримониализм», наиболее полно

---

⁴² Цит. по: Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. С. 9

⁴³ Bendix R. Max Weber. An Intellectual Portrait. London: Methuen, 1966. P. 345

развитый в работах Ш. Эйзенштадта. Неопатримониализм является продуктом модернизации развивающихся обществ и представляет собой симбиоз отдельных элементов традиционализма и современного государства. Эйзенштадт выделяет следующие отличительные черты неопатримониальных режимов: «монополизация власти и политических ресурсов со стороны центра, минимизация независимого доступа к ним для широких групп, минимальная степень стремления к созданию более разнообразных институтов и социальных практик»⁴⁴.

Александр Анатольевич Фисун, профессор Харьковского национального университета, опираясь, прежде всего, на классическую работу Ш. Эйзенштадта, отмечает следующие принципы неопатримониальных систем:

1) «Политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;

2) Государство управляется как частное владение (патримониум) правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;

3) Этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования»⁴⁵.

Концептуализировавшись, неопатримониализм достаточно плодотворно стал использоваться для описания африканских политических режимов постколониального периода.

Новый виток интереса к этой концепции связан с распадом Советского Союза и пока не оправдавшимися надеждами на успешный демократический транзит большинства из образовавшихся в его результате государств. Эвристический потенциал концепции неопатримониализма в изучении постсоветских

⁴⁴ Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – Sage Publications (CA). 1973. Vol. 1. P. 18

⁴⁵ Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. С. 11-12

политических режимов был продемонстрирован А. Фисуном. По мнению исследователя, конкретную историческую конфигурацию отношений гражданского общества и государства определяет последовательность, с которой осуществлялись процессы демократизации и бюрократизации. В тех случаях, когда строительство рациональной бюрократии предшествовало процессам демократизации, возникала стабильная партийно-парламентская система с высоким уровнем подотчетности партий перед гражданами. В тех случаях, когда эти два события шли в обратной последовательности, то есть когда демократизация предшествовала бюрократизации, возникали политические институты скорее неформального типа, основанные на клиентарно-патронажном обмене⁴⁶. Именно ко второму типу государств относятся и африканские, и постсоветские режимы. Это дает основание считать исходные позиции для применения концепции неопатримониализма достаточно схожими. При этом большинство исследований, осуществленных с помощью неопатримониальной интерпретации, сконцентрированы на политических режимах Африки и Латинской Америки. По отношению к постсоветским государствам и к России в частности комплексного применения концепции неопатримониализма пока не осуществлено.

Критика неопатримониализма связана с отсутствием единственно принятой трактовки этого понятия. В статье «Neopatrimonialism reconsidered: critical review and elaboration of an elusive concept» Ульф Энгель и Джиро Эрдман представляют хронологический обзор наиболее значимых работ по неопатримониализму⁴⁷. Немецкие исследователи выделяют девять ключевых работ, в которых неопатримониализм рассматривается как самостоятельный объект исследования. Это работы Гюнтера Рота, Рене Лемаршана и Кейта Легга, Шмуэля Эйзенштадта, Робина Теобальда, Жан-Франсуа Медара, Кристофера Клепхема и других. В соответствии с критическим обзором, понимание неопатримониализма разнится от

---

⁴⁶ Аналогичная позиция прослеживается в: Шефтер М. Партия и патронаж: Германия, Англия и Италия [Текст] / М. Шефтер // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 185 – 241

⁴⁷ Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. – Commonwealth & Comparative Politics. Vol. 45. №. 1. – 2007. P. 95-119

работы к работе, и, чтобы не допустить его превращение во всеобъемлющий концепт (catch-all concept), современным исследователям неопатримониализма стоит обратить внимание на несколько требующих осмысления вопросов: 1) как разграничиваются неопатримониализм с одной стороны и клиентелизм, патронажная система – с другой; 2) как можно измерить неопатримониализм; 3) как неопатримониализм связан с классической типологией политических режимов; 4) что значит приставка «нео», т.е. отличается ли концептуально феномен неопатримониализма от классического патримониализма и если да, то чем.

И несмотря на отсутствие консенсуса в понимании концепта, Д. Эрдман и У. Энгель считают его потенциально плодотворным и весьма перспективным для объяснения логики политических отношений в обществах, столкнувшихся с проблемами традиции в строительстве современного национального государства. Тем не менее дальнейшие исследования неопатримониализма нуждаются в более четкой концептуализации этого понятия. Для того, чтобы разобраться, где кроются ключевые различия в понимании концепции и в чем можно обнаружить концептуальное ядро, хронологически рассмотрим основные подходы к определению неопатримониализма.

Термин «патримониализм» с новой силой зазвучал в конце 60-х годов XX века благодаря немецкому социологу **Гюнтеру Роту**. Именно им на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 году впервые была озвучена идея о том, что в мире проявляются новые, современные формы патримониального господства. Через два года Г. Ротом была опубликована статья в журнале «World Politics». И в выступлении, и в статье Г. Рот критиковал сплошное и неизбирательное использование термина «харизма» в политических исследованиях развивающихся обществ. Общим местом, по мысли Г. Рота, являлось осмысление политического развития этих государств в рамках дихотомии между харизмой и рационально-легальной бюрократией. При этом из виду упускалась более широкая типология политического господства М. Вебера и в особенности – концепция патримониального господства.

Г. Рот отмечал, что традиционные формы политической и социальной жизни могут сохраняться в современности, несмотря на то, что традиционная легитимность, основанная на харизме, сходит на нет⁴⁸. Одной из таких форм может быть патримониализм. Г. Рот разграничивает понятия «традиционного патримониализма» (traditional patrimonialism) и «персонального правления» (personal rulership). В дальнейшем он использует понятие неопатримониализма как явный синоним персонального правления. Отличие второго от первого заключается в том, что персональное правление не требует веры в личные качества правителя или особого ощущения миссии, а основывается главным образом на материальных стимулах и вознаграждениях. В свою очередь персональное правление отличается от рационально-легального доминирования тем, что законодательное регулирование продвижения по службе в соответствии с принципами меритократии не играет доминирующей роли в государственном управлении.

Ключевым пунктом в анализе Г. Рота является утверждение, что неопатримониальный тип господства можно найти в любом типе общества и в любом политическом режиме. Так, например, патримониальными были как советский бюрократический аппарат, так и аппарат Джона Кеннеди.

Помимо новаторского обращения к веберовской категории патримониализма заслуга Г. Рота состоит, таким образом, в следующем. Прежде всего, им была предпринята первая попытка разграничения патримониализма и неопатримониализма. В качестве водораздела он обозначил основания легитимности (личная харизма правителя в традиционном патримониализме и материальные интересы в неопатримониализме). Во-вторых, Г. Рот подчеркнул недопустимость приравнивания неопатримониализма к авторитаризму, поскольку первый может быть найден в любой точке спектра от демократии до авторитаризма.

В качестве упущений подхода Г. Рота можно отметить то, что он все же не уделил должного внимания различиям между неопатримониализмом и

---

⁴⁸ Roth G. Personal rulership, patrimonialism, and empire-building in the new states //World politics. – 1968. – Vol. 20. – №. 2. – P. 194-206

авторитаризмом. Также несмотря на то, что в его работе звучат мысли о сосуществовании в неопатримониализме элементов рациональной и патримониальной бюрократии, он не объяснил, как они взаимосвязаны.

Кейт Легг и Рене Лемаршан в изучении неопатримониальных систем сделали акцент на клиентарно-патронажных отношениях. Они различают два типа клиентарно-патронажных сетей: феодальную и патримониальную. Патримониализм отличается от феодализма тем, что функционирует через административный аппарат, должностные лица которого лично назначаются правителем. «Патримониальная система отличается от феодальной еще и тем, что при феодализме связь между господином и вассалом является как выражением, так и причиной политических отношений. К. Легг и Р. Лемаршан делают вывод о том, что патримониальные отношения сравнительно менее персонализированы и поэтому менее надежны, чем те, что возникают вокруг взаимных феодальных обязательств»⁴⁹. Они различают две формы патримониализма: традиционную, при которой клиентарно-патронажные отношения пронизывают всю политическую систему в целом, и модернизированную, которой присуща большая степень социальной мобилизации, приводящая к разрывам в клиентарно-патронажных сетях между различными уровнями и ветвями власти.

Акцент на клиентарно-патронажном обмене в изучении неопатримониальных систем – исключительно важная заслуга К. Легга и Р. Лемаршана. Можно сказать, что именно они заложили традицию, при которой изучение неопатримониальных систем самих по себе или в приложении к конкретным режимам тесно сопряжено с выявлением механизмов и особенностей клиентарно-патронажных сетей.

Тем не менее, в их подходе к неопатримониализму, на наш взгляд, имеют место не получившие при этом собственного развития вопросы. В общем и целом, они связаны с разграничением классического и нового патримониализма. Во-первых, неясно, какими отношениями создаются описываемые ими разрывы в

---

⁴⁹ Теобальд Р. Патримониализм [Текст] / Робин Теобальд; пер. с англ. А. Фисуна // Прогнозис. - 2007. - N 2. - С. 168

клиентарно-патронажных сетях в рамках неопатримониального типа господства. Во-вторых, остается не проясненным, в какой степени происходит замещение новыми, модерновыми институтами. Является ли это взаимодействие мирным или конфликтным, паритетным или современные институты похожи, скорее, на ширму, а традиционные составляют ядро, реальный смысл и основу функционирования режима? Происходит ли со временем поглощение современными институтами традиционных или наоборот, или можно говорить о появлении некой гибридной формы институтов? И вообще, что следует считать институтами современными и традиционными? Не является ли нормой для любого общества сосуществование современного и традиционного? Нет также в их работах постановки вопроса о соотношении политического режима и неопатримониализма – можно ли говорить о возможности нахождения неопатримониализма на всем спектре политических режимов от авторитаризма до демократии.

Наиболее всестороннее развитие концепция неопатримониализма получила в работах **Шмуэля Эйзенштадта**. В своей хрестоматийной работе «Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism» израильский исследователь оправдывает применение концепции патримониализма к анализу современных политических систем. В результате попыток модернизации, показывает Эйзенштадт, современные политические системы приобретают специфические черты, отличные как от моделей национального государства, так и от «революционных моделей современности». По его мнению, традиционный патримониализм был характерен для различных древних и средневековых обществ⁵⁰. Модернизация современных постколониальных обществ выливается в возникновение принципиально отличных от идей административной рациональности неопатримониальных структур, для которых характерно соединение отдельных элементов современного государства и традиционализма⁵¹. Возникновение неопатримониального господства объясняется тем, что рождение политических институтов после периода колониализма во многих развивающихся

---

⁵⁰ Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – Sage Publications (CA). 1973. Vol. 1. P. 5

⁵¹ Ibid. P. 7

государствах Африки, Азии и Латинской Америки происходит в рамках специфического синтеза традиционных и современных элементов. Режим, полученный в результате этого синтеза, не является некой переходной формой к современному национальному государству, но напротив – обладает высокой устойчивостью и собственной логикой развития. Неопатримониальная природа режима приводит к изменению самого смысла функционирования формальных политических институтов модерна — парламента, политических партий, бюрократического аппарата и судебной системы. Таким образом, по мнению Эйзенштадта, своим возникновением неопатримониальные режимы обязаны провалам политики модернизации и строительства институтов современного государства.

В чем новизна взгляда Эйзенштадта на понятие неопатримониализма? В отличие от Г. Рота, «Эйзенштадт связывает неопатримониализм не только и не столько с персональным правлением и различными формами персонального правления, сколько с доминирующим типом взаимоотношений между властным центром и периферией системы, т. е. с определенной структурой взаимоотношений в рамках всей социальной системы и способами ее воспроизводства»⁵². Ключевой характеристикой неопатримониальных обществ, по Эйзенштадту, является особый характер отношений политического центра и периферии. Политический центр монополизирует функцию формирования политических символов и самостоятельно определяет нормы социального и морального порядка. «В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними»⁵³.

Эйзенштадт указал на три специфические характеристики, по которым неопатримониализм можно отличить от чисто современных моделей политического устройства. Помимо «выделенности» (distinctiveness) центра и его

---

⁵² Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. С. 164

⁵³ Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 327

отношений с периферией, которые мы отметили выше, Эйзенштадт подчеркивает во-первых, определение границ этих отношений, и во-вторых, шаблоны политической организации, борьбы и изменений внутри них. Затем он описывает эти характеристики, хоть и более подробно, но зачастую в крайне абстрактных терминах. По мнению У. Энгеля и Дж. Эргмана, у подхода Эйзенштадта есть два существенных недостатка⁵⁴. Во-первых, он не дал объяснения, как соотносятся такие понятия, как кооптация, клиентелизм, nepotism и авторитаризм, с неопатримониализмом: можно ли говорить о каких-либо отношениях рода и вида между этими понятиями. Во-вторых, критики отмечают, что в объяснении того, что значит приставка «нео», Эйзенштадт упустил важнейший момент – связь рационально-легальной и патримониальной бюрократии. Для него различия современного неопатримониализма и традиционного патримониализма заключаются в типах проблем, с которыми эти режимы сталкиваются, и в различных шаблонах политической организации – современный неопатримониализм должен справляться с более сложными задачами социальной организации и обладать, пусть и с искаженным смыслом, но более сложной бюрократической системой. Тем не менее, вопрос, как соотносятся принципы организации бюрократии и более широко – основания легитимности, остается за полем зрения исследователя.

Если во всех обозначенных выше работах предпринят универалистский подход к неопатримониализму, то **Виктор Ле Вайн** стремился применить концепт к анализу конкретных случаев, а точнее, к изучению африканских государств. Его вклад в дебаты о неопатримониализме заключается в привнесении такой его вариации, как «африканский патримониализм», который является частным случаем патримониализма, отличающимся при этом от базового понятия патримониализма. В подходе Ле Вайна чувствуется своеобразный упрек Веберу (или, скорее, его последователям) в том, что концепт патримониализма практически синонимичен патриархату. Однако такая интерпретация Вебера (приравнивание

---

⁵⁴ G. Erdman, U. Engel. Op. cit. P. 100

патримониализма к патриархату) не слишком убедительна – мы уже убедились, что Вебер проводит четкую границу между патримониализмом и патриархатом. Более того, африканский неопатримониализм Ле Вайна вряд ли является чем-то большим, чем вариацией концепта Г. Рота с его акцентом на персонализм, т.е. фиксации суверена на вершине политической пирамиды.

Робином Теобальдом был осуществлен полноценный критический обзор литературы по неопатримониализму, имевшейся к началу 80-х годов. Подробный анализ этой литературы позволил ему указать на недостатки дебатов о неопатримониализме и выразить опасения, что концепция начинает терять свой эвристический потенциал. Основной проблемой ему видится то, что практически все исследователи связывают патримониализм с патрон-клиентскими отношениями. Однако в современных обществах, указывает Теобальд, сложно разграничить клиентелизм и взаимообмен, пронизывающий социальную жизнь как таковую. Суть своей претензии Теобальд выражает в следующем вопросе: «в чем состоит отличие природы отношений между, с одной стороны, корпусом функционеров, связывающих себя и свою карьеру с Робертом Макнамарой, и, с другой стороны, мастером участка, который «закрывает глаза» на правила безопасности для того, чтобы помочь начальнику цеха достигнуть запланированного уровня производства? Если это различие заключается в той степени политической власти, которой обладает Роберт Макнамара, в сравнении с неизвестным мастером участка, то разветвления в этом пункте – особенно уровня власти, при котором эти отношения могут перестать быть патримониальными, - нуждаются в тщательном изучении»⁵⁵.

Чтобы справиться с этой проблемой, необходимо разграничить патримониальную и рационально-легальную бюрократию. В этой точке Теобальд обращается к Веберу. «Неопатримониальная администрация отличается от рационально-легальных бюрократий тем, что в ней по преимуществу отсутствуют следующие черты: четко определенные сферы компетенции, которые являются

---

⁵⁵ Теобальд Р. Указ. соч. С. 171

объектом имперсональных правил; рациональное упорядочивание отношений вышестоящих и нижестоящих; формальные системы назначения и продвижения по служебной лестнице на основе свободного контракта; специальная подготовка в качестве необходимого условия; постоянное содержание, выплачиваемое в денежной форме. <...> И хотя вышеназванные характеристики хорошо известны, связь между патримониальными бюрократиями и возникновением современной бюрократии проводится не всегда»⁵⁶. Разграничивая рационально-легальную и патримониальную бюрократию, Теобальд делает акцент на экономическом укладе общества и степени развитости монетарных отношений. Он отмечает, что рациональная бюрократия нуждается в определенных условиях существования: стабильной налоговой системе, развитых товарно-денежных отношениях. В обществах, где доминирует бартер, должностные лица получают не фиксированное жалование, а возможность «кормиться» с должности, получают своеобразную «долю» с земли, реализующуюся в возможности собирания дани с крестьянского населения.

Ключевой проблемой в интерпретации неопатримониализма Р. Теобальда, на наш взгляд, является нерешенность вопроса об отличиях между старыми имперскими бюрократиями и неопатримониализмом. Следование его позиции приводит к выводу, что неопатримониализма не существует самого по себе – есть просто государства с откровенно отстающим от современности экономическим укладом. И только в таких государствах возможна патримониальная бюрократия. Поэтому, чтобы изучать бюрократию и относить ее к какому-либо из обозначенных видов, в каждом конкретном случае необходимо опираться на структуру ВВП, потенциал налоговой системы, характер торговых отношений. Однако такой подход, во-первых, закрывает глаза на отдельные примеры, когда неопатримониальные черты проявляются в государствах с рыночной структурой экономики и работающей налоговой системой, во-вторых, не дает ответа на вопрос, связан ли как-то современный патримониализм с рациональной бюрократией.

---

⁵⁶ Там же. С. 172-173

Следующим, кто обратился к проблеме неопатримониализма, был **Жан-Франсуа Медар**. Если К. Легг и Р. Лемаршан объединяли клиентелизм и патримониализм, французский исследователь представлял их как две соревнующиеся модели для объяснения политической отсталости. Для Медара концепт клиентелизма слишком узок, чтобы охватывать все разнообразие практик отсталого государства. Непотизм, коррупцию, трайбализм (или землячество, этницизм) можно воспринимать как конститутивные элементы отсталого государства⁵⁷. Неопатримониализм трактуется шире – как самостоятельный политический тип, имеющий черты как современных, так и традиционных политических форм, но при этом отличающийся от них. Медар вслед за Эйзенштадтом обратил внимание на процесс формирования неопатримониализма. Ключевым фактором здесь является то, что «недоразвитое государство» (undeveloped state) превращается в постоянное условие, а не некую транзитную стадию на пути к устойчивому национальному демократическому государству. Отсюда «главной задачей правителей становится не развитие государства, а поддержание порядка и собственное политическое выживание, которое обеспечивается с помощью инструментов патримониальной политики»⁵⁸.

На наш взгляд, справедливы замечания Дж. Эрдмана и У. Энгеля, предъявляемые позиции Медара относительно природы современного патримониализма. С одной стороны, им было отмечено, что в неопатримониализме сосуществуют элементы современности и традиционности. С другой стороны, Медар подчеркивает, что приватизация публичных функций как ядро неопатримониализма своим следствием имеет то, что политическая власть является персональной властью⁵⁹. Но если мы говорим о персональной власти и полном присвоении публичных функций в частных целях, мы вновь возвращаемся к патримониализму, хоть и в «современной среде». Тогда как трактовать приставку «нео»?

---

⁵⁷ Médard J. F. The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neo-patrimonialism // Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State. London: Frances Pinter. – 1982. – Vol. 162

⁵⁸ Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. С. 168

⁵⁹ G. Erdman, U. Engel. Op. cit. P. 101-102

Кристофер Клэпхем дает лаконичное определение, которое, на наш взгляд, ближе других подходит к разрешению сложившихся концептуальных противоречий. По Клэпхему *«неопатримониализм – это форма организации, в которой отношения широкого патримониального типа пропитывают политическую и административную систему, которая формально конструируется на рационально-легальных основаниях. Официальные лица занимают позиции в бюрократическом аппарате с полномочиями, которые официально определены, но осуществляются эти полномочия как форма частной собственности»*⁶⁰.

Такой подход к определению, с одной стороны, демонстрирует концептуальное единство с «материнским» понятием патримониализма, с другой - выделяет по отношению к нему особенность *неопатримониализма*, которая заключается в сочетании современных и традиционных черт политической системы. В этом сочетании современные институты являются, скорее, ширмой, в каком-то смысле симулякром, но логика функционирования административного аппарата и политической системы объясняется унаследованными традиционными патримониальными чертами.

Этот же подход к определению разделяют **Михаэль Браттон и Николас Ван де Валле**. Им также удалось четко разграничить неопатримониализм и патримониализм. Неопатримониализмом они считают режимный гибрид, в котором привычки и образцы поведения, характерные для патримониализма, сосуществуют с легально-рациональными институтами и проникают в них. Критика их работ связана, в основном, с операционализацией понятия неопатримониализма. Исследователи раскрывают его через понятие «президенциализма», который объясняют весьма специфическим для западной политической науки способом – как систему, в которой «один человек сопротивляется делегированию любых полномочий, связанных с принятием

---

⁶⁰ Clapham C. Third World Politics (London: Helm). – 1985. P. 48

решений, кроме самых малозначительных»⁶¹. В западной литературе президентализм (presidentialism) определяется совершенно иначе – как президентская форма республики. Однако Браттон и Ван де Валле раскрывают его как систему власти, в которой президент почти не ограничен правом и законом. Тем самым авторы не только смещают семантический фокус с достаточно устойчивой терминологии, но и смешивают концепт неопатримониализма одновременно с авторитаризмом и патримониализмом. Таким образом, по замечанию Дж. Эрдмана и У. Энгеля, сколь удачно в подходе Браттона и Ван де Валле определение неопатримониализма, столь неудачна операционализация.

Анализ литературы по неопатримониализму, безусловно, требует обращения к работам практически единственного исследователя с постсоветского пространства, занимающегося как осмыслением неопатримониализма *per se*, так и применительно к политическим режимам государств бывшего СССР – **Александра Фисуна**. В качестве основных характеристик неопатримониальных систем он выделяет:

- «формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности;
- частное — в той или иной степени — использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь силовой и фискальной функции государства, которые применяются главным образом для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов;
- ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы»⁶².

Таковы основные подходы к определению неопатримониализма. С учетом высказанных затруднений и противоречий, сделаем попытку дать собственное

---

⁶¹ Bratton, M. & van de Walle, N. Op. cit. P. 63

⁶² Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. С. 168

определение неопатримониализма. На наш взгляд, *неопатримониализм* – это такой тип доминирования, в рамках которого политико-административная система строится формально на рационально-легальных основаниях (современных институтах и правилах продвижения по службе, распределения благ и т.д.), однако логика ее функционирования диктуется неформальными институтами (непотизмом, клиентарно-патронажными сетями, трайбализмом и т.д.), в результате чего общественные полномочия апроприируются и рассматриваются политическими агентами как частная собственность. Акцент на неформальных институтах также требует ответа на важный вопрос: всегда ли наличие неформальных институтов определяет неопатримониальный характер политической системы. Ведь если быть честным, неформальные институты присутствуют в жизни любого сообщества, поскольку способны снизить отчуждение, формируемое бюрократическими правилами. Желание снизить степень отчуждения имманентно присуще человеческой природе, поэтому исключить личные отношения из любых сфер общественной жизни (в том числе из политики и управления) невозможно. На наш взгляд, чтобы говорить о неопатримониальном характере системы, важно выполнение двух условий. Во-первых, речь должна идти о вертикальных связях. Как будет показано в первом параграфе второй главы, неформальные институты могут быть основаны на горизонтальных и вертикальных взаимодействиях (соответственно на равенстве/неравенстве ресурсов, договоре/подчинении). И хоть неформальные институты, основанные на горизонтальных связях, могут иметь значение для функционирования государственного аппарата (например, предоставление взаимных услуг «по благу» или отмечаемое исследователями влияние на судебную систему частой работы сотрудников прокуратуры и судей в одном здании⁶³), все же именно вертикальный обмен в неформальных институтах задает отношения власти и подчинения. И именно такому типу неформальных институтов мы уделим свое внимание в нашем исследовании далее, продемонстрируем их влияние на

---

⁶³ Барсукова С.Ю. Не бойтесь судей, они сами боятся // Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. [Текст] / С.Ю. Барсукова; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 178-179

неопатримониальный характер политической системы. Во-вторых, важен уровень власти, на котором распространяются неформальные практики. Если речь идет о влиянии личных отношений на решения сельского схода или городской думы, мы не можем с уверенностью сказать, «схвачена» ли суть неопатримониализма. В этом случае есть риск попасть в ловушку ошибочной операционализации (или смещения релевантности⁶⁴), поскольку мы не можем сказать, являются ли такие практики универсальными или вызванными некими особенностями определенной местности. О неопатримониализме имеет смысл говорить, когда неформальные институты определяют функционирование системы на политическом уровне (отношения высших должностных лиц, политических партий, крупных собственников, СМИ и т.д.) и/или являются универсальными для функционирования бюрократии. Если распространение неформальных институтов отвечает двум этим условиям, можно с уверенностью говорить о неопатримониальном характере политической системы.

Хронологический анализ литературы о неопатримониализме позволяет с оптимизмом отметить, что в общем и целом исследователи справились с двумя важными задачами, которые делали концепт «всеобъемлющим» и «расплывчатым». Во-первых, было необходимо четко разграничить неопатримониализм и классический веберовский патримониализм. Во-вторых, понять, как в неопатримониализме связана рационально-легальная бюрократия с патримониальным типом господства. В общем, эти две задачи синонимичны, поскольку наиболее адекватный ответ на первый вопрос заключается в том, что в неопатримониальных системах традиционные неформальные институты и практики маскируются под формально рационально-легальным бюрократическим аппаратом. То есть формально в политической системе существуют институты современности (рациональная бюрократия, политические партии, парламент), однако логика и суть их деятельности подчинена логике неформальных отношений. Поэтому приставка «нео» означает не просто классический

---

⁶⁴ Вахштайн В. Социологическая операционализация. – ПостНаука. 20.08.2015. Доступ: <https://postnauka.ru/video/51203> (проверено 11.09 2017)

патримониализм, проявившийся в современности, но достаточно отличное от этого феномена явление.

Именно с этой точки зрения нами было сформулировано собственное определение неопатримониализма. С одной стороны, в нем наличествует связь с веберовским пониманием патримониализма как типа доминирования, в котором общественные полномочия апроприируются и дают политическим агентам соответствующие экономические возможности. С другой стороны, оно указывает на его важнейшую черту, отличающую концепт от классического патримониализма, – разграничение формальной логики властных отношений (рационально-легальной) и реальных принципов их осуществления (посредством неформальных институтов).

Однако разработка концепта не может остановиться на дефинициях. И дабы в исследованиях неопатримониализма была преодолена сложившаяся многоголосица, нужна более глубокая операционализация, соотношение со смежными понятиями, установление отношений рода и вида с другими категориями политической науки.

Если более конкретно очертить круг вопросов, на которые необходимо ответить в этом контексте, то, пожалуй, они сводятся к следующим проблемам: 1) как можно классифицировать неопатримониализм; 2) как неопатримониализм связан с типологией политических режимов; 3) как могут быть разграничены неопатримониализм и патрон-клиентские отношения.

Вокруг этих вопросов и будет сформирована повестка для следующих параграфов нашего исследования. Успешное решение этих вопросов позволит сделать существенный шаг к более строгой концептуализации феномена неопатримониализма и сделать перспективы его качественного и непротиворечивого применения к анализу политического развития отдельных государств и регионов более ясными.

1.2. Типология неопатримониальных режимов как способ преодоления концептных натяжек

Среди исследований последнего десятилетия, целью которых являлось осмысление широкого пласта литературы, применяющей концепцию неопатримониализма для анализа конкретных случаев, следует выделить работы Джиро Эрдмана и Ульфа Энгеля, Даниэля Баха, Кристофера вон Соеста, а также Александра Фисуна и Михаила Ильина. Практически каждый из них отмечает неразборчивое применение концепции к конкретным эмпирическим исследованиям, за счет чего концепт теряет свою аналитическую ценность. Поэтому феномен неопатримониализма получил от исследователей такие «титуды» как «неуловимое понятие» (“elusive concept”)⁶⁵, «всеобъемлющий концепт» (“catch-all concept”)⁶⁶, «слово-жужжалка» (“buzz-word”)⁶⁷. Искусственность описания большого числа политических режимов через призму неопатримониализма метафорически воспринимается этими исследователям как *deus ex machina*⁶⁸.

Действительно, в категорию неопатримониальных попадают настолько разные политические режимы, что найти в них общие черты гораздо сложнее, чем различные. Так, в качестве неопатримониальных рассматривались политико-административные системы Камеруна при Ахмаду Ахиджо⁶⁹, Кот-д’Ивуара при

---

⁶⁵ G. Erdman, U. Engel. Op. cit.

⁶⁶ Ibid

⁶⁷ Puyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? – Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. – 2015 – Vol. 18. № 1. P. 26-51

⁶⁸ См., например: G. Erdman, U. Engel. Op. cit. P. 96; Von Soest C. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept. – GIGA-Workshop "Neopatrimonialism in various World Regions". Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies. – 2010. P. 2

⁶⁹ Me´ dard, J.-F. L’État sous-développé au Cameroun. – L’année africaine. – 1977. P.35-84

Феликсе Уфуэ-Буаньи⁷⁰, Кении при Джомо Кениата⁷¹, Заира при Сесе Секо Мобуту⁷², ЦАР при Жане Беделе Бокассе⁷³, современной Мексики⁷⁴, Индонезии при Сухарто⁷⁵, послевоенных Малайзии⁷⁶, Филиппин⁷⁷, Румынии при Чаушеску⁷⁸. С помощью неопатримониальной интерпретации рассматриваются постсоветские государства⁷⁹, в том числе непризнанные (отметим работу Джэфри Оуэна по Приднестровью⁸⁰).

Эти политии разнятся и по размаху коррупционных практик, и по принципам функционирования бюрократии, по кооптации/отчуждению элементов периферии (по Эйзенштадту), по смыслу функционирования и даже по наличию ключевых институтов современности (например, парламент в Центрально-Африканской Республике при Бокассе отсутствовал даже как фасад). Одни из этих политий смогли укрепить государственные институты и продемонстрировать рост экономики, другие не только деградировали экономически, но поставили под сомнение само понятие государства, приближаясь к тому, что в современной политологии получило название несостоявшегося государства («failed state»). Все это можно сказать, даже ограничиваясь кругом исследований политического развития африканских государств. Как неопатримониальные в исследованиях Африки рассматривались без малого 40 государств. По мысли Микаэля Браттона и

⁷⁰ Crook R. Patrimonialism, Administrative Effectiveness and Economic Development in Coˆte d'Ivoire. – African Affairs. – 1989 – Vol. 88. № 351. P. 205–228

⁷¹ Bourmaud D. L'Etat centrifuge au Kenya. – Etats d'Afrique noire: Formations, mécanismes et crise. Paris. Ed. Karthala, coll. "Hommes et sociétés". – 1991 – P. 241-277

⁷² Young C. & Turner T. The Rise and Decline of the Zairian State. – Madison: University of Wisconsin Press. – 1985. – 522 p.

⁷³ Bigo D. Pouvoir et obéissance en Centrafrique. Karthala Editions. – 1988 – 360 p.

⁷⁴ Durazo Herrmann J. Neo-Patrimonialism and Subnational Authoritarianism in Mexico. The Case of Oaxaca. – Journal of Politics in Latin America. – 2010. – Vol. 2. № 2. P. 85-112

⁷⁵ Liddle W. The Relative Autonomy of the Third World Politician: Soeharto and Indonesian Economic Development in Comparative Perspective. – International Studies Quarterly. – 1991. – Vol. 35. № 4. P. 403–427

⁷⁶ Searle P. The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists? – Honolulu: University of Hawai'i Press. – 1999. – 336 p.

⁷⁷ Hutchcroft P. Booty Capitalism: The Politics of Banking in the Philippines – Ithaca. – Cornell University Press. – 1998. – 278 p.

⁷⁸ Linden R. Socialist Patrimonialism and the Global Economy: the Case of Romania. – International Organization. Vol. 40. – № 2. – 1986. – P. 347–380

⁷⁹ Ilkhamov A. Neopatrimonialism, Interest Groups and Patronage Networks: the Impasses of the Governance System in Uzbekistan. – Central Asian Survey. Vol. 26. № 1. – 2007. – P. 65-84; Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация; Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Изд-во Европейского университета в г. Санкт-Петербурге. 2015. 44 с.

⁸⁰ Owen J. Neopatrimonialism and Regime Endurance in Transnistria. Doctoral dissertation. Virginia Tech. 2009. 98 p.

Николаса ван де Валле, «неопатримониальные практики – это ядро политики в Африке. Взаимодействие между «большим братом» и его расширенной свитой определяют африканскую политику от самых высоких кабинетов президентского дворца до скромного сельского собрания»⁸¹.

Однако, как мы уже отметили, каждый из этих примеров чрезвычайно разнится по внушительному объему параметров. В этой связи примечательны слова профессора Лондонской Школы Экономики Тандики Мкандоер: «Государство – это самый демонизированный институт в Африке. Его поносят за его слабость, чрезмерное расширение, взаимозависимость с рынками, репрессивный характер, зависимость от иностранных властей, за его вездесущность и за его отсутствие»⁸².

Именно поэтому невозможно не согласиться с диагнозом, который ставит современным исследованиям неопатримониализма Михаил Ильин: «к настоящему времени термины «патримониализм» и «неопатримониализм» чрезмерно растянуты и с точки зрения продолжающегося расширения концептуального поля, и с точки зрения сдвига семантического фокуса на определенные атрибуты соответствующего феномена. Это делает их новыми, совершенно отличающимися явлениями с радикально отличным смыслом и со случайным набором признаков в ядре концепта»⁸³. Поэтому каждое новое применение термина «неопатримониализм» к странам, режимам и отдельным практикам по сути рождает его заново, акцентируется на совершенно разном наборе характеристик, что вносит существенный вклад в растяжение концепта до всеобъемлющего, неуловимого и малопродуктивного.

На наш взгляд, вся суть критики к концепции неопатримониализма может быть проанализирована через явление, которое в компаративистике было замечено еще в 70-е годы Джованни Сартори и которое было им названо «концептными натяжками». Концептуальное растяжение, или концептные натяжки, по Сартори –

---

⁸¹ Цит. по: Bach D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. – Commonwealth & Comparative Politics. Vol. 49. № 3. – 2011. – P. 280

⁸² Mkandawire T. Thinking about Developmental States in Africa. –Cambridge journal of economics. Vol. 25 № 3. – 2001. – P. 289

⁸³ Ильин М. Опр. cit. P. 30

это методологическое явление, которое стало возможным в связи с расширением количества политологических исследований, в том числе возрастающего интереса к странам третьего мира после окончания Второй мировой войны. Расширение исследовательского поля без существенной переработки и адаптации к новым объектам методологического инструментария и, шире, без осмысления самого языка, заставляли выбирать путь простого расширения значения и сферы применимости имеющихся концептов. Это и есть концептные натяжки, «конечным результатом которых оказывается то, что приобретения с точки зрения зоны охвата, как правило, оборачиваются потерями в плане содержательной (connotative) точности. Получается, что мы можем охватить большее пространство, только если скажем меньше, причем скажем это гораздо туманнее»⁸⁴.

Методологически концептные натяжки – это результат нарушения правил восхождения по лестнице абстракции. Правила эти довольно просты. Если мы хотим охватить с помощью концепта большее число объектов исследования, то должны сделать его более абстрактным, сократив количество входящих в него свойств и атрибутов. И наоборот, мы конкретизируем концепт через добавление или развертывание характеристик, свойств и атрибутов. В этом случае речь идет о спуске по лестнице абстракции и стремлении наиболее точно описать меньшее количество объектов.

Таким образом, правильный путь восхождения по лестнице абстракции подразумевает расширение объема концепта при урезании его смысла. Процедура концептной натяжки же «сводится к попытке обосновать расширение понятия без ужимания его смыслового наполнения: объем понятия возрастает за счет размывания содержания. В результате вместо более «общего» концепта мы получаем его суррогат – всего лишь «общее место» <...> Обобщенный концепт

---

⁸⁴ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). – Полис. Политические исследования. № 3. 2003. С. 69

благоприятствует построению научных «обобщений», тогда как простое «общее место» ведет только к концептуальной расплывчатости и туманности»⁸⁵.

Очевидно, что расширение объема исследований в рамках неопатримониальной интерпретации не могло не сказаться на ее содержании. По всей видимости, то, в чем обвинялась парадигма транзита, постигло и неопатримониализм – все больше его применение порождает концептные натяжки. Один из наиболее эффективных механизмов их преодоления – это аналитическое разделение разных форм неопатримониального господства.

Варианты типологий неопатримониальных режимов

Однако, прежде чем анализировать предпринятые в этом отношении попытки, ответим на вопрос, а есть ли хоть какой-то консенсус в понимании неопатримониализма среди исследователей. Да, в отношении самого определения неопатримониализма в исследовательской литературе сложилось взаимопонимание – вывод, к которому мы пришли в предыдущем параграфе. Во всех наиболее существенных работах неопатримониализм понимается как тип доминирования, при котором политико-административная система формально строится на рационально-легальных основаниях, но логика ее функционирования задается отношениями неформального патримониального типа. Однако, по емкому выражению вон Соеста, в этой точке консенсус и заканчивается⁸⁶.

Тем не менее, у нас есть отправная точка, или, следуя теории Сартори, можно сказать, что у концепции неопатримониализма соблюдено требование позитивной идентификации на высшем уровне абстракции⁸⁷. Исходя из этого уже можно спускаться вниз по лестнице абстракции и аналитически разводить те совершенно различные явления, которые из-за неразборчивого применения концепции неопатримониализма описываются одним и тем же словом. Наиболее значимым в этом отношении являются попытки классификации, которая сама по себе, по мысли

---

⁸⁵ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II). – Полис. Политические исследования. № 4. 2003. С. 153

⁸⁶ Von Soest C. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept. P. 2

⁸⁷ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II). С. 154

Сартори, «по-прежнему представляет собой главный инструмент внесения аналитической ясности во все, что бы мы ни обсуждали»⁸⁸.

Применительно к неопатримониализму одна из наиболее значимых попыток в этом направлении принадлежит, на наш взгляд, **Даниэлю Баху**. Им было предложено различать *регулируемые* (regulated neopatrimonialism) и *хищнические* (predatory neopatrimonialism) формы неопатримониализма. Основанием для разделения служат способ и интенсивность регулирования патримониальных практик.

Распределение ресурсов в **регулируемой форме неопатримониализма** нацелено на взаимное приспособление различных групп интересов (в Африке, прежде всего, этнических групп). Наиболее ярким примером такого варианта неопатримониализма, по мнению Баха, выступают режимы Джомо Кениата (1964-1978) в Кении и Феликса Уфуэ-Буаньи (1960-1993) в Кот-д'Ивуаре. По словам Даниэля Бурмо, «в кенийской бюрократии безличные правила сосуществовали с неопатримониальными практиками для того, чтобы смягчить риски политической конкуренции, опасные для национального государства»⁸⁹. Действительно, Джомо Кениата как первому президенту Кении после обретения независимости от Британии пришлось иметь дело с крайне разрозненным по этническому признаку государством. Первые годы его президентства ознаменовались борьбой двух этнополитических групп: КАНУ (Национальный союз африканцев Кении) и КАДУ (Демократический союз африканцев Кении). Первая организация, лидером которой и был Кениата, опиралась на племена кикуйу и луо, в то время как КАДУ в основном состояла из других крупных племенных образований – календжин, лухья, миджикенда. Этнический раскол Кении был характерен и для колониального периода. Восстание «мау-мау» 1952-1956 гг., ставшее кульминацией антиколониальной борьбы, превратилось по сути в гражданскую (межплеменную) войну, в которой одни племена поддерживали британцев, а другие – отстаивали независимость. Поэтому создание кенийской государственности было сопряжено с

---

⁸⁸ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). С. 71

⁸⁹ Цит. по: Vach D. Op. cit. P. 278

поиском компромиссов между различными группами интересов и применением того, что в отношении Кении получило название «рациональный клиентелизм»⁹⁰. Проблема распределения ресурсов в Кении была ключевой для сохранения государства и предотвращения гражданской войны. Прежде всего, речь идет о конфликтах, связанных с неравномерным распределением сельскохозяйственных ресурсов (пастбища, земля, вода, скот). «Конфликты из-за землепользования имеют здесь два аспекта: борьба африканцев за возвращение земель, отторгнутых у их предков белыми поселенцами, и столкновения между различными племенами из-за несовместимых видов эксплуатации территорий сельскохозяйственного назначения»⁹¹. Эти конфликты имеют место и по сей день. В 2005 году, например, произошли серьезные столкновения между кикуйю и масаи, поскольку первые использовали территорию и воду для растениеводства и затрудняли тем самым масаи осуществлять выпас скота.

Поэтому неопатримониальная система Кениата, завязанная на перераспределении ресурсов, своей целью имела примирение разрозненных этнополитических групп.

Режим Феликса Уфуэ-Буаньи в Кот-д'Ивуаре также представлял собой пример регулируемого неопатримониализма. Прямой контроль со стороны президента обеспечивал в Кот-д'Ивуаре формирование политических элит в целях позитивного урегулирования этнического, поколенческого и личного соперничества в политике. Формы этого контроля оказывались самими что ни на есть влиятельными. Так, до 1980 года президент Уфуэ-Буаньи самостоятельно выбирал кандидатов в депутаты Национальной ассамблеи – парламента страны. Как результат, Кот-д'Ивуар получил «гибридную систему, в которой сильная персональная власть, осуществляемая через клиентарно-патронажные отношения, сочеталась с использованием современного бюрократического аппарата»⁹². Однако при этом патримониальные практики ограничивались, если вступали в

---

⁹⁰ Ibid

⁹¹ Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 4: Африка. МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В.Торкунов. — М.: Аспект Пресс, — 2014. с 178

⁹² Bach D. Op. cit. P. 278

противоречие с эффективностью государственной службы, реализацией экономической программы и нарушали политическую или экономическую стабильность.

Случаи Кении и Кот’д-Ивуара, которые с помощью обширного применения клиентарно-патронажных сетей при формировании политических элит и распределении ресурсов достигли стабильности и смогли сформировать государственные институты в первые годы постколониального правления, позволяют исследователям говорить о том, что 1960-е и начало 1970-х годов можно назвать золотыми годами регулируемого неопатримониализма в Африке. «Персональное правление и консолидация однопартийных или милитаризованных режимов не обязательно являются несовместимыми с обеспечением государственного (или национального) строительства»⁹³.

Совсем к иным результатам приводят и совсем по иным принципам функционируют **хищнические формы неопатримониализма**, яркими примерами которых являются режимы Сесе Соко Мобуту (1965-1997) в Заире и Жана Беделя Бокассы (1966-1979) в Центральноафриканской республике. «Хищнические формы неопатримониализма в Африке относятся к системам, где персональное правление и ресурсный контроль достигают такого уровня пароксизма, что как следствие вызывают провал институционализации и, таким образом, государства. Результат – полное отсутствие публичной сферы, приватизация которой принимает такие экстремальные формы, что способствует ее распаду»⁹⁴.

Надо сказать, что **концепт «государства-хищника» (predatory state)** развивается в политической науке отдельно и берет свое начало с 1970-х годов. Более того, делаются попытки аналитически разделить концепт неопатримониализма и идею «государства-хищника». Тем не менее, на наш взгляд, исследователи, говоря о хищнической форме неопатримониализма и о «государстве-хищнике», говорят об одном и том же. Во-первых, приводятся одни и те же эмпирические примеры (Заир при Мобуту, Зимбабве при Мугабе). Во-

---

⁹³ Theobald R. Patrimonialism. – World Politics. Vol. 34. № 4. – 1982. P. 550

⁹⁴ Bach D. Op. cit. P. 279

вторых, в качестве отправной теоретической точки используют один и тот же идеальный веберовский тип – султанизм. Поэтому разделять стоит именно регулируемые формы патримониализма и хищнические. И выявляя черты последнего, вполне можно опираться на достижения исследований концепта «государство-хищник».

В своей обзорной статье Алекс Бавистер Гоулд выделяет следующие сущностные черты «государства-хищника»⁹⁵:

- высокая степень концентрации политической власти в единоличном правлении, осуществляемом через и поддерживаемом с помощью узкой «хищной коалиции». При этом «государство-хищник» критически зависит от кооптации отдельных личностей и организаций (в особенности, силовых и секретных служб). Часто судьба самого диктатора крайне зависит от коалиции, которая его окружает;

- власть используется для контроля над экономическими ресурсами, сопровождающегося широкими полномочиями в их использовании и распределении. При этом налицо неспособность таких режимов использовать экономические ресурсы для какой бы то ни было заметной долгосрочной цели развития;

- легитимация «хищнического правления» основана не столько на традиции или идеологии, сколько на страхе и перспективе вознаграждения, попадания в сети клиентарно-патронажного обмена;

- умелое сочетание наказания и вознаграждения для поддержки лояльности своих последователей и сторонников и использование значительной жестокости для наказания противников и конкурентов;

- систематическая эрозия публичных институтов и верховенства права;

- как следствие – деградация экономики.

В контексте концептуализации хищнических форм неопатримониализма важно отметить лишь отдельные пункты, которые осмысляются в концепте государства-хищника. Нас в меньшей степени интересуют отношения к

---

⁹⁵ Bavister-Gould A. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States. – Concept Brief. № 1. 2011. P. 1

политическим оппонентам, формы подавления инакомыслия, и в большей степени нам важны сила и глубина (на каких уровнях политико-административной системы существуют) неопатримониальных практик, а также способы и интенсивность их регулирования. В этом смысле нужно сказать, что апроприация публичных полномочий в таком типе государств приобретает настолько высокую степень, что граница между личным и государственным интересом становится едва ли заметной.

Ярким примером государства-хищника предстает Заир при Сесе Соко Мобуту (1965-1997). Одним из первых действий на посту президента Заира (до 1971 – Демократической Республики Конго) для него стала централизация финансовых потоков. Мобуту переподчинил Министерству финансов исполнение статей, составляющих около трети национального бюджета, поставив их под свой личный контроль. Национализовав крупнейшие добывающие предприятия, Мобуту таким образом реорганизовал экспортные поставки государственной медной компании *Gécamines*, что они проводились через подконтрольные президенту структуры, в которых оседала четверть доходов компании⁹⁶.

Кроме того, ежегодно Банк Заира на частные счета Мобуту и его окружения переводил от 50 до 70 миллионов долларов. Президент также выводил внушительные средства из *Banque du Kinshasa*, где он являлся крупнейшим акционером.

По итогам программы национализации земли Мобуту стал одним из крупнейших владельцев плантаций. Наблюдатели отмечают экстравагантные методы, которые он использовал в целях контрабанды продукции подконтрольных ему фирм. Так, Андрэ Вейдеман, профессор Университета Линкольн-Небраска, отмечал, что Мобуту «использовал самолеты заирских ВВС для того, чтобы вывозить напрямую в Европу кофе и кобальт, не неся налоговых и таможенных издержек»⁹⁷.

---

⁹⁶ Wedeman A. Looters, Rent-scrappers, and Dividend-collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines. – The journal of developing areas. Vol. 31. № 4. –1997. P. 462

⁹⁷ Ibid

При этом коррупция, взяточничество, nepotизм были характерны не только на высшем уровне политико-административной системы Заира. Отмечается и расцвет низовой коррупции. В своей книге «Рост и упадок Заирского государства» Кроуфорд Янг и Томас Эдвин Тернер приводят следующие примеры бытовой коррупции: таможенные служащие вымогали взятки у иностранцев в аэропорту Киншасы, полицейские с единственной целью поборов с водителей устраивали на дорогах блокпосты. Борьба с низовой коррупцией не попадала в фокус внимания Мобуту, только если в ней не ущемлялись его личные интересы и интересы его клана⁹⁸.

Это вписывается в логику, которую исследует Лари Даймонд. По его мысли, в хищническом государстве хищническим становится не только политическая верхушка и государственные служащие, но и все общество. «Худшие государства-хищники формируют общества-хищники – то есть общества, в которых хищническое поведение пронизывает политическую и социальную жизнь на всех уровнях. В рамках этого типа общества каждое взаимодействие манипулятивно и ставит целью реализовать свое преимущество. Богатые, к примеру, не занимаются производством, не предпринимают честного риска, они манипулируют властью и привилегиями для того, чтобы украсть у государства или ограбить слабых»⁹⁹.

К каким результатам приводит хищническая форма неопатримониализма? В отличие от регулируемого неопатримониализма, который, как мы уже показали, вполне сочетается со строительством государственных институтов и может уберечь государство от серьезных расколов, хищнический неопатримониализм, как правило, демонстрирует противоположные результаты. Если вновь обратиться к примеру Заира, то можно увидеть, как одно из самых богатых с точки зрения природных ресурсов государство Африки стремительно деградировало экономически и политически. Масштабное изъятие валютных резервов привело в 1989 году Заир к дефолту. Изъятие активов Gécamines и падение цен на медь,

---

⁹⁸ Young C. & Turner T. Op. cit.

⁹⁹ Diamond L. Civic Communities and Predatory Societies. – Intercultural management Institute. 2001. P. 12

являвшуюся главной экспортной статьей Заира, привело к остановке большей части добывающих предприятий страны в начале 1990-х годов. Экономика Заира продемонстрировала редкое в своей стремительности падение. С 1991 по 1995 год ВВП государства сократился в два раза – с \$9,1 млрд до \$4,6 млрд¹⁰⁰. Нарастающая политическая и социальная напряженность в итоге вылились в гражданскую войну и бегство Мобуту в Того. Схожим образом события развивались и в других государствах-хищниках: Сьерра-Леоне (военный переворот и гражданская война), Центральноафриканской республике (свержение Бокасса, экономический кризис, череда переворотов), Уганде (свержение Иди Амина, интервенция).

Таким образом, аналитическая необходимость разделения регулируемых и хищнических форм неопатримониализма налицо. Они разнятся по объемам и глубине патримониальных практик, по совместимости с процессами строительства национального государства, по результатам. Поэтому идею Даниэля Баха о разделении неопатримониализма внутри государства (*neopatrimonialism within state*) и неопатримониализма всего государства (*neopatrimonialism of the entire state*) следует принять как значимую для решения задачи операционализации понятия неопатримониализма.

Такое разделение позволяет анализировать политические процессы и в других регионах мира, не только в Африке. По мнению Д. Баха, при оценке развития политических режимов Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Восточной Европы исследователями упускается возможность анализировать их в русле идеи регулируемого неопатримониализма, хотя многие из государств здесь демонстрируют (демонстрировали) признаки именно этой формы политического господства. В задачи данного параграфа не входит детальный анализ прикладных исследований по неопатримониализму в этих регионах. Общие черты, особенности и возможности концепта в оценке регионального развития отдельных государств проанализированы опять же Даниэлем Бахом¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ Wedeman A. Op. cit. P. 465

¹⁰¹ Bach D. Op. cit.

Разница в функционировании институтов в двух формах неопатримониализма может также объясняться разными подходами к конструированию политического (и шире - социального) порядка¹⁰². «Политический порядок проявляет себя в устойчивости, регулярности, повторяемости политических взаимодействий»¹⁰³, таким образом он явно основан на разного рода гарантиях (личных, гражданских, политических и т.д.). В том числе – на гарантиях прав собственности. Этот аспект политического порядка хорошо объясняет разницу в функционировании институтов в регулируемых и хищнических формах неопатримониализма. Поэтому потенциально интересной нам видится возможность обогащения концепта регулируемого неопатримониализма в отношении Юго-Восточной Азии идеей **формы обеспечения надежных гарантий**, предложенной в работах Дугласа Норта, Барри Вейнгаста, среди российских исследователей развитой Вадимом Волковым.

Проблема надежных гарантий формулируется как поиск модели взаимодействия государства и бизнеса, при котором, с одной стороны, силовой ресурс государства обеспечивает безопасность активов и долгосрочных вложений, необходимых для роста экономики, и с другой стороны, государство не злоупотребляет этим ресурсом для перераспределения ресурсов в одностороннем порядке в свою пользу. Надежность гарантий не может обеспечиваться за счет обещаний, речь идет об ограничениях институционального характера и лежащих в политической плоскости.

В рамках исторического институционализма формулируется два варианта решения проблемы надежных гарантий. Первый – глубоко исследованный и часто воспринимаемый как единственно возможный. Условно его можно назвать западным, или либерально-демократическим. Его корни исследователи видят в Славной революции 1688 года в Англии и принятии "Билля о правах"¹⁰⁴. Гарантии

---

¹⁰² Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.

¹⁰³ Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политэкс. 2010. №3. С.19.

¹⁰⁴ North D., Weingast B. 1989. Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-century England. – The journal of economic history. Vol. 49. № 4. – 1989. P. 803-832

прав собственности в этом типе обеспечиваются за счет независимой судебной системы, независимого парламента, то есть системы разделения властей и перекрестного вето. Однако «формальные институциональные (конституционные) решения проблемы надежных гарантий прав собственности, обобщающие исторический опыт ведущих стран Запада, не единственно возможные. Экономико-социологические исследования свидетельствуют, что сдерживать оппортунистическое поведение (желание внезапно нарушить обязательства для увеличения собственной выгоды) и стабилизировать контрактные отношения могут социальные сети»¹⁰⁵. Под социальными сетями понимаются межличностные, по сути клиентарно-патронажные сети. Экономический рост стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки при отсутствии в них демократии сформировали интерес к персонифицированным неформальным отношениям и социальным сетям, которые, по всей видимости, тоже обеспечили на должном уровне гарантии прав собственности, иначе бы рынки этих государств не демонстрировали такого роста. Такой путь рассматривается как альтернативный тому, что мы назвали западным. И ярким примером второго пути является пример Южной Кореи времен военного режима Пак Чон Хи (1962-1978). В тот период в Южной Корее «программами модернизации и импортозамещения управлял узкий круг правительственных чиновников и владельцев крупных промышленных конгломератов (чеболей). Военная верхушка предоставляла значительные капитальные ресурсы или гарантии по кредитам для частного сектора и гарантировала права собственности владельцам конгломератов в обмен на ренту в виде взносов в фонд правящей партии и платежей коррупционного характера. Военно-политическая и экономическая элиты страны были связаны личными, в том числе родственными отношениями, которые функционировали как источник доверия и ограничители произвола»¹⁰⁶. По сути, сформировалась модель, которую

---

¹⁰⁵ Волков В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции. - Вопросы экономики. № 8. 2011. С. 7

¹⁰⁶ Там же. С. 8

Дэвид Канг назвал моделью «взаимных заложников»¹⁰⁷, когда от собственников требовалось выполнять инвестиционные обязательства и не отклоняться от пятилетних планов развития, а также не выводить средства за границу, в то время как военные не могли прямо конфисковать активы и резко взвинтить налоги, поскольку концентрация собственности была столь большой, что вмешательство военных могло бы нанести существенный вред всей экономике страны.

На наш взгляд, второй вариант решения проблемы надежных гарантий вписывается в идею регулируемого неопатримониализма, поясняя, с одной стороны, как происходит взаимодействие политических и экономических элит в таком типе государств, и как им удастся достигнуть экономических успехов, с другой стороны. Неслучайно в литературе встречается еще один аналог термина «регулируемый неопатримониализм» - неопатримониализм, ориентированный на развитие («developmental neopatrimonialism»)¹⁰⁸, модельными случаями которого служат как раз Южная Корея, а также Сингапур, Мексика, Бразилия.

Что же касается хищнического неопатримониализма, то проблема надежных гарантий прав собственности здесь вообще не стоит. Одна из главных дилемм неоинституциональной экономики: «как сделать так, чтобы государство было достаточно сильным, чтобы гарантировать права собственности, но не настолько, чтобы пересмотреть их в одностороннем порядке» в неопатримониальных государствах хищнического типа не имеет смысла. Здесь все крупные активы захватываются членами узкого круга семьи президента и даже переписываются лично на него. Крупный, средний и малый бизнес живут в условиях постоянной опасности экспроприации или установления систематических поборов со стороны чиновников разного ранга. Вмешательства от политической элиты здесь ждать невозможно, если только эти поборы не пересекаются с ее собственным корыстным интересом. В этом государства, попадающие в категорию хищнических, сильно контрастируют с теми, которые мы описали в категории регулируемого

---

¹⁰⁷ Kang D. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. – Cambridge University Press. – 2002. 203 p

¹⁰⁸ Kelsall T., et al. Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa. Africa Power and Politics. Working Paper. № 9. 2010. 33 p

неопатримониализма. Случаи Сингапура, Южной Кореи демонстрируют достаточно жесткую борьбу с низовой коррупцией. Например, антикоррупционная компания Пак Чон Хи, начатая в 1975 году, в качестве итога может быть описана яркой статистикой: если в 1974-м под следствием по коррупционным нарушениям находился всего 331 чиновник, то в 1976-м — 51 468¹⁰⁹. Результат, хоть и вызванный не только антикоррупционной политикой, но целым комплексом мер, тем не менее, показателен – улучшение инвестиционного климата, уверенность собственников и инвесторов в устойчивости и защите прав собственности и как итог – превращение Южной Кореи за несколько лет из отсталого аграрного государства в высокотехнологичную процветающую экономику.

Ситуация в государствах-хищниках прямо противоположная. В условиях тотального расхищения инвестиционная деятельность теряет смысл. Реакция частного бизнеса очевидна: уход иностранных инвесторов, перевод бизнеса в тень или на малые объемы производства. Показателен пример Заира, когда в разгар правления Мобуту даже сельскохозяйственный сектор начал массово отказываться от коммерческих объемов производства, переходя на натуральное хозяйство, чтобы не подвергнуться вероятности конфискации излишка. Итог для экономики неутешителен – дефолт и двукратное падение ВВП всего за 5 лет.

Поэтому в отношении дилеммы обеспечения прав собственности можно сказать, что, если для регулируемого неопатримониализма эта дилемма имеет место (и имеет шанс быть решенной успешно), то для хищнического неопатримониализма здесь нет никакой проблемы – права гарантированы только для личной собственности правителя и узкого круга семьи или клана. Для всех остальных хозяйствующих субъектов гарантии отсутствуют как таковые.

Границу между регулируемыми и хищническими формами неопатримониализма можно увидеть и с другой теоретической перспективы. Если опираться на понятия инклюзивных и экстрактивных институтов по Д. Аджемоглу

---

¹⁰⁹ Зотин А. Коррупция, достойная подражания. – Коммерсант.ру. 14.01.2013. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2098142> (проверено 18.02 2017)

и Дж. Робинсону¹¹⁰, то можно сказать, что хищнические неопатримониальные режимы вместе с экстрактивными (то есть закрытыми, обладающими крайне высокими входными барьерами и нацеленными на извлечение максимального дохода с большей части общества в сторону элиты) политическими институтами формируют также экстрактивные экономические институты. Снабжая свою работу внушительным числом эмпирических примеров именно такого рода режимов (в том числе уже отмеченных выше Зимбабве, Заира, Сьерра-Леоне), Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон также указывают и на случаи, когда режимы с экстрактивными политическими институтами способны создать инклюзивные экономические институты, однако явно считают такое сочетание исключением из общего правила. В качестве примера они также приводят режим Пак Чон Хи в Южной Корее¹¹¹, поэтому можно сказать, что с этой теоретической перспективы сочетание инклюзивности в экономике и экстрактивности в политике может говорить о регулируемом характере неопатримониализма, в то время как экстрактивность и в политике, и в экономике – явный признак хищнической формы неопатримониализма.

Итак, для решения задачи типологизации неопатримониальных режимов нам кажется значимой идея их разделения на регулируемые и хищнические формы. Какие еще предпринимались попытки типологизации неопатримониальных режимов?

Михаил Ильин, признавая значимой идею разделения регулируемых и хищнических форм неопатримониализма, предлагает все же обратиться к веберовским чистым типам политического господства и классифицировать неопатримониализм по его склонности к рационально-легальным или харизматическим формам доминирования. В зависимости от типа ресурсов, на который опирается правитель (патрон) М. Ильин предлагает различать **явный неопатримониализм** (apparent patrimonialism), **харизматический**

¹¹⁰ Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты [Текст] / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон; пер. с англ. Дмитрия Литвинова, Павла Миронова, Сергея Сановича. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 693 с.

¹¹¹ Там же. с. 130-131

неопатримониализм (charismatized patrimonialism) и **рационализированный неопатримониализм** (rationalized patrimonialism). Первый тип опирается на проверенные временем структурные шаблоны власти и подчинения, второй – на объединяющую миссию, третий – на рациональный просчет издержек¹¹².

Подход к классификации неопатримониализма в зависимости от приближения к иным веберовским типам политического господства может оказаться плодотворным, поскольку сам Вебер неоднократно повторял, что чистых типов в реальности не существует, они необходимы для выявления сущностных черт. В действительности же имеют место вариации и смешения одних типов с другими. С другой стороны, такой подход к классификации неопатримониализма оставляет открытым вопрос, что остается патримониального в рационализированном и харизматическом неопатримониализме. Более того, этот подход противоречит одному из основных предположений Гюнтера Рота о том, что патримониальное господство в корне отличается от харизматического тем, что господину здесь не требуется ни харизма, ни чувство миссии. Его власть обусловлена традицией. Поэтому термин «харизматический неопатримониализм» требует дополнительных объяснений. То же касается «рационализированного неопатримониализма», поскольку сам неопатримониализм подразумевает присутствие рационально-легальных институтов. Поэтому для такого многообещающего подхода, помимо эмпирических примеров к каждой форме неопатримониализма, важно разрешить эти теоретические проблемы.

Методологически интересный подход к классификации неопатримониальных режимов предлагает **Кристиан вон Соест**¹¹³. В основе выделения подтипов он предлагает матрицу, сформированную из двух измерений: способ концентрации власти и степень распространения патримониальных практик (см. таблицу 1).

---

¹¹² Ilyin M. Op. cit. P. 41-42

¹¹³ Von Soest C. Op. cit. P. 14

Таблица 1. Матрица неопатримониальных подтипов (по К. вон Соесту)

		Способ концентрации власти	
		Персонализированный	Олигархический
Степень распространения патримониальных практик	Высокая		
	Средняя		
	Низкая		

Стоит признать, что это лишь набросок классификации, исследователь не проясняет, что концептуально следует понимать под предложенными им критериями, в частности, остается не прояснённым термин «олигархический неопатримониализм». Отдельно стоит поставить вопрос об оценке степени распространения патримониальных практик: на основе каких критериев ее можно оценить как высокую, среднюю и низкую. Более того, ячейки, полученные на пересечении измерений, оставлены автором пустыми. Таким образом, собственно теоретические типы неопатримониализма и эмпирические примеры – вопрос для предложенной классификации по-прежнему открытый.

Однако сам подход, в основе которого по сути лежат два уровня политико-административной системы, кажется одним из наиболее перспективных с точки зрения выявления индикаторов и последующей классификации неопатримониальных режимов.

Свою типологию неопатримониальных режимов, применительно к постсоветским государствам, предлагает **Александр Фисун**. Он выделяет **султанистский неопатримониализм, олигархический неопатримониализм и бюрократический неопатримониализм**. Султанистский неопатримониализм в определенном роде ссылается на идею М. Вебера о том, что патримониализм имеет свою крайнюю форму – султанизм. Султанистским Вебер называет «патримониальное господство, по способу управления движущееся в сфере, не связанного традицией произвола»¹¹⁴. В неопатримониальной интерпретации о султанистском типе можно говорить, если «глава государства устанавливает

¹¹⁴ Вебер М. Указ. соч. С.270

персоналистский контроль над политикой и бизнесом с помощью как полутрадиционных, так и современных стимулов и вознаграждений»¹¹⁵. Предельная концентрация личной власти выражается в фасадном характере выборов и в ее пожизненном или наследственном характере. Примерами здесь являются Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан. Олигархический тип устанавливается там, где влиятельные рентоориентированные экономические игроки осуществляют «захват государства». Модельными случаями здесь являются Украина при Л. Кучме и Россия при Б. Ельцине. В последнем случае захват государства рентоориентированными игроками выразился в проведении залоговых аукционов, а также масштабной финансовой поддержке кандидатуры Б. Ельцина на президентских выборах 1996 года и последующем получении крупными собственниками высших правительственных постов (Борисом Березовским - заместителя секретаря Совета Безопасности РФ, Владимиром Потаниным - первого заместителя Председателя Правительства), контроле СМИ и попытках приватизации государственных компаний. При олигархическом неопатримониализме рентоориентированные акторы преследуют цель снизить роль главы государства как доминирующего элемента неопатримониальной вертикали.

Бюрократический неопатримониализм вырастает как ответная реакция бюрократии на укрепление олигархического неопатримониализма. Эта ответная реакция принимает вид «силовой рационализации», при которой происходит «экспроприация ресурсной базы независимых экономических игроков, устранение их значимого политического влияния и в конечном итоге упадок роли парламента и политических партий»¹¹⁶. Происходит централизация неопатримониального господства, ключевая роль в функционировании клиентарно-патронажной сети закрепляется за президентом, иные центры власти либо ликвидируются, либо включаются в клиентарно-патронажную сеть уже на правах клиентов.

---

¹¹⁵ Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. С. 19

¹¹⁶ Там же. С. 20

Значительную роль начинают играть военные структуры и спецслужбы. Модельными случаями здесь служат Беларусь, Россия при В. Путине.

Схема, предложенная А. Фисуном, нам также видится как удачная для решения задачи операционализации концепта. Она может быть использована не только для интерпретации политики в постсоветских государствах, но также и в исследованиях других регионов. Практически незаметной в литературе по неопатримониализму остается идея олигархического неопатримониализма (можно выделить лишь работу Пола Хачкрофта¹¹⁷). Однако она также является перспективной для оценки неопатримониальных режимов Юго-Восточной Азии. Поэтому концептуализация этой формы неопатримониализма, предложенная А. Фисуном, может оказаться перспективной и выйти за рамки постсоветских исследований.

Также классификация неопатримониальных режимов А. Фисуна, на наш взгляд, отражает все типы отношений между политическими и экономическими элитами при неопатримониальном типе господства. Поскольку в неопатримониализме речь идет об апроприации публичных полномочий и соответствующих экономических возможностей и, таким образом, о слиянии политических и экономических элит, то подходящей схемой в выявлении этих типов отношений может оказаться типология взаимодействия государства и крупного бизнеса, предложенная Д. Кангом.

Если опираться на теоретическую схему отношений государства и бизнеса Д. Канга (см. таблицу 2), то можно сказать, что в предложенной А. Фисуном классификации представлены модели государства-хищника (султанистский неопатримониализм), поиска ренты/захвата государства (олигархический неопатримониализм), взаимных заложников (бюрократический неопатримониализм). Что же касается модели невмешательства (*laissez-faire*), то

---

¹¹⁷ Hutchcroft P. *Booty Capitalism: The Politics of Banking in the Philippines* – Ithaca. – Cornell University Press. – 1998. – 278 p.

здесь речь о патримониальном типе господства, по всей видимости, вестись вообще не может.

Таблица 2. Типология взаимодействия государства и Большого бизнеса по Д. Кангу (в скобках – уровень коррупции)¹¹⁸

Бизнес-группы	Государственный аппарат	
	Сплоченный	Разобщенный
	Концентрация	Взаимные заложники (средний)
Разобщенность	Государство-хищник (высокий)	Невмешательство (низкий)

Подводя итог нашим поискам вариантов классификаций неопатримониальных режимов, отметим, что, на наш взгляд, наиболее удачные классификационные модели представлены А. Фисуном и Д. Бахом. В какой-то степени классификация А. Фисуна дополняет идею Д. Баха. Султанистский неопатримониализм соответствует хищническому неопатримониализму. А бюрократический и олигархический неопатримониализм – это частные случаи регулируемого неопатримониализма.

Однако принимая концепцию Д. Баха, важно сделать еще одну оговорку. Разделение на регулируемые и хищнические формы неопатримониализма представляет собой континуум (спектр), в котором представлены две крайние точки. Между этими точками возможна градация теоретических типов и

¹¹⁸ Kang D. Op. cit. P. 15

эмпирических случаев. Однако насколько типология в форме континуума способна разрешить проблему концептных натяжек? Здесь мы вновь обращаемся к Д. Сартори, который утверждает, что «непрерывное использование выражения “это вопрос степени” и образа “континуума” оставляет нас наедине с качественно-импрессионистскими утверждениями, ни на йоту не приближая к количественному сравнению»¹¹⁹. Однако, на наш взгляд, две крайние точки неопатримониализма настолько разнятся между собой, что по сути образуют дихотомию, которая уже в большей степени способствует построению аналитически плодотворной классификации. «Обычно упускается из виду, что логика “или — или” есть подлинная логика построения классификации. Требуется, чтобы категории (классы) были взаимоисключающими, т.е. категориальные концепты отражают те характеристики, которыми рассматриваемый объект может обладать или не обладать. Две сопоставляемые позиции должны, прежде всего, принадлежать к одному классу и обладать либо не обладать неким отличительным свойством; и только если они им обладают, их можно сравнивать с точки зрения того, у какой из них данного свойства больше, а у какой — меньше. Поэтому логика градации является одной из составляющих логики классификации. Точнее говоря, переход от классификации к градации заключается в замене знакового ряда “такой же — иной” членением “такой же — больший — меньший”, т.е. во введении количественной дифференциации в рамках качественного подобия (свойств)»¹²⁰.

Осуществление задачи количественной дифференциации напрямую зависит от еще одной важной задачи – установления индикаторов, по которым можно «измерить» неопатримониализм.

Подведем итоги. Для решения проблемы концептных натяжек, вокруг которой формулируются основные претензии к концепции неопатримониализма, необходимы аналитические модели классификации неопатримониальных режимов. Несмотря на незначительный объем исследований, посвященных проблемам операционализации концепта, среди них можно выделить те, которые

---

¹¹⁹ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). С. 70

¹²⁰ Там же. С. 71

способны справиться с заявленными теоретическими противоречиями. Таковой, например, видится идея разделения двух форм неопатримониализма: регулируемого (неопатримониализма в государстве) и хищнического (неопатримониализма всего государства).

Такое аналитическое разделение приводит нас к нескольким важным выводам и перспективам.

Во-первых, разделение на регулируемые и хищнические формы неопатримониализма приводит к выводу о том, что результаты развития таких режимов не predetermined. Если в одних государствах сочетание патримониальных и рационально-легальных практик приводит к политическому кризису, гражданской войне, интервенции, дефолту, то в других, наоборот, оказывается необходимым условием для устойчивого экономического роста, модернизации, сохранения государства после революционных изменений, строительства институтов национального государства.

Тесно связан с этим заключением второй вывод. Само выявление такой формы политико-административной системы как регулируемый неопатримониализм бросает вызов достаточно устойчивому мнению о том, что неопатримониализм есть синоним традиционности и антисовременности. Достаточно интересными могут оказаться исследования о том, как патримониальные практики сочетаются с экономическим развитием, какая конфигурация неформальных практик (клиентарно-патронажных сетей, nepotизма, блата) и формальных рационально-легальных институтов может привести и приводила (в случае Сингапура, Южной Кореи, Мексики, Бразилии) к устойчивому экономическому росту.

В-третьих, аналитическое разделение хищнических и регулируемых форм неопатримониализма позволяет исследователям интегрировать в изучение неопатримониализма концепты, которым ранее не уделялось внимание при оценке неопатримониальных режимов. Так, достижения концепта «государства-хищника» могут обогатить наше знание о том, как функционируют хищнические формы неопатримониализма, например, в части зависимости правителя от ближайшего окружения, механизмов принуждения, кооптации, сплочения в рамках элит в таких

государствах. В концепте «государства-хищника» эти вопросы являются осевыми, тогда как для исследований неопатримониализма они до сих пор остаются в тени. В отношении регулируемых форм неопатримониализма плодотворной, например, представляется неинституциональная дилемма обеспечения надежных гарантий прав собственности. Именно эта теория может объяснить, как государствам, в которых отсутствуют устойчивые парламентские институты, независимая судебная система, институты гражданского общества (независимые СМИ и некоммерческие организации), удается все же обеспечить устойчивость и высокую степень гарантий прав собственности, опираясь при этом на патримониальные практики.

В-четвертых, предложенная классификация форм неопатримониального господства представляет собой два крайних полюса, в рамках которых возможна градация форм и типов. Выявление таких типов может сделать существенный вклад в дальнейшую концептуализацию неопатримониальной парадигмы и более точно описывать структуру неопатримониальных режимов и динамику их развития.

И, наконец, пятое. Подобная градация, безусловно, может быть построена на основе выявления качественных характеристик. Однако, следуя мысли Д. Сартори, скажем, что количественная оценка является самым подходящим инструментом исследователя-компаративиста, ставящего перед собой задачу концептуализации той или иной парадигмы. Поэтому принципиально перспективной для концепции неопатримониализма нам представляется задача выявления индикаторов, по которым можно оценить приближение неопатримониальных режимов к тому или другому из выявленных полюсов.

Вокруг этих перспектив, вероятно, должна строиться дальнейшая интеллектуальная повестка исследований неопатримониализма. Мы же перейдем к следующей проблеме, обозначенной критиками концепции неопатримониализма как одной из наиболее существенных – проблеме соотношения неопатримониализма и типологии политических режимов.

1.3. Проблемы разграничения неопатримониализма и существующих типологий политических режимов

Как мы установили в предыдущих параграфах, внушительный объем исследований, в которых концепция неопатримониализма служит теоретической рамкой для анализа политических систем различных регионов и различных исторических периодов, начал вызывать у «сознательных» (в терминах Дж. Сартори) исследователей обеспокоенность, поскольку такой спрос на концепцию не был подкреплён сложившимся консенсусом по поводу даже самых базовых ее параметров. Отсюда вполне уместные опасения, связанные с начавшимся процессом концептуального растяжения и риском потери концепцией неопатримониализма своего исследовательского потенциала. Появившиеся исследовательские проекты, которые изучали концепцию неопатримониализма *per se*, в целом справились с рядом концептуальных противоречий. Однако сказать, что неопатримониализм как исследовательская программа окончательно концептуализирован, было бы преждевременно. Помимо задач операционализации и классификации перед концепцией неопатримониализма стоит еще один важный вопрос. Это проблема разграничения неопатримониализма и категории политического режима. В этом смысле важно ответить на следующие вопросы:

- Является ли неопатримониализм сам по себе разновидностью политического режима;
- Если является, в чем отличия неопатримониализма от авторитаризма;
- Если неопатримониализм не представляет собой тип политического режима, то к какой категории политической науки он относится;

- В каких политических режимах неопатримониализм может быть обнаружен, удел ли это только авторитарных и гибридных режимов, или неопатримониализм может существовать и в рамках демократии.

Задачи параграфа будут очерчены кругом именно этих вопросов. Их успешное решение позволит, на наш взгляд, сделать важный шаг к более полной концептуализации понятия неопатримониализма.

Неопатримониализм – политический режим, политическая система, тип господства или что-то еще?

Первый пункт наших размышлений будет связан с вопросом отнесения неопатримониализма к какой-либо категории политической науки, поскольку одна из проблем концептуализации неопатримониализма связана с чрезмерно широкими категориальными основами этого термина. Как отмечает Михаил Ильин, неопатримониализм подразумевает «и образ жизни, и разнообразие менталитетов, и целый ряд поведенческих моделей и типов человеческих взаимодействий»¹²¹. При этом неопатримониализм часто рассматривается просто как синоним клиентелизма, nepotизма, кронизма, патронажа, коррупции, захвата государства, государства-хищника, клептократии, режима пребенды, трайбализма и таких не получивших явного эквивалента в русском языке явлений, как «godfatherism», «warlordism»¹²².

Безусловно, определение через синонимы малопродуктивно, поскольку лишает феномен собственной ценности. Все перечисленные явления могут включаться в интерпретацию неопатримониализма как его составные части, но это оставляет открытым вопрос, чем неопатримониализм является сам по себе, к какой категории политической науки он относится. Выражаясь языком формальной логики, нам необходимо определить родовой признак понятия «неопатримониализм».

Несмотря на кажущуюся простоту, эта задача оказывается нетривиальной. Часто даже в рамках одного и того же текста неопатримониализм трактуется как:

---

¹²¹ Ilyin M. Op. cit. P. 32

¹²² Ibid. P. 31

- а) политическая система;
- б) политический режим;
- в) тип доминирования;
- г) политико-экономический порядок;
- д) особый тип организации публичной власти.

Несмотря на то, что чаще всего в литературе мы можем встретить словосочетание «неопатримониальный режим», феномен неопатримониализма не сводится к категории политического режима. Наиболее точно к этому вопросу, на наш взгляд, подошел профессор Лимерикского университета Нил Робинсон, который отметил «что сама по себе категория неопатримониализма охватывает как политический режим, так и механизм политико-экономического управления государством (*governance*) и не сводится лишь к одной из этих составляющих»¹²³. Привлекательность термина «неопатримониализм» заключается в том, что он дает более широкое описание гибридности (*hybridity*), чем, например, термин «электоральный авторитаризм». Электоральный авторитаризм, как и любой другой концепт демократии или авторитаризма с прилагательными, рассматривает гибридность только на уровне политического режима. Политический режим как категория охватывает отношения по поводу доступа к власти посредством выборов или различных неконкурентных практик, а также отношения по поводу удержания власти. «Неопатримониализм связан с гибридностью на более широком уровне, чем политические режимы; он определяет множественные противоречия в рамках политики на *режимном* и *государственном* уровнях, а также между ними»¹²⁴. Под режимным уровнем Робинсон понимает, прежде всего, правила, по которым осуществляется доступ к власти, а под государственным – «институциональный локус власти»¹²⁵. Представляется, что мы не исказим логику автора, если скажем, что неопатримониализм рассматривает переплетения различных способов

¹²³ Цит. по: Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. С. 8

¹²⁴ Robinson N. The Political Origins of Russia's «Culture Wars». Limerick: University of Limerick, Department of Politics and public administration. 2014. P. 7

¹²⁵ Ibid. P. 8-9

осуществления власти на *политическом* и *административном* уровнях. Действительно, сравнительные исследования неопатримониальных систем, как и теоретические работы, рассматривающие неопатримониализм сам по себе, изучают два блока проблем. Первый – по поводу формирования политических элит, электоральных правил, конституционных ограничений в отношении полномочий главы государства, срока его пребывания у власти и т.п. Второй – по поводу осуществления исполнительной власти и работы бюрократического аппарата: строится ли он на веберовских принципах профессионализма, меритократии, иерархии, формальной закреплённости и т.д., или логика его функционирования преимущественно неформальная, основанная на личной преданности, кумовстве, патронаже и т.д.

Дополняя мысль Робинсона, мы вновь обратимся к Веберу и отметим, что гибридность политико-административной системы в неопатримониализме рассматривается ещё более широко. Это гибрид форм легитимного господства – легально-рациональной и патримониальной (как подтипа традиционного господства). Притязания на легитимность в рационально-легальном господстве основаны на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения. Должностные лица получают это господство опять же на основе формальных порядков. Этот тип господства осуществляется посредством бюрократического штаба управления, функционирующего на основе ряда базовых принципов¹²⁶. Традиционный тип господства, в свою очередь, опирается на веру в святость традиции. Господствующий здесь – «это не начальник, а лично *господин*; его штаб управления состоит не из чиновников, а из *личных слуг*. Не объективный служебный долг, а личная преданность слуги определяет отношение того, кто входит в штаб управления, к господину»¹²⁷.

Вопрос о том, *как сосуществуют* в неопатримониальных государствах *два* этих *веберовских типа*, не разрешен. Одна позиция заключается в том, что рациональные институты для неопатримониальных режимов суть не больше, чем

---

¹²⁶ Вебер М. Указ. соч. С.259-261

¹²⁷ Там же. С. 264-265

ширма¹²⁸. Другая – в том, что роль рационально-легального господства в них все же существенна и ее нельзя недооценивать¹²⁹. В рамках третьей позиции утверждается, что два этих типа просто проявляются в различных сегментах политических, общественных и экономических отношений¹³⁰. Авторы четвертой позиции утверждают, что власть (или должность) в неопатримониальных режимах приобретает на основе легально-рациональных институтов, но осуществляется как форма личной собственности, т.е. патримониально¹³¹. Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, однако то, что суть неопатримониализма состоит в переплетении двух форм веберовского господства, бесспорно, составляет консенсус, сложившийся в исследовательской среде.

Из этого следует еще один вывод. Поскольку по определению М. Вебера в патримониальном типе политического господства речь идет об апроприации прав на должность и связанных с ней экономических возможностей, исследования неопатримониализма так или иначе ставят вопрос о природе рыночного обмена в таких системах, механизмах защиты прав собственности, рентно-ориентированном поведении политических акторов и т.д.¹³². Поэтому редукция неопатримониализма исключительно к категории политического режима означает ограничение исследовательского взгляда только одной гранью этого явления¹³³. Но тогда чем же неопатримониализм является? Нил Робинсон и Владимир Гельман склоняются к

---

¹²⁸ Chabal P., Daloz J. Op. cit. P. 17

¹²⁹ Von Soest C. Op. cit. P. 4

¹³⁰ Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации. – Полис. Политические исследования. № 1. 2016. С. 139–156

¹³¹ Clapham C. Third World Politics. P. 48; Hanson S. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era. – The Annals of the American Academy of Political and Social Science 636.1. – 2011. P. 32–48

¹³² Мартыанов В.С. Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – № 13. – 2016. – С. 41–60; Фишман Л.Г. Рентное общество и последний «дух капитализма» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – № 2. – 2016. – С. 33–46; Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Грядущее рентное общество // Свободная мысль. – № 5. – 2015. – С. 151–164.

¹³³ Хотя стоит признать, что многое здесь зависит от того, на какое определение политического режима опираться. Например, определение Гильермо О'Доннелла и Филиппа Шмиттера («политический режим – это вся совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него») очень тесно переплетается с тем, что входит в основную повестку исследований неопатримониализма (особенно в своем акценте на неявные модели борьбы за власть). Но даже по отношению к этому определению отметим, что неопатримониализм должен вписываться в иную категорию политической науки, которая бы охватила формы администрирования, а также связь с экономическими возможностями. Указанное определение цит. по: Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во ЕУСПб. – 2001. с. 63.

определению неопатримониализма как **политико-экономической системы**¹³⁴ (политико-экономического порядка¹³⁵). На наш взгляд, такое определение также сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, сама категория «политико-экономической системы» не получила должного распространения, сопутствующей концептуализации, типологизации и т.д. Во-вторых, если в качестве типов политико-экономических систем признавать капитализм, коммунизм, социализм, фашизм и другие исторические формы различных систем общественных отношений, то заметим, что неопатримониализм может существовать в каждой из них. Отметим, например, исследования, изучающие неопатримониальную природу Советского Союза при Сталине и вводящие в оборот термин «коммунистический неопатримониализм»¹³⁶.

Но если неопатримониализм не сводится ни к категории политического режима, ни к категории политико-экономической системы, то какой родовой признак этого понятия будет наиболее точно отражать его суть?

На наш взгляд, нужно вернуться к истокам термина, и поскольку он представляет собой переплетение двух типов политического господства, признать, что сам по себе неопатримониализм тоже является **формой господства**. Да, М. Вебер выделял только три чистых типа легитимного господства (и их возможные подтипы). Поэтому скептическое отношение к неопатримониализму как к гибриднему типу, которому М. Вебер не подобрал собственного типа легитимации власти, объяснимо¹³⁷. Однако мы должны учитывать, что идеальный тип – это только мысленный образ, познавательный инструмент, который, по мысли М. Вебера, дает возможность противостоять казуистичному подходу историков и позволяет социологу выявлять существенные признаки тех или иных общественных явлений. В исторической действительности ни один из трех идеальных типов не выступает в чистом виде. Преимущество, которое идеально-типическая

---

¹³⁴ Robinson N. Op. cit. P. 7

¹³⁵ Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. С. 8

¹³⁶ Kitschelt H. Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation – Cambridge University Press. 1999. – 476 p.

¹³⁷ Мартыянов В.С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе. – Полис. Политические исследования. № 4. – 2016. С. 83

конструкция дает эмпирическим исследованиям, заключается в «возможности в каждом случае применительно к каждой форме господства показать, что в ней есть «харизматического» («наследственно-харизматического» или «от должностной харизмы»), «патриархального», «бюрократического», «сословного» и т.д. или что в ней приближается к названным типам»¹³⁸. Если бы мы признавали тождество между идеальными типами и конкретными эмпирическими случаями, развертывающимися в политической реальности, такой скепсис мог бы быть оправдан. Но если мы признаем их несводимость, если мы принимаем обобщающую и потому умопостигаемую суть идеального типа, мы должны признать методологически оправданным выявление таких типов господства, которые получены на пересечении идеальных типов.

Как отмечает Жан-Франсуа Медар, «неопатримониализм является продуктом противоречий комбинации бюрократических и патримониальных норм, при которой функционирование публично-властной сферы осуществляется по логике патримониальных отношений, а ее легитимация и формальный порядок формирования – по логике отношений рационально-легальных»¹³⁹. Поэтому ключевой вопрос неопатримониализма – это то, как осуществляется господство и как оно легитимируется. Именно в связи с этим сам неопатримониализм можно расценивать как форму господства.

Такой подход, в котором неопатримониализм не приравнивается к типу политического режима или политической системы, позволяет анализировать существование неопатримониализма в различных политических режимах и политических системах. И эта задача кажется еще более любопытной. Но прежде, чем к ней перейти, сделаем одну оговорку. Полученный нами вывод не обесценивает употребление словосочетаний «неопатримониальная система» и «неопатримониальный режим». На наш взгляд, употребляя эти словосочетания, исследователи, тем не менее, идут дальше простого описания политического режима или политической системы. Скорее, речь идет о политико-

---

¹³⁸ Вебер М. Указ. соч. С.255

¹³⁹ Цит. по: Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. С. 167

административной системе, основанной на сочетании двух типов легитимного господства, и связанной с ней природе рыночного обмена.

Неопатримониализм и спектр политических режимов

Итак, каким образом неопатримониализм соотносится с существующей типологией политических режимов, являются ли авторитарные режимы единственно возможной средой для неопатримониализма, или мы можем найти его и в рамках демократии? В нашем анализе мы не будем полагаться на одну единственную авторскую типологию политических режимов, коих в политической науке насчитываются сотни. В целях настоящего параграфа достаточным будем принять дихотомию авторитаризма и демократии, при этом мы будем объединять все промежуточные случаи, в том числе различные концепты демократий и авторитаризма с прилагательными, в категорию гибридного режима.

Подчеркнем еще раз: вопрос соотнесения неопатримониального типа господства и типологии политических режимов является одним из наиболее дискуссионных в исследовательской среде. По существу, среди исследователей распространены два варианта ответа на этот вопрос.

Первый вариант ответа был предложен сразу вместе с появлением самого термина. Первый исследователь, предложивший идею воплощения патримониального господства в современной среде – Гюнтер Рот – предостерег политологическое и социологическое сообщества от отождествления власти патримониального типа с авторитаризмом. Хотя при этом и признавал, что многие элементы патримониальной власти как современного, так и классического веберовского типа могут быть существенными в авторитарном правлении. «Однако типологически, - отмечает Гюнтер Рот, - отождествление «патримониального» и «авторитарного» является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится прежде всего к типологии

убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума»¹⁴⁰.

Тем не менее, наиболее распространенной в исследовательской литературе является позиция, согласно которой место неопатримониализма – в авторитарных режимах. Главный редактор монографии «Neopatrimonialism in Africa and Beyond», посвященной исследованиям неопатримониальных систем, Мамуду Газибо, полагаясь на концептуализацию неопатримониализма Жан-Франсуа Медара, отмечает, что «неопатримониализм определяется как система, ведомая произволом власти, авторитаризмом, приватизацией власти, клиентелизмом и, прежде всего, слиянием публичной и частной сфер. Неопатримониализм и демократия, очевидно, основаны на прямо противоположенных логических основаниях и (по крайней мере, на первый взгляд) несовместимы»¹⁴¹.

Действительно, по мысли Ж-Ф. Медара, современное государство предполагает институционализацию власти, демократия требует институциональных механизмов, ограничивающих произвол власти, поэтому «патримониализм находит естественный канал выражения в авторитаризме, в то же время он не может не подрывать демократию»¹⁴². Поэтому любая попытка демократизации предполагает выход за рамки неопатримониализма.

Несовместимость демократии и неопатримониализма кажется многим исследователям очевидной. «Когда правящая партия может проиграть выборы и мирно уступить власть, когда каждого руководителя можно привлечь к суду, и независимый суд будет судить по закону, когда устанавливаются формальные и безличные правила взаимодействия, а ресурсы распределяются не секретно кланами в свою пользу, а открыто и в соответствии с формальными процедурами, когда журналисты и парламентские комиссии способны расследовать любое злоупотребление власти, то основания патримонии сокращаются подобно

---

¹⁴⁰ Цит. по: Фисун А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. С. 163

¹⁴¹ Gazibo M. Can Neopatrimonialism Dissolve into Democracy? Neopatrimonialism in Africa and Beyond. – 2012. P. 79

¹⁴² Цит. по: Gazibo M. Op. cit. P. 82

шагреновой коже»¹⁴³. К схожему выводу приходит и В. Гельман, называя персональный авторитаризм одним из следствий неопатримониализма¹⁴⁴.

Но как в таком случае быть с исходным утверждением Г. Рота о том, что неопатримониализм выходит за рамки существующей типологии политических режимов? Если принимать логику отождествления авторитаризма и неопатримониализма, как быть с таким термином как «*неопатримониальная демократия*»¹⁴⁵, предложенным Александром Фисуном для описания политической системы современной Украины? Если считать неопатримониализм и демократию несовместимыми, это звучит как оксюморон.

Что из себя представляет феномен неопатримониальной демократии? Александр Фисун использует этот термин для описания политической реальности Украины после конституционной реформы 2004 года, установившей в Украине премьер-президентскую систему власти. Если ранее в качестве ключевой характеристики неопатримониальных режимов отмечалось наличие клиентарно-патронажной сети, сформированной вокруг главы государства, то конституционная реформа 2004 года заложила в Украине уникальную возможность существования двух конкурирующих, автономных друг от друга и относительно равнозначных патронажных вертикалей: патронажной сети президента Виктора Ющенко и патронажной сети премьера Юлии Тимошенко. «Возможность сосуществования двух патронажных вертикалей гарантировалась отдельным контролем различных элементов «силовой машинерии» (правоохранительной системы, спецслужб, судебной системы и прокуратуры), что обоюднo блокировало любые возможности «силового» наезда друг на друга»¹⁴⁶.

¹⁴³ Розов Н.С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. – Полис. Политические исследования. № 6. 2015. С. 170

¹⁴⁴ Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. С. 8

¹⁴⁵ Фисун А.А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития. – Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социальноэкономических систем и цивилизаций. № 8. – 2011. С. 119-127; Фисун О.А. Неформальні інститути та неопатримоніальна демократія в Україні. – Агора. № 17. – 2016. С 9-13.

¹⁴⁶ Фисун А.А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития. С. 121

Ключевым игроком в этой новой для Украины политической реальности «выступает партийный холдинг, который агрегирует интересы нескольких влиятельных групп интересов и ведет электоральную борьбу за голоса избирателей, а значит, и, - в конечном счете, - за доступ к разделу рентоизвлекающих позиций в государственной машине и вертикали исполнительной власти»¹⁴⁷. При этом партийные холдинги сами по себе являются неопатримониальной структурой. Формально они представляют собой политические партии, ведущие борьбу с другими партиями за голоса избирателей. Однако в действительности это ни что иное, как клиентарно-патронажные сети, объединяющие политических предпринимателей в целях конвертации власти в собственность.

В сумме основные черты *неопатримониальной демократии* в отличие от *классического неопатримониализма* заключаются в следующем:

- имеет место реальная электоральная конкуренция, результаты выборов имеют высокую степень неопределенности;
- стратегия «победитель получает все» сходит на нет, распределение электоральных выигрышей перестает быть монопольным (зависящим от результатов выбора президента, как это бывает в классических неопатримониальных режимах), а становится кооперативным;
- формируется не одна, а две конкурирующих, относительно автономных и равносильных клиентарно-патронажных сети (как правило, одна – вокруг президента, другая – вокруг премьер-министра);
- силовой ресурс разделен, возможность «силового наезда» друга на друга со стороны ключевых игроков (президента и премьера) заблокирована;
- ключевая борьба за рентоизвлекаемые позиции ведется несколькими примерно равными политическими холдингами, опирающимися на автономные группы интересов.

---

¹⁴⁷ Там же. С. 123

В подобной системе высок риск конституционного тупика, когда ключевые решения блокируются одной из групп акторов. И если разрешение противоречий в рамках конституционных процедур невозможно, выходом из патовой ситуации становятся «неформальные параконституционные практики межфракционного торга межэлитных сделок и обменов»¹⁴⁸. Последнее десятилетие украинской политической жизни изобилует яркими примерами такого торга: проведение третьего тура президентских выборов 2004 года, формирование правительственной коалиции в 2010 году, подписание соглашения об урегулировании политического кризиса В. Януковичем и представителями украинской оппозиции 21 февраля 2014 года. Такой способ достижения консенсуса также демонстрирует неопатримониальную природу политического режима Украины.

Мы уделили пристальное внимание феномену неопатримониальной демократии, чтобы понять, насколько в нем взаимоувязаны неопатримониализм и демократия: в чем заключается демократичность такого типа неопатримониализма или неопатримониальность такого типа демократии. На наш взгляд, модель, предложенная А. Фисуном для объяснения политического режима Украины, достаточно убедительна и четко демонстрирует возможность соединения в рамках одной политической системы конститутивных признаков и демократии, и неопатримониализма. Поэтому термин «неопатримониальная демократия» отнюдь не видится нам оксюмороном и вполне непротиворечиво служит задачам исследователя.

В качестве примеров неопатримониальной демократии можно привести и политическую систему России президентства Б. Ельцина. С одной стороны, отмечаются достаточно либеральное избирательное законодательство, непредсказуемость результатов выборов (реальная опасность для действующего президента проиграть на выборах 1996 года), с другой стороны – формирование слоя рентоориентированных региональных и олигархических игроков. Вхождение крупных собственников в состав органов власти в качестве ответной услуги за

---

¹⁴⁸ Там же. С. 124

финансирование выборной кампании Б. Ельцина, их стремление использовать должностной ресурс в личных экономических целях (как пример – попытка приватизации государственной компании «Связьинвест» заместителем секретаря Совета Безопасности России Борисом Березовским) характеризуют неопатримониальную природу российского политического режима того периода на уровне элит. При этом паттерны рентоориентированного поведения наблюдались и в ежедневных практиках органов власти регионального и местного уровней, в особенности – органов внутренних дел. В исследованиях социолога Вадима Волкова приватизация публичных полномочий органами правопорядка получила название «силового предпринимательства»¹⁴⁹.

Таким образом, демократические и неопатримониальные практики не являются взаимоисключающими. Однако при этом необходимо одно уточнение. Ни современная Украина, ни Россия 1990-х не рассматриваются исследователями как устойчивые (консолидированные) демократии. Скорее, речь идет о гибридных режимах.

В этом контексте также будет полезным обращение к типологии гибридных режимов, предложенной одним из наиболее известных критиков парадигмы транзита Томасом Карозерсом. Он делит все государства «серой зоны» (то есть не относящиеся прямо ни к авторитаризму, ни к демократии) на два типа: **бесплодный плюрализм** (*feckless pluralism*) и **режим доминирующей власти** (*dominant-power politics*). При этом Т. Карозерс предварительно отказывается от того, чтобы их классифицировать как какие-либо демократии с прилагательными, поскольку «описывая страны в серой зоне как некие типы демократических государств, аналитики в действительности пытаются применять парадигму перехода к тем самым странам, политическое развитие которых ставит эту парадигму под сомнение»¹⁵⁰. При этом есть явная аналитическая необходимость развести две разных модели, сформировавшихся в рамках «серой зоны».

---

¹⁴⁹ Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ / Вадим Волков. — изд. 3-е, испр. и доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 2012. 352 с.

¹⁵⁰ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. – Политическая наука. № 2. – 2002. С. 49

В *бесплодном плюрализме* по Т. Карозерсу присутствуют такие элементы демократии как регулярные и действительно соревновательные выборы, чередование власти. Однако за пределы непосредственно выборов демократические практики не выходят. Граждане не стремятся участвовать в политическом процессе, испытывают апатию к политическим элитам, оценивая их как корыстные и безразличные к судьбе страны группировки. Бесплодный плюрализм может проявляться в различных формах. «В одних случаях партии, сменяющие друг друга у власти, охвачены парализующей их враждой. Находясь в оппозиции, они делают все, чтобы помешать сопернику хоть что-нибудь предпринять, как это происходит в Бангладеш. В других случаях конкуренция элит приводит к коллизии, которая, формально или неофициально, делает смену власти бесполезной в различных аспектах, как это произошло в Никарагуа в конце 90-х годов. В некоторых странах, пораженных бесплодным плюрализмом, политическая конкуренция присуща глубоко укоренившимся партиям, которые по сути действуют как патронажные сети и, очевидно, неспособны к обновлению, как в Аргентине или Непале. В других государствах у власти чередуются постоянно меняющиеся политические группировки, партии-однодневки, возглавляемые харизматическими личностями, или временные союзы еще не установившейся политической идентичности, как в Гватемале или в Украине»¹⁵¹. Общей их чертой все же является то, что политические элиты, будучи плюралистическими, глубоко отчуждены от граждан.

В случае *режима доминирующей власти* государство имеет конституционно оформленные элементы демократии (демократическая конституция, выборы президента, парламента), оппозиция может допускаться к участию в выборах, однако одна политическая группировка (лидер, семья или партия) настолько доминируют в политической системе, что в ближайшем будущем смена власти представляется маловероятной. В отличие от бесплодного плюрализма, в режиме доминирующей власти ресурсы государства (в т.ч. средства массовой информации,

---

¹⁵¹ Там же. С. 51

силовые структуры) сконцентрированы вокруг правящей группировки. Следствием длительного удержания власти часто становится системообразующая коррупция и «капитализм для своих» (crony capitalism). Проблема коррупции в случае определенного давления со стороны общества может признаваться на уровне политической риторики, однако реальная борьба с ней не может быть успешной, поскольку патрон-клиентские связи и иные неформальные институты являются системообразующими для этого типа режима.

Типология гибридных режимов Т. Карозерса значима в рамках настоящего исследования, поскольку демонстрирует тот факт, что государства, находящиеся в «серой зоне», хоть и в разной степени, обладают типичными чертами как демократии (демократическая конституция, выборность глав государств и legislatures, непредсказуемость электоральной борьбы), так и неопатримониализма (патрон-клиентские сети, системообразующая коррупция, элитные сговоры).

Итак, если принимать во внимание концепцию неопатримониальной демократии А. Фисуна и типологию государств в «серой зоне» Т. Карозерса, нам следует признать возможность сосуществования неопатримониализма и демократии. В действительности этот факт примиряет два обозначенных в начале раздела взгляда на соотношение неопатримониализма и типологии политических режимов. С одной стороны, отождествление неопатримониализма и авторитаризма недопустимо. С другой стороны, существование неопатримониализма в рамках *устойчивых (консолидированных)* демократий вряд ли возможно. При этом в рамках различных гибридных форм (о которых и идет речь в концепциях А. Фисуна и Т. Карозерса) сосуществование демократических паттернов и неопатримониальных практик более чем возможно.

Таким образом, неопатримониализм может быть найден в авторитарных и гибридных режимах. Но если поставить вопрос наоборот – обязательно ли авторитарные режимы создают внутри себя неопатримониальные институты – на него следует дать отрицательный ответ. Авторитарные режимы не обязательно являются неопатримониальными. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести пример Германии второй половины XIX века, «которая управлялась

легально-рациональной бюрократией и верховенством закона, однако этот вариант верховенства закона не был основан на правах человека и точно не был основан на демократических свободах»¹⁵². Поэтому авторитарные режимы со своей стороны могут сочетаться не только с неопатримониальным, но и с легально-рациональным доминированием. Опираясь на принцип разделения политического и административного уровней государства, Дж. Эрдман и У. Энгель предлагают следующую матрицу типов доминирования в различных типах политических режимов (см. табл. 3).

Таблица 3. Правительство и бюрократия в различных режимных типах¹⁵³

Режимный тип	Демократический		Гибридный	Авторитарный	
Подтипы		Нелиберальная, дефектная, делиберативная и т.д.	Возможные подтипы	Бюрократический	Неопатримониальный
Правительство	Легальное	Легальное (персональное)	Легальное (персональное)	Персональное	Персональное
Бюрократия	Легальная	Неопатримониальная	Неопатримониальная	Легальная	Неопатримониальная

Их позиция, уточненная в форме предложенной матрицы, также заключается в том, что концепция неопатримониализма выходит за рамки классической триады политических режимов (демократия – гибридные режимы – авторитаризм). Неопатримониальные формы власти могут быть найдены в любой точке режимного спектра. Но при этом они могут быть несвойственны не только консолидированным демократиям¹⁵⁴ (как утверждают М. Газибо, Ж.-Ф. Медар, Н.

¹⁵² G. Erdman, U. Engel. Op. cit. P. 111

¹⁵³ Ibid. P. 113

¹⁵⁴ Хотя отметим, что существуют работы, в которых изучаются патримониальные практики, имеющие место в современных устойчивых демократических системах. Профессор Висконсинского университета Иван Ермаков, например, в статье «Patrimony and Collective Capacity: An Analytical Outline» показывает, как патримониальные практики проявляются в работе Конгресса США и академической системы Франции. Профессор Университета штата Нью-Йорк в Олбани Ричард Лахман утверждает, что патримониальные отношения пронизывают современную систему здравоохранения и государственной службы США. Соглашаясь с тем, что патримониальные практики могут быть найдены в любой системе властных отношений, скажем все же, что неопатримониализм не распространен в этих системах настолько, чтобы составлять их суть и приводить к частному присвоению публичных функций. Указанные работы: Ermakoff I. Patrimony and Collective Capacity: An Analytical Outline. – The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 636. № 1. – 2011. P. 182-203; Lachmann R. Coda:

Розов), но и ориентированным на нормы легальной рациональности авторитарным режимам. Поэтому установление строгого соответствия между политическим режимом и неопатримониализмом малопродуктивно. Неопатримониализм, скорее, задает другую шкалу или дополнительное измерение политических систем. Эта концепция акцентирует внимание исследователя не на том, каким образом организована конкуренция в политике, а на той степени, в какой публичная сфера присваивается в частных интересах, с какой силой и в каких масштабах проникают в современную политическую ткань традиционные формы господства (включая личную преданность, патрон-клиентские отношения, nepotизм и иные ее составляющие компоненты). И это можно считать одним из основных преимуществ концепта. Он позволяет оценивать то, как осуществляется власть не только с точки зрения формальных установлений, но и с точки зрения неформальных практик, вне зависимости от типа политического режима. Именно это делает концепцию неопатримониализма новаторской для политической науки, поскольку позволят исследователям прийти к глубоким и нетривиальным выводам о том, как реально устроена политическая жизнь в том или ином сообществе.

Глава 2. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ИЗУЧЕНИИ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

2.1. Возможности применения неоинституциональных концептов в изучении структурных аспектов неопатримониальных режимов

Концепция неопатримониализма, как мы установили в предыдущей главе, во многом смещает акценты в изучении политических систем по сравнению с идеей демократического транзита и в целом по сравнению с классическими политологическими парадигмами. Бюрократия в концепции неопатримониализма представляет собой не систему, организованную на принципах иерархии, специализации, меритократии и иных принципах, описанных М. Вебером, а пирамиду патронатов, связанную между собой клиентарными отношениями. Политические партии в неопатримониальных системах также являются носителями совсем иных смыслов, нежели в современной парадигме демократии. Здесь не партии контролируют процессы формирования органов государственной власти, а государственные органы контролируют деятельность политических партий и общественных организаций. То есть на уровне ветвей власти происходит то же, что Сьюзен Стоукс назвала моделью перевернутой подотчетности (*perverted accountability*) в отношении связей политической партии и электората (когда не политики подотчетны избирателям, а избиратели – политикам)¹⁵⁵. Парламент из органа представительства, играющего ключевую роль в принятии управленческих

---

¹⁵⁵ Гилев А.В. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 31

решений, и самостоятельной ветви власти превращается в своеобразную «регистрационную палату», фиксирующую решения президента и исполнительной вертикали. Таким образом, в неопатримониализме меняются сам смысл и основные принципы функционирования политических институтов. Именно поэтому некоторыми исследователями все больше чувствуется натянутость классических «западных» трактовок коррупции, состояния судебной системы, функционирования политических партий и парламента применительно к «незападным» политическим режимам¹⁵⁶. Концепция неопатримониализма в этих случаях, напротив, обладает большей точностью и исследовательским потенциалом, поскольку «дает возможность осмысленного изучения некоторых политических явлений, которые в рамках классических подходов часто оказываются симулякрами: так, исследователи российских политических партий, опирающиеся на стандартные теории партий, вдруг начинают ощущать отсутствие объекта. Вместе с тем анализ тех же партийных структур как придворного общества, или как мелкопоместного дворянства, с присущей этим образованиям внутренней динамикой вполне может оказаться интересным и содержательным исследованием»¹⁵⁷.

Неопатримониальная парадигма, действительно, предполагает существенную смену исследовательской «оптики». Но предмет фокусировки остается тем же самым – политические институты (бюрократия, судебная система, политические партии, парламент и т.д.). Это первое заключение, которое следует из анализа литературы по неопатримониальным исследованиям.

---

¹⁵⁶ Мартьянов В.С. Капитализм, рента и демократия // *Journal of Institutional Studies*. – № 1. – 2017. – С. 51-68; Мартьянов В. С. Коррупция и сословно-статусная рента в России // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции* / отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН. – 2016. – С. 31-48; Мартьянов В.С. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сословности // *Вестник Российской академии наук*. – № 6. – 2017. – С. 511-519; Барсукова С.Ю. Про коррупцию, или Как не стать смешным идалго, принимая ветряные мельницы за великанов // *Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого*; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – С. 37-52; Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. От капитализма к рентному обществу? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). – № 1. – 2015. – С. 39-54.

¹⁵⁷ Старцев Я.Ю. Неофеодализм и неопатримониализм: эвристический потенциал архаизирующих метафор в изучении российской политики / *Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска*. Материалы всероссийской научной конференции 17 – 18 июня 2013 г. С. 349

Второе заключение – в том, что неопатримониализм как тип доминирования сочетает в себе рационально-легальный тип доминирования посредством формальных институтов (норм права, рациональной бюрократии, самостоятельной судебной системы и т.д.) и патримониальный посредством неформальных институтов и практик. Часто отмечается, что неформальная логика функционирования институтов является главенствующей.

Таким образом, исследования в русле неопатримониализма с одной стороны фокусируются на изучении институтов. С другой стороны – ставится акцент на неформальных практиках. В этой связи для развития идей неопатримониализма сложно найти более подходящую исследовательскую традицию, чем неоинституционализм с его акцентом на изучение неформальных норм и практик в рамках экономической, социальной, политической, культурной сфер жизни общества.

Наша гипотеза заключается также в том, что существует целый ряд исследовательских концептов, выполненных в русле неоинституциональной теории и успешно объясняющих разные аспекты функционирования политических (а также экономических и социальных) систем, которые существенно контрастируют с принятыми классическими трактовками классовой структуры общества, рыночной экономики, самостоятельной судебной системы, конституционных полномочий президента и других элементов общественной системы, которые при объяснении их классическими терминами порождают существенные концептные натяжки. Концепция неопатримониализма в этой связи может оказаться теорией, которая была бы в состоянии интегрировать подобные авторские трактовки различных сторон жизни общества (преимущественно, российского), на данный момент являющиеся разрозненными и мало подкрепляющими друг друга.

В этой главе мы оценим, насколько концепты, формирующиеся в русле неоинституциональной теории, могут служить развитию концепции неопатримониализма: какие аспекты неопатримониальных режимов могут быть ими освещены, насколько это может быть сделано полно и непротиворечиво, какие

издержки такое применение может нести для концепции неопатримониализма. В первом параграфе мы оценим возможности неoinституционализма в объяснении структурных аспектов неопатримониальных систем. Во втором – в вопросах внутренней динамики.

В целях дальнейшего изложения нам необходимо условиться, что мы будем понимать под неoinституциональной трактовкой понятия «политический режим». Таковой мы будем считать определение Ф. Шмиттера и Г. О’Доннелла: «политический режим – это вся совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него»¹⁵⁸.

Неoinституционализм как исследовательская традиция и понимание институтов в различных течениях неoinституционализма

Неoinституционализм представляет собой нечто большее, чем исследовательская парадигма в определенной области знаний. Новый институционализм сегодня – это, скорее, исследовательская традиция, характерная для всей области наук об обществе. Он находит свое место и в экономической теории, и в социологии, и в политологии, и в теории организаций.

Значение неoinституционализма для политической науки авторы сборника «Политическая наука: новые направления» в 1996 году описывали следующим образом: «нетрудно заметить признаки следующей надвигающейся революции, которую можно было бы назвать «новым институционализмом»»¹⁵⁹.

Пожалуй, стартовой точкой для неoinституционального этапа в политических исследованиях является статья Джеймса Марча и Йохана Ольсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни»¹⁶⁰. Программный лозунг нового институционализма Дж. Марч и Й. Ольсен выразили

¹⁵⁸ Голосов Г.В. Указ. соч. С. 63

¹⁵⁹ Р.И. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. Научный редактор Е.Б. Шестопап. – М.: Вече, 1999 – с. 50

¹⁶⁰ March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American Political Science Review. – 1984. – Vol. 78. – P.734-749

следующим образом: «...новый институционализм настаивает на существовании более автономной роли политических институтов. Государство не только подвергается воздействию со стороны общества, но также само влияет на него. Политическая демократия зависит не только от экономических и социальных условий, но также и от дизайна политических институтов. Бюрократическое агентство, законодательный комитет и апелляционный суд являются аренами для соперничества социальных сил, но они являются также совокупностью стандартных рабочих процедур и структурами, которые определяют и защищают интересы. Они являются политическими акторами по полному праву»¹⁶¹.

В политической науке неоинституционализм опирается на следующие постулаты:

1) «политические институты и государство в целом рассматриваются как полноправные акторы политики в том смысле, что они имеют свои собственные, особые интересы, и являются в силу этого частью “реальной” политики (Т.Скочпол, Т.Миттчелл);

2) институты оказывают основное и определяющее воздействие на индивидуальное поведение человека, устанавливая рамки индивидуального выбора через формирование и выражение предпочтений (Дж.Марч и Й.Ольсен; К.Шепсл и Б.Вейнгаст);

3) институты представляют собой основную детерминанту, определяющую результаты политики; способность акторов осознавать свои цели хотя бы отчасти определяется институциональным контекстом, в котором они действуют (Ф.Шарпф; А.Лейпхарт)»¹⁶².

Говоря о неоинституционализме, мы подозреваем, что существовал некий старый институционализм и что он существенно отличался от его новой версии. Действительно, институционализм просуществовал до 1950-х годов и в ходе так

¹⁶¹ Цит. по: Зазнаев О.И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. - Казань: Центр инновационных технологий. – 2005. – С. 16.

¹⁶² Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. Научный редактор Е.Б. Шестопап. – М.: Вече, 1999 – с. 314

называемой поведенческой революции в политической науке уступил место бихевиоризму. Однако в 1980-х годах в фокусе основного внимания исследователей вновь начинают возникать институты. Но в чем наиболее существенные отличия нового институционализма от старого?

1. Объект исследования. Если для классического институционализма объектом являлись государственные органы власти, их правовой статус и официальные цели деятельности, то для нового институционализма объектом исследований выступают все политические, экономические, культурные институты, в рамках которых протекает политическая жизнь, с помощью которых политические акторы реализуют свои интересы и в рамках которых структурируется политическая борьба. Поэтому в объект исследования включаются правила конкуренции на выборах (не только формальная избирательная система, но и неформальные правила, такие как административный ресурс, сделки с бизнес-структурами); отношения между органами государственной власти; внутрипартийные отношения; сами экономические акторы – профсоюзы, бизнес-группы.

2. Метод исследования. Для классической версии институционализма основным методом был описательно-индуктивный. Для новой версии ведущим методом является дедуктивный метод. Широкое применение получают количественные методы и в целом экономико-математическая методология.

3. Понимание института. Классическим для старого институционализма является определение института, данное М. Вебером. По Веберу институты – это «общественные учреждения, обладающие рациональными установлениями, на которые обязан ориентироваться любой индивид в обществе»¹⁶³. Использование принудительных санкций позволяет институту обеспечивать общественно приемлемое поведение людей. Для нового институционализма классическими являются определения Дугласа Норта и уже упомянутых Джеймса Марча и Йохана Ольсена. По Д. Норту, институты – «это «правила игры» в обществе, или,

---

¹⁶³ Вебер М. Избранные произведения/ Макс Вебер; [пер. с нем./сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко] // М.: Прогресс. – 1990. С. 536-537

выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»¹⁶⁴. Схожей трактовки придерживаются и Дж. Марч и Й. Ольсен, говоря, что «институт есть относительно устойчивый набор правил и организованных практик, воплощённый в структурах значений и ресурсов, которые являются инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, и перед меняющимися внешними условиями»¹⁶⁵.

4. Единица анализа. Политические институты как организации выступали в качестве единицы анализа в классическом институционализме, тогда как в неoinституционализме категориями анализа выступают не только институты, но и акторы, их ресурсы, взаимодействия и стратегии.

При всей своей популярности неoinституционализм представляет собой пеструю мозаику подходов, которые значительно отличаются друг от друга по самым существенным параметрам. Поэтому нельзя сказать, что неoinституционализм представляет собой монолитную парадигму. По утверждению Яна Эрика Лэйна и Сванте Эриссона, исследователи, относящие себя к неoinституционалистам, сходятся по крайней мере в одной мысли – «институты важны»¹⁶⁶. При этом исследователи сходятся, что в неoinституционализме четко сформированы несколько крупных течений¹⁶⁷. В каждом из них по-разному ставятся исследовательские акценты и по-разному понимаются институты. Часто авторы выделяют их то больше, то меньше, но три течения присутствуют в любой классификации.

---

¹⁶⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С.17.

¹⁶⁵ Цит. по: Кокорхоева Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2010. – Т. 14. – №. 7 (78). С. 209

¹⁶⁶ Lane J-E., Ersson S. The new institutional politics: Performance and outcomes. – London and N.Y.: Routledge, 2000. – P.2

¹⁶⁷ См., например: Б.Г. Питерс. Политические институты: вчера и сегодня// Политическая наука: новые направления. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999 – с. 218-235; Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 309-323; Кокорхоева Д.С. Указ. соч.; Зазнаев О. Указ. соч.; Сморгунув Л. В. Сравнительная политология: учебник для вузов //СПб.: Питер. – 2012. С. 69-73

1. Исторический неинституционализм (Д. Ашфорд, К. Телена, Т. Лонгстрета, С. Стеинмо, Д. Кинг). В историческом неинституционализме институты понимаются как формальные и неформальные нормы, процедуры и практики, глубоко укорененные в политической системе. Это целый спектр норм, процедур и практик от конституционных правил, бюрократических регламентов до «неявного знания» о выборе бизнес-партнеров¹⁶⁸.

Исследователи, работающие в рамках этого направления, заостряют внимание на проблеме институционального выбора в отношении какого-либо элемента политической системы или самой политической системы в целом. Их главное утверждение заключается в том, что выбор, совершенный однажды, будет оказывать существенное влияние на процесс институциональных изменений в будущем. Именно в рамках исторического институционализма сформировалась концепция зависимости от пути (*path dependency*). Поскольку она объясняет динамические аспекты существования политических систем, мы обратимся к ней в следующем параграфе.

2. Неинституционализм рационального выбора (Э. Остром, М. Леви, К. Шепсле, Б. Вайнгаст). Это неинституциональное течение справедливо называется «мостом, соединяющим политологию с экономической теорией вообще, а также с новой институциональной экономикой в частности»¹⁶⁹. Теория рационального выбора как раз опирается на понимание институтов, которое дал Дуглас Норт. Институты являются в этом контексте «правилами игры», ограничительными рамками, которые снижают уровень неопределённости во взаимодействии между индивидами и организациями и их транзакционные издержки.

Исследователи отмечают, что неинституционализм рационального выбора также неоднороден и обнаруживает внутри себя два течения. Первое – связанное с именем Энтони Даунса, в котором институты воспринимаются как заданные экзогенно ограничители, определяющие действия политических акторов. Второе –

¹⁶⁸ Стенограмма круглого стола «новый институционализм: задачи концептуализации, исследовательский и интеграционный потенциал». – Вопросы политологии и социологии. 2014. № 1 (6). С. 24.

¹⁶⁹ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. С.

связанное с именем Рендалла Калверта, в котором институты трактуются как результат взаимодействия акторов. Позиция одного из самых видных теоретиков рационального выбора Кенни Шепсле ближе ко второму варианту. К. Шепсле определяет институциональный порядок как «равновесие рациональных предпочтений и стратегий акторов в итоге их взаимодействия»¹⁷⁰.

3. Социологический неoinституционализм (Ф. Селзник, Ш. Эйзенштадт, У. Ричард Скотт). В социологическом неoinституционализме институты трактуются шире. «Кроме формальных правил, процедур или норм, они включают системы символов, когнитивные сценарии (скрипты) и моральные шаблоны, которые предоставляют “смысловые рамки” для того, чтобы направлять человеческие действия»¹⁷¹. Институты включают в себя систему символов, ритуалов, верований и позволяют индивидам и организациям понимать контекст политического взаимодействия.

Именно в рамках социологического подхода формулируется известная в неoinституционализме проблема «логики соответствия» (*logic of appropriateness*). В условиях существования институтов, которые предписывают определенное поведение, человек не просчитывает явно свой рациональный интерес и пользу от предполагаемого поступка. Скорее, он спрашивает себя, «кто я такой» (ученый, политик, биржевой игрок, государственный служащий), и определяет, насколько его поступок будет соответствовать его положению (открытие истины, получение власти, увеличение выгоды, исполнение обязанностей и т.д.). Институты здесь не просто есть ограничительные рамки для действий акторов и их предпочтений, но прямые создатели этих предпочтений.

Выделяются и иные течения неoinституционализма: нормативный, дискурсивный, конструктивистский, структурный, сетевой, когнитивный. Но основными по масштабу влияния на исследовательскую повестку являются три вышеупомянутых течения. Их объединяет не только то, что институты для них «имеют значение» и находятся в центре внимания. Общим для всех

¹⁷⁰ Цит. по: Кокорхоева Д.С. Указ. соч. С. 211

¹⁷¹ Зазнаев О.И. Указ. соч. С. 19

неоинституциональных течений является такое понимание институтов, в котором имеют место не только формальные, но и неформальные нормы. Тема неформальных институтов получила жизнь именно благодаря новому институционализму и, как мы уже отмечали, потенциально может считаться краеугольной для концепции неопатримониализма.

Неформальные институты

Неоинституциональная трактовка института, к какому бы течению она не относилась, представляет его как набор норм, которые очерчивают поведение людей и организаций определенными рамками. Суть в том, что эти рамки не являются однозначно формальными. Поэтому термин «неформальные институты», ранее казавшийся оксюмороном (институт по определению есть нечто формально закрепленное), актуализировал соответствующий феномен и задал новый вектор неоинституциональных исследований.

Российским экономистом В.Л. Тамбовцевым предпринята попытка широкого обобщения существующей литературы по неформальным институтам. В его монографии имеется обобщение существующих подходов к определению неформальных институтов. В предложенном В.Л. Тамбовцевым обзоре можно насчитать как минимум 22 самостоятельных определения термина «неформальный институт»¹⁷². При этом многие из них страдают определенными методологическими изъянами. Первый – определение через простое перечисление (например, определение С. Пейовича: *«неформальные правила - это традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные верования и все другие нормы поведения, прошедшие проверку временем»*¹⁷³). Второй – многокритериальные определения. Причем сами по себе они, разумеется, не являются методологической ошибкой. Проблема возникает только тогда, когда авторы не проясняют, как быть, если соблюдается только часть из названных критериев (например, по Е.В. Попову, *«формальные институты основываются на нормах взаимодействий, которые*

¹⁷² Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов. — М.: РГ-Пресс, 2014. С. 18-31

¹⁷³ Цит. по: Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов. С. 19-20

*опубликованы и признаны в обществе»*¹⁷⁴. Однако как быть с теми нормами, которые опубликованы, но не признаны. Или наоборот, признаны, но не опубликованы. Не похоже ли это скорее на неформальный институт, чем на формальный?).

Те же определения, которые не страдают указанными изъянами, подвержены, пожалуй, главной терминологической проблеме феномена «неформального института». Дело в том, что и сам термин, и существующие определения построены на отрицании, то есть характеризуют феномен через то, чем он не является (не-официальный, не-явный, не-публичный). Замена на внешне позитивные характеристики (скрытый, теневой, тайный) сущностно остается основанной на отрицании и не позволяет понять, чем же феномен неформального института является сам по себе.

Учитывая это ограничение, для дальнейшего анализа нам все же необходимо принять из существующего многообразия одно определение. Мы остановимся на наиболее цитируемом определении Гретхена Хелмке и Стивена Левитски: «неформальные институты – это принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов. Напротив, формальные институты – это такие правила и процедуры, которые создаются, становятся известными и насаждаются через каналы, общепризнанные в качестве официальных»¹⁷⁵. Достоинством определения и последующей его экспликации является разведение неформальных институтов с другими феноменами: во-первых, со слабыми институтами; во-вторых, с неформальными организациями; в-третьих, с неформальными закономерностями поведения; в-четвертых, с более широким понятием культуры.

Феномен неформальных институтов хорошо увязывается не только с концепцией неопатримониализма, но и более широко – со всей типологией легитимного господства М. Вебера. Эта связь хорошо была показана В. Гельманом.

---

¹⁷⁴ Там же. С. 25

¹⁷⁵ Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис, 2007, № 2, с. 192

Он отмечает, что «веберовская типология легитимного господства представляется наиболее адекватным средством перевода феномена [неформальных институтов] на язык социальных наук»¹⁷⁶. Действительно, очевидно, что преобладание формальных институтов является обязательной чертой рационально-легального типа господства. А в отношении традиционного и харизматического господства можно говорить о преобладании неформальных институтов, однако их природа совершенно различна. При традиционном господстве неформальные практики составляют суть «наследия прошлого», которое входит в культуру данного общества и задает тем самым определенную траекторию (или коридор возможного) развития политических и экономических институтов. «Именно эта предзаданность пути развития (path-dependency) ставит пределы будущим институциональным изменениям и способствует процветанию неформальных институтов, которые подрывают или «оккупируют» институты формальные»¹⁷⁷. При харизматическом господстве также имеет место преобладание неформальных институтов, но его суть и происхождение совершенно иные. Здесь идет речь о глубоком или даже революционном разрыве с традицией. Создание новых институтов, не укорененных в прежней институциональной среде, требует механизмов компенсации, приспособления, или того, что метафорически называется «гипсовой повязкой, позволяющей разорванным тканям срастись»¹⁷⁸. Неформальные институты заполняют вакуум, связанный с упадком формальных институтов и возможным общим упадком государства, и обеспечивают господство, пока не вырастут новые формальные институты. Но если таковые не появляются, господство неформальных институтов может быть долговременным и устойчивым.

Перейдем к возможным типам неформальных институтов. Самая известная типология принадлежит опять же Г. Хелмке и С. Левитски. Для своей типологии они выделяют два критерия: совпадение/несовпадение результатов работы

---

¹⁷⁶ Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике //Полис: Политические исследования. – 2003. – №. 4. – С. 7

¹⁷⁷ Там же

¹⁷⁸ Гельман В. Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России //Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2010. – №. 2 (57). С. 16

формальных и неформальных институтов, эффективность/неэффективность формальных институтов (то есть насколько соблюдаются на практике закрепленные на бумаге нормы). Эти два измерения дают матрицу из четырех типов (см. таблицу 4).

Таблица 4. Типология неформальных институтов

Г. Хелмке и С. Левитски¹⁷⁹

	Эффективные формальные институты	Неэффективные формальные институты
Совпадающие последствия	Дополняющие	Замещающие
Несовпадающие последствия	Аккомодационные	Конкурентные

За основу этой типологии взята роль, которую играют неформальные институты по отношению к формальным: восполняют их «пробелы» (*дополняющие*), приспособливают к ним интересы исполнителей или других заинтересованных групп (*аккомодационные*), создают конкурирующие нормы в силу их неэффективности (*конкурентные*) или, компенсируя слабость государственных институтов, помогают добиться их целей (*замещающие*).

В целом, многие неформальные практики, имеющие место в неопатримониальных (или классических патримониальных) режимах, могут лечь в эту классификацию. Например, институт кормления может быть описан как **замещающий институт**. В патримониальных системах «центр вынужденно делегирует управленческие функции иным субъектам, а поскольку в его распоряжении нет достаточного количества ресурсов, эти функции становятся собственностью субъектов управления и прямым, основным источником их доходов»¹⁸⁰. То есть в данном случае слабость государственных институтов

¹⁷⁹ Хелмке Г., Левитски С. Указ. соч. С. 210

¹⁸⁰ Старцев Я. Ю. Система государственного управления: политический анализ: учеб. пособ. — Екатеринбург, 2001. С. 70

(скудость казны) компенсируется практикой кормления от дел. Правда, стоит отметить, что изначально эта практика являлась формальным институтом. Но для России введение государственного жалования не искоренило этот институт, который перешел в разряд неформальных и при этом остается частью административной культуры до сих пор. В качестве **конкурентного института** вполне может быть описана проблема африканского чиновника, пребывающего в когнитивном диссонансе между формальными нормами и необходимостью помочь бедным родственникам. В нищей стране чиновник, обладающий сколь-либо значимыми ресурсами, автоматически подвергается давлению родственников, круг которых, кстати говоря, достаточно широк. Неформальные нормы здесь «подкрепляются боязнью социальной изоляции и, что немаловажно, колдовства»¹⁸¹. Как **аккомодационная практика** может быть описан блат в Советском Союзе, который помогал приспособляться предприятиям и гражданам к жесткой формальной среде, подразумевающей невозможность рыночного обмена¹⁸². В качестве **дополняющего неформального института** можно рассматривать неформальные договоренности элитных групп в рамках формирующейся институциональной среды. Походящими примерами здесь могут являться, например, неформальное соглашение между бизнесом и государством в России, известное как «пакт 28 июля» (или «шашлычное соглашение»)¹⁸³. Его суть заключалась в том, что власть не пересматривает итоги приватизации, а бизнес – не вмешивается в политику и сохраняет лояльность власти. В эту же категорию можно отнести уже упоминавшиеся нами неформальные договоренности южнокорейской власти и крупных промышленных конгломератов (чеболей) в период послевоенного восстановления Южной Кореи.

Таким образом, в схему Г. Хелмке и С. Левитски укладываются неформальные институты характерные для неопатримониальных режимов. Однако очевидно, что

---

¹⁸¹ Барсукова С.Ю. Про коррупцию, или Как не стать смешным идальго, принимая ветряные мельницы за великанов// Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. [Текст] / С.Ю. Барсукова; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 43

¹⁸² Ledeneva A. V. Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange. – Cambridge University Press, 1998. – 256 p.

¹⁸³ Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. С. 117

мы просто приспособливаем к теоретической схеме интересующие нас эмпирические практики. О выявлении их самостоятельных признаков здесь речи не идет. И это объясняется особенностью типологии Хелмке-Левицки, которая рассматривает неформальные институты исключительно в связке с формальными. «Являясь безусловно удобной с прикладной точки зрения, эта схема, однако, содержит все методологические изъяны «неформалистского» подхода: внутренняя логика развития анализируемых институтов и практик, механизмы их функционирования безотносительно формальных норм в эту систему не укладываются»¹⁸⁴.

Я.Ю. Старцев предлагает схему, которая, на наш взгляд, позволяет гораздо более полно оценить содержание неформальных институтов самих по себе (а не только их функцию по отношению к формальным институтам). Отметим, что автор предлагает заменить термин «неформальные институты» термином «лично-ориентированные взаимодействия», чтобы снять методологическую проблему отрицания (не-формальное, не-явное) и перейти к содержательной характеристике таких практик. Лично-ориентированные взаимодействия трактуются как *«(взаимо)действия социальных субъектов, при которых индивидуальные и личностные характеристики участников определяют содержание, формы и саму возможность взаимодействия. Обязательными атрибутами такого рода взаимодействий являются индивидуальная узнаваемость участников друг для друга и взаимное позиционирование в системе координат «свой-чужой»»*¹⁸⁵. Из всего множества неформальных институтов выпадают, таким образом, обезличенные неформальные или нелегальные практики, такие как взяточничество, но для их содержательного исследования уже успешно используется юридический и экономический аппарат.

В основе классификации лично-ориентированных взаимодействий лежат соотношение статусов и ресурсов и структурирующий мотив взаимодействий.

---

¹⁸⁴ Старцев Я.Ю. Лично-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ / А.А.Александров, Т.Е.Зерчанинова, К.Н.Самков, Я.Ю.Старцев. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 32

¹⁸⁵ Там же. С. 33

Агенты, вступающие во взаимодействие, характеризуются либо неравным положением и статусом (патрон-клиент, хозяин-слуга, начальник-подчиненный), либо относительным равенством (партнеры, коллеги и т.д.). В качестве структурирующего мотива анализ литературы позволил автору выделить три группы мотивов: рациональный интерес, устойчивые социально-биографические связи и эмоциональная притягательность. На их пересечении возникают шесть самостоятельных типов личностно-ориентированных взаимодействий (см. табл. 5).

Таблица 5. Типология личностно-ориентированных взаимодействий Я.Ю. Старцева¹⁸⁶

Соотношение статусов и ресурсов	Структурирующий мотив		
	Рациональный интерес	Социально-биографически детерминированные связи	Эмоциональная притягательность
«Вертикальные» отношения (неравенство, подчинение)	<i>Клиентелизм</i>	<i>Непотизм</i>	<i>Фаворитизм</i>
«Горизонтальные» отношения (равенство, договор)	<i>Блат</i>	<i>Досуговые компании</i>	<i>Прятељство</i>

Наша гипотеза заключается в том, что именно такой подход к выявлению неформальных взаимодействий может быть чрезвычайно плодотворен в развитии концепции неопатримониализма. В эмпирических исследованиях неопатримониальных режимов регулярно возникают такие их характеристики, как непотизм, фаворитизм, клиентелизм и блат. Однако они фигурируют часто в рамках простого перечисления типовых черт таких режимов и не подвергаются обстоятельной концептуализации. Не анализируются их связи друг с другом, не выявляются их структурные аспекты, в большинстве исследований они не представляются как части единого явления, представляя собой, скорее, изоляты, применяемые *ad hoc*. Хотя при этом именно концепция неопатримониализма потенциально может быть таким интегрирующим концептом, который позволит

¹⁸⁶ Там же. С. 35

соединить эти явления в более структурированную систему. Для проверки этой гипотезы далее мы сфокусируемся на таких типах неформальных взаимодействий, которые могут существенно прояснить многие аспекты функционирования неопатримониальных режимов. В данном разделе мы ограничимся клиентелизмом и непотизмом по двум причинам. Во-первых, эти феномены в большей степени разработаны в исследовательской среде, накоплен (хоть и не самый большой) эмпирический материал. Во-вторых, нам особо важны вертикальные формы взаимодействий, поскольку именно в них формируются отношения власти и подчинения, принципиально значимые для анализа неопатримониальных форм господства.

Клиентелизм

Классическим определением клиентелизма для западной политической науки считается определение Ш.Н. Эйзенштадта и Л. Ронигера, которое они дали в их книге «Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society»¹⁸⁷. В соответствии с их подходом, *клиентарно-патронажные связи представляют собой «отношения, обеспечивающие контрагентов необходимыми и желаемыми ресурсами и удовлетворяющие их потребность в доверии»*¹⁸⁸. Ж.Ф. Медар определил их как *«не связанные с родством отношения личной зависимости, опирающиеся на обмен благами между двумя людьми, патроном и клиентом, обладающими неравными ресурсами»*¹⁸⁹.

Патрон-клиентские отношения характеризуются достаточно противоречивой природой. В этом феномене уживаются одновременно личная зависимость и взаимная солидарность; персональная идентификация, личное сочувствие и персональные обязательства; возможность принуждения, эксплуатации и добровольность отношений; обоюдность и неофициальность, «полулегальность» отношений; неравенство ресурсов и взаимная выгода.

---

¹⁸⁷ Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. – Cambridge, 1984. p. 47-48

¹⁸⁸ Цит. по: Старцев Я.Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении. С. 38

¹⁸⁹ Там же

Необходимым условием возникновения патрон-клиентских отношений является неравенство ресурсов, которыми патрон вознаграждает своего клиента. Многие из этих ресурсов могут быть получены и посредством официальных норм, однако доступ к ним через личные отношения по какой-то причине более привлекателен (скорость, простота, более высокие шансы на получение, возможность контролировать процесс через личное общение и т.п.). В этом случае подчиненный ощущает личную ответственность перед начальником, своим продвижением, повышением оклада и иной полученной привилегией он обязан не закону, уставу или должностному регламенту, а лично начальнику. А поскольку «долг платежом красен», то у подчиненного возникает явная обязанность оказать встречную услугу, отплатить схожим образом. Но в силу неравенства ресурсов тем же отплатить он не может. Если для начальника оказание услуги являлось незначительной хлопотой, то для подчиненного отплатить чем-то с таким же уровнем значимости просто невозможно. Величину полученного ресурса клиент может компенсировать продолжительностью ответной услуги. Это может быть долгосрочная лояльность, поддержка в значимых для начальника ситуациях, особое отношение к его поручениям (например, сверхурочная работа для их исполнения).

Клиентелизм подразумевает определенную мотивацию к поступкам. Поэтому для его структурирования могут быть полезны модели мотивации, принятые в теории управления. По аналогии с концепцией мотивации Дугласа МакГрегора¹⁹⁰ можно сказать, что клиентарные отношения предполагают как позитивную, так и негативную мотивацию. Позитивная (Y-мотивация) подразумевает наделение патроном клиента значимыми ресурсами, тогда как негативная (X-мотивация) связана с потенциальной возможностью лишения таковых (см. табл. 6).

---

¹⁹⁰ MacGregor D. The human side of enterprise. –Vol. 21, № 166. –1960. New York.

Таблица 6. Мотивация в клиентарных отношениях

Позитивная мотивация в клиентарно-патронажных отношениях	Негативная мотивация в клиентарно-патронажных отношениях
<ul style="list-style-type: none"> - назначение на должность; - наделение значимыми (для репутации или материального положения) полномочиями; - карьерный рост; - премии, надбавки и иные материальные стимулы; - решение личных значимых для клиента проблем (проблемы с жильем, устройством ребенка в детский сад); - знакомство с иными носителями полезных ресурсов; - одобрение, психологическая поддержка. 	<ul style="list-style-type: none"> - потенциальная возможность наказания; - психологическое давление; - игнорирование проступка; - защита от наказания.

Если в случае с позитивной мотивацией средством обмена выступает взаимная позитивная договоренность (возможно, разной степени вербализованности и законности), то в случае с негативной мотивацией таким средством являются **компромат и шантаж**. В нашей схеме он обладает универсальностью. С помощью компромата можно оказывать психологическое давление, манипулировать потенциальной возможностью наказания, гарантировать игнорирование проступка или защиту от наказания в случае согласия скомпрометированного выполнить какие-либо полезные для обладателя компромата задачи. На наш взгляд, компромат заслуживает особого внимания для неопатримониальных исследований по следующей причине. Если позитивные формы клиентелизма характерны для традиционных форм господства и просто воспроизводятся в новой среде (возможно, с течением времени меняется значимость и желанность разных

ресурсов, но формы их предоставления серьезных изменений не претерпевают), то компромат – явление характерное именно для неопатримониальной среды. Он сочетает в себе элементы и патримониального, и легально-рационального господства. Сам сбор подобной информации и возможность торга, отчуждения ресурсов и формирование личной зависимости носителя компромата и скомпрометированного – это чисто патримониальная практика. С другой стороны, обладатель компромата чаще всего шантажирует наказанием именно в рамках легального поля, ссылаясь на нарушение закона. То есть невыполнение требований здесь влечет наказание в рамках легально-рационального господства, а их выполнение – вполне патримониальную зависимость. Таким образом, шантаж в политико-административной системе в равной степени невозможен как без рационально-легальных отношений (законодательства, за нарушение и в рамках которого можно понести наказание), так и без патримониальных (формирование личной зависимости и возможность только неформальной формы гарантий - никаких формальных гарантий неразглашения здесь быть не может).

В рамках классического патримониального господства необходимости в шантаже нет. Поскольку служащий здесь является лично слугой, господин может награждать ресурсами или лишать их по своему собственному усмотрению, для этого нет необходимости шантажировать слугу. Шантаж здесь имеет смысл в горизонтальных отношениях. Значима только потенциальная угроза донесения информации патрону о проступках слуги, поэтому шантажировать друг друга могут те, кто стоит на сопоставимых по отношению к патрону позициях (поэтому характерным для традиционного господства являются борьба фаворитов и дворцовые интриги). В рамках чистого рационально-легального типа господства потребности в шантаже также нет, поскольку любое награждение ресурсами и их лишение происходит на основе формальных показателей эффективности. Начальник, зная о проступке подчиненного, выносит решение о наказании. Никакого шантажа в вертикальных отношениях между начальником и подчиненным быть не может. Более того, сам шантаж вводится в категорию преступлений, квалифицируемых в рамках уголовного законодательства.

Таким образом, именно при соединении легальной оболочки и патримониального ядра возможно распространение в политико-административной системе таких средств как компромат и шантаж.

Эти явления воспринимаются некоторыми исследователями как стержневые для некоторых политических систем, которые в иных работах описываются как неопатримониальные. На сегодняшний день феномен компромата наиболее яркую концептуализацию, хоть и не политологическую, а, скорее, социально-антропологическую¹⁹¹, получил в работах профессора Школы славянских и восточноевропейских исследований Университетского Колледжа Лондона Алены Леденевой¹⁹². Ею выделяется четыре идеальных типа компромата.

Первый тип представляет собой сведения о политической деятельности компрометируемого, например, политическая нелояльность, злоупотребление властью, отношения с иностранными спецслужбами или дипмиссиями, разглашение государственной тайны.

Второй тип связан с сомнительной или незаконной экономической деятельностью политика или чиновника. Это могут быть сведения о теневых банковских сделках, незаконном присвоении бюджетных средств, хищениях, нарушениях в процессе приватизации (пожалуй, один из наиболее действующих механизмов компромата во взаимодействии политической и бизнес-элиты России в начале 2000-х), оффшорных счетах. С введением так называемой «политики национализации элит» и принятием соответствующего федерального закона¹⁹³ новым объектом компромата могут стать иностранные банковские счета. В эту же категорию попадает незаконное финансирование избирательной кампании, преференциальный режим в деловых сделках и, что наиболее очевидно, принятие или предоставление взяток.

---

¹⁹¹ Барсукова С.Ю. Российские неформальные практики: экспортный вариант. Рецензия на книгу: Ledeneva A.V. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. Экономическая социология. 2008. № 3. С. 93-100

¹⁹² Ledeneva A.V. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca: Cornell University Press, 2006

¹⁹³ Федеральный закон от 07.05.2013 N 79-ФЗ "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами"

Третий тип включает в себя криминальную деятельность. Это могут быть связи с преступными группировками, участие в заказных убийствах, насилие, прослушивание, шантаж, шпионаж.

Наконец, **четвертый тип** касается откровений о частной жизни, в том числе: подробности незаконных доходов, имущества, экстравагантных потребительских привычек, сексуальной ориентации, сексуального поведения, сомнительных знакомств, культурного и религиозного происхождения, убеждений и идеологии, состояния здоровья, поступков членов семьи.

Видно, что первые три типа построены на явном нарушении законодательства. И только в четвертом говорится о возможности разгласить какие-то факты частной жизни, противоречащие общепринятой морали. Но возможности четвертого типа, скорее, ограничены чисто политической сферой, где для достижения своих целей важна широкая публичность и позитивный имидж. Для административной сферы подобного рода информация в качестве реальной угрозы не столь значима.

А. Леденева отмечает сосредоточенный на компромате характер политической власти в России 1990-х. Более того, имела место и своеобразная институционализация: в штабе президента можно выделить круг лиц, в неявный функционал которых входила задача сбора компромата. Для администрации Б. Ельцина, например, называется руководитель Службы безопасности Президента Александр Коржаков. Конструирующий характер компромата в первые годы постсоветской политики нашел яркое выражение в народной «премудрости»: «компромат на врагов – это удовольствие, компромат на друзей – необходимость».

Итак, компромат – это один из механизмов функционирования клиентарно-патронажных связей. Его особенность – в том, что он основывается на принципе отложенного штрафа. Патрон собирает компрометирующую клиента информацию и, таким образом, располагает возможностью не только резкого прекращения благодеяний, но и создания для карьеры (и/или иных значимых сфер жизни) клиента существенных проблем. Наличие постоянной угрозы также «закрепощает» клиента и усиливает клиентарные связи. И это еще одна причина, по которой компромат так значим для неопатримониальных систем. Вообще разные формы

закрепощения – это обязательная черта традиционного доминирования. Для рационально-легального типа характерна свобода в выборе места работы, контрагентов и других составляющих профессиональной жизни. Создать в рамках рациональной оболочки традиционные формы зависимости невозможно, но неявные формы такой зависимости в неопатримониальной системе должны создаваться, и именно такой неявной формой «закрепощения» и является шантаж, обязывающий скомпрометированного действовать в интересах обладателя компромата.

Итак, как связаны феномен патрон-клиентских отношений и неопатримониализм. Может ли концепт клиентелизма быть полезным в объяснении каких-либо аспектов функционирования неопатримониальных режимов? Положительный ответ на этот вопрос может быть дан по двум обстоятельствам. Во-первых, в связи с явным соответствием логике традиционного (и патримониального в частности) типа господства М. Вебера. Во-вторых, в связи с феноменом клиентел и процессами клиентелизации коллективных субъектов, которые характерны как для классических патримониальных, так и для неопатримониальных систем.

Аспект первый. Сравнение основных понятий концепта клиентарно-патронажных отношений и идеального типа традиционного политического господства по М. Веберу демонстрирует их принципиальное сходство. В традиционном господстве господствующий является не начальником, а господином, его штаб управления состоит не из чиновников, а из личных слуг. Именно индивидуализированные клиентарные связи лежат в основе взаимодействия господина и его слуг. Их отношения определяются не объективным служебным долгом, а личной преданностью. Как объясняется преданность в традиционном штабе управления по Веберу? Прежде всего, тем, из каких категорий подданных рекрутируется типичный штаб управления. М. Вебер делит рекрутируемых на две группы¹⁹⁴:

---

¹⁹⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. 2016. Т. I. С. 266

- 1) Те, кто традиционно связан с господином узами пиетета (патримониально рекрутируемые);
- 2) Экспатримониально рекрутируемые.

В первую категорию входят члены рода, рабы, вольноотпущенники, крепостные домашние чиновники и другие категории, которые по своему происхождению лично зависят от господина. Во вторую категорию входят свободные фавориты, свободные чиновники и вассалы (те, кто добровольно заключает договор о верности господину) – то есть те, кто формально является свободным, но также скрепляет себя с господином узами пиетета.

Патримониализм, являясь формой традиционного господства, при которой власть организуется посредством *личного штаба управления* (в отсутствие такового можно говорить о патриархализме и геронтократии), наследует все вышеперечисленные источники рекрутирования. Однако на данном этапе наших рассуждений важны не сами источники рекрутирования (они лучше вписываются в категорию непотизма), важна личностно-ориентированная природа власти и управления. Источники пополнения штаба управления позволяют понять причину ориентации на индивидуализированный характер управления в традиционных системах. Таким образом, клиентарные отношения личной зависимости являются базовым принципом классического патримониализма. Возможно ли проявление такого типа отношений в нехарактерной для них рационально-бюрократической среде? Безусловно, именно в этом и заключается потенциал их исследования для понимания природы неопатримониальных режимов. И этот потенциал уже используется исследователями, которые ставят изучение клиентарно-патронажных сетей в центр анализа неопатримониальных режимов. Например, А. Фисун, описывая неопатримониальную природу постсоветских режимов, показывает, что «внутри неопатримониальной бюрократии центральные, стержневые позиции принадлежат президентской вертикали, а именно клиентарно-патронажной сети, которая образуется вокруг фигуры главы государства; на ее верхушке находятся лично преданные ему люди, которые занимают ключевые позиции в государственном и партийном аппаратах, курируют силовые министерства и

основные отрасли экономики»¹⁹⁵. Клиентарно-патронажные сети строятся в основном на региональных, клановых, семейно-родственных, дружеских отношениях. Как правило, основную, организующую роль в политическом процессе в неопатримониальных государствах играет институт президентской клиентарно-патронажной сети. Например, в общественно-политическом дискурсе среднеазиатских государств (все чаще рассматриваемых как неопатримониальные) достаточно устойчивыми выражениями стали «ташкентские», «самаркандские» элиты Узбекистана, «Фан» (влиятельные круги Ферганской долины), «Суркаш» (элиты Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана). Для Казахстана основой клиентарно-патронажных сетей выступают союзы племен (жузы): старший (Улы жуз), средний (Орта жуз), младший (Киши жуз). Для Кыргызстана характерной является борьба между северными и южными элитами, которые сами по себе построены по принципу клиентарно-патронажной сети¹⁹⁶.

Очевидно, клиентелизм не отмирает с уходом в прошлое традиционного господства. С распространением норм рациональной бюрократии, демократизации, индустриализации он оказывается способен мимикрировать под них. Поэтому несмотря на то, что клиентарно-патронажные отношения становятся сложнее выявить, они в явной или неявной форме продолжают играть значительную роль в общественной жизни – причем как на политическом уровне (о чем мы сказали выше), так и в функционировании бюрократии нижних этажей. Здесь невозможно обойти стороной исследования Михаила Николаевича Афанасьева. В своей монографии «Клиентелизм и российская государственность»¹⁹⁷ он демонстрирует структурирующую роль патрон-клиентских отношений в политико-административной системе России практически на всем протяжении ее истории (от Московского государства до постсоветской России). В его работе читается важная для нас мысль: ни одна модернизация не смогла сделать рационально-легальные нормы основой бытования бюрократии в России.

---

¹⁹⁵ Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация С. 170

¹⁹⁶ Рогожина К.А. Роль патрон-клиентских отношений в формировании политических элит государств Центральной Азии. Журнал «Власть». 2009. № 11. С. 22-25

¹⁹⁷ Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – М., 1997. – 301 с.

Кажется, что при появлении новых форм защиты интересов (судебная система, профсоюзы, коллективные договоры и т.д.), характерных для западной либеральной цивилизации, потребность в личных связях для решения собственных проблем отпадает. Роль клиентарно-патронажных связей в индустриальной либеральной цивилизации должна восприниматься как дополнение «в щелях и на обочинах современного индустриального, открытого общества, они развиваются там, где не дорабатывают публичные правовые институты»¹⁹⁸.

Однако исследователями отмечается, что бюрократизация современной жизни не только не отодвигает патрон-клиентские отношения на периферию, но в действительности их порождает. М. Афанасьев в подтверждение этого тезиса предлагает обратиться к повседневным практикам функционирования «Дженерал Моторс», как представляется, вершины современной рациональной организации бизнеса. Однако даже в такой корпорации и в стратегических решениях руководства, и в вопросах продвижения по службе основополагающую роль играет фаворитизм. Поэтому тезис о том, что клиентелизм в современности играет только дополняющую роль, требует корректировки. «Клиентарные связи воспроизводятся внутри современных институтов, влияя на их функционирование – вплоть до формирования гибридных структур и псевдоморфозов. Клиентарные отношения далеко не всегда и не только отмирают, но динамично видоизменяются, адаптируясь к ускорению и усложнению социальных процессов»¹⁹⁹.

Ярким примером устойчивости клиентарных отношений является практика **рекомендаций**. Для классических патримониальных систем рекомендации являлись важнейшим каналом рекрутирования и продвижения чиновников на всех уровнях властной иерархии: в зависимости от статуса необходимо было заручиться рекомендациями от уездных чиновников вплоть до монарха. Столь же значимым каналом рекрутирования на государственную службу они являются и по сей день. Достаточно красноречивые цифры в этом отношении получены в социологическом исследовании В.Е. Гимпельсона и В.С. Магуна. Опрос российских чиновников

---

¹⁹⁸ Там же. С. 51

¹⁹⁹ Там же. С. 55

показал, что в 85% случаев поступлению на государственную службу они обязаны либо личным рекомендациям (45%), либо предложению руководителя подразделения (32%), либо тому, что уже были известны в организации (например, после прохождения практики) (8%)²⁰⁰. Такие каналы поступления на государственную службу не ведут инвариантно к дальнейшему усилению клиентелизма, но, по крайней мере, такой вектор развития служебных отношений становится вполне вероятен.

Таким образом, проанализированная М. Афанасьевым логика воспроизведения клиентарных отношений в современности созвучна логике Ш.Н. Эйзенштадта в отношении неопатримониализма. В первой главе мы установили, что схожим образом патримониальное господство воспроизводится в современности, не заменяя при этом рационально-легальные институты, но причудливым образом вплетаясь в них и воспроизводя патримониальные практики во внешне рационально-легальной среде. А поскольку отношения личной зависимости по М. Веберу являются конститутивной чертой традиционного доминирования, можно говорить, что именно клиентелизм обуславливает воспроизводство патримониального господства в современности.

Аспект второй. Феномен клиентелизма значим для неопатримониальных исследований еще по одной причине – это клиентелизация коллективных субъектов и формирование клиентел. Клиентела представляет собой совокупность клиентов одного патрона и их отношений с ним. Клиентела – весьма значимое явление для классического патримониализма. Так, М. Вебер подчеркивал роль клиентел во все периоды истории Рима, который, по его мысли, в противовес другим античным полисам представлял собой яркий пример патримониального господства, в котором власть принадлежала нескольким знатным родам. При этом в положении клиентов могли оказаться не только отдельные индивиды, но и целые города. Победив в войне, полководец брал под свою опеку города и селения и сохранял этот патронат в своем роде. «Так, клиентами рода Клавдиев были Спарта

---

²⁰⁰ Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе Государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников. Препринт WP3/2004/07 — М.: ГУ ВШЭ, 2004. С.13-14

и Пергам, иные фамилии имели клиентами другие города, принимали их послов и представляли в сенате их интересы»²⁰¹.

При этом наблюдать клиентелизацию коллективных субъектов можно и в современных политико-административных системах. Говоря об адаптации клиентелизма к современным институтам, М. Афанасьев одним из ее основных направлений называет именно коллективизацию субъектов патрон-клиентских отношений. «Индивидуальных патронов и посредников могут заменять партии, профсоюзы и иные институционализированные центры власти и влияния»²⁰².

В современных условиях в качестве коллективных клиентов могут рассматриваться, например, предприятия, живущие исключительно или главным образом за счет государственного заказа. В качестве ответной услуги такие предприятия могут предлагать политическую поддержку действующей власти. Это может выражаться как в контроле электорального поведения сотрудников предприятия, так и в организации различных публичных акций в поддержку политики действующей власти. Схожие механизмы могут иметь место в отношениях муниципальных образований и региональных администраций. Широко отмечаемая для местного самоуправления в России проблема диспропорции объема собственного финансирования и объема полномочий муниципальных образований закладывает для клиентелизации этих отношений необходимый фундамент. В целях получения бюджетной субсидии на конкретный проект (ремонт дороги, организация значимого мероприятия, строительство больницы) или в целях общего увеличения объема дотаций региональные власти вполне могут потребовать от органов местного самоуправления выполнения выгодных для себя условий (например, внесения поправок в устав муниципального образования для установления более контролируемой структуры органов местного самоуправления, выражения городской думой недоверия неугодным должностным лицам администрации города или прямое назначение главой администрации выгодной областной администрации кандидатуры). Несмотря на то, что для

---

²⁰¹ Цит. по: Афанасьев М. Н. Клиентелизм: историко-социологический очерк //Полис. – 1996. – №. 6. – С.104

²⁰² Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. С. 55

определения нуждаемости территории в дотациях существуют формальные методики, степень свободы областной власти в доведении конкретного объема финансирования все равно остается крайне высокой, поэтому пространство для выстраивания клиентарных механизмов здесь достаточно широко.

В контексте формирования клиентел важно обратиться еще к одному аспекту политического порядка. В любом политическом порядке особое значение имеют процессы воспроизводства власти. В неопатримониальных режимах они должны иметь свою специфику. «Поскольку стабильность клиентелистских отношений в существенной мере основывается на персональных договоренностях, то власть в патримониальных режимах всегда персонифицирована. Вследствие этого проблема персональной смены лидера («патрона») приобретает особое значение»²⁰³. Неопатримониальные режимы, с одной стороны, заключены в рамки легальных норм, должны подтверждать свою легитимность с помощью выборных процедур, с другой стороны – проигрыш подразумевает не просто переход в оппозицию, но потерю рентных позиций и в целом распад клиентелы. Выходом для неопатримониальных режимов становится **институт преемника**. Действительно, исследователи отмечают его силу в тех государствах, которые описываются как неопатримониальные (странах Черной Африки²⁰⁴, Юго-Восточной и Восточной Азии²⁰⁵, на постсоветском пространстве²⁰⁶). Неопатримониальная природа преемнической модели передачи власти уже продемонстрирована П. В. Пановым. Патримониальные и неопатримониальные режимы схожи в том, что власть в них осуществляется посредством клиентел и связана с персонифицированным обменом благами. Поэтому в обоих случаях потеря власти подразумевает потерю рентоизвлекаемых позиций. Однако для патримониальных режимов проблема

---

²⁰³ Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника С.25.

²⁰⁴ Гуляева А. Г., Панов П. В. Преемничество как практика воспроизводства власти в «Черной Африке» // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2012. - № 3. – С. 103-116

²⁰⁵ Гилёв А. В. Вдовы, скупость и богатое наследство: проблемы политического преемничества в странах Азии // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2014. – №. 4. С. 100 – 117

²⁰⁶ Панов П.В., Подвинцев О.В. Преемничество как модель воспроизводства власти на постсоветском пространстве // Властные структуры и группы доминирования. Материалы X Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб.: Итерсоцис, 2012. – С. 263-285.

передачи власти решается «сама собой». Даже если правитель по каким-либо причинам не может передать власть по наследству, в традиционном господстве его право на выбор преемника не оспаривается. «В рационализированном неопатримониальном режиме все намного сложнее»²⁰⁷. Передача власти с одной стороны должна быть легитимирована через выборные процедуры, с другой стороны, их непредсказуемость должна быть сведена к минимуму, власть должна быть передана «своему человеку», который сможет защитить рентно-дистрибутивные интересы группы. Таковым и становится преемник. Примеры Башара Асада, Кристины Киришнер, Ильхама Алиева демонстрируют возможность передачи власти даже своим родственникам, но легитимация власти в этих режимах все равно производится на основе легальных норм.

Говоря о соотношении неопатримониального «преемничества» и легально-рациональной «выборности», П.В. Панов отмечает, что, разумеется, политический лидер и в рамках легально-рациональных (в том числе демократических) систем небезразличен к тому, кто придет ему на смену. Ему безусловно важно, чтобы его последователь разделял действующую политическую программу и продолжал действующий политический курс. ««Последователь» («продолжатель»), однако, совсем не то же самое, что «преемник», а «преемственность политики» — далеко не тождественно «преемничеству». Преемник, разумеется, также призван продолжить политический курс своего предшественника, однако главное в его деятельности как преемника все же не политический курс, а гарантия сложившейся дистрибуции ресурсов»²⁰⁸.

Итак, концепт клиентелизма оказывается для описания неопатримониального типа господства не просто продуктивным, но по сути основополагающим. Поскольку феномен неопатримониализма подразумевает проникновение в рационально-легальную среду традиционного типа доминирования, важно «схватить» его суть. Она, в свою очередь, очевидным образом опирается на различные формы личной зависимости в управлении и на соответствующий

---

²⁰⁷ Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника С.28

²⁰⁸ Там же. С. 30

вертикальный обмен благами и услугами. Именно эти механизмы составляют суть феномена патрон-клиентских отношений. Клиентелизм в силу разных причин оказывается способен пережить сокращение пространства для традиционного доминирования в политике и управлении и адаптироваться к новой и, казалось бы, неудовлетворительной для себя рационально-легальной среде. Одним из направлений трансформации патрон-клиентских отношений является их коллективизация. Изучение новых форм клиентелизма, таким образом, полностью созвучно задачам концепции неопатримониализма, которая в качестве основной задачи ставит изучение традиционных практик в новой институциональной среде.

Непотизм

Тесно связан с понятием клиентарно-патронажных отношений феномен непотизма. Хотя сам термин происходит от латинского *nepos* (племянник), в политических исследованиях он уже давно трактуется шире, чем предоставление преференций в рамках политической или административной систем родственникам. В государственном управлении непотизм в общем виде трактуется как *«использование должностных ресурсов для систематического предоставления привилегий на основании родства, свойства и иных социальных связей, внешних по отношению к служебным отношениям, а зачастую — предшествующих им»*²⁰⁹. Таким образом, понятие непотизма связано с привлечением к привилегированному взаимодействию не только родственников, но и одноклассников, однокашников, сослуживцев, бывших коллег, земляков и даже соседей и спарринг-партнеров.

При этом непотизм и клиентелизм, действительно, связаны очень тесно. Хотя мы и принимаем классификацию, в которой эти две категории отличаются по параметру структурирующего мотива, в реальности они могут уживаться в одном феномене. Часто клиентарно-патронажные сети строятся именно по принципу давнего знакомства или родства. Яркое подтверждение тому в отношении российской элиты дается одним из респондентов исследования А. Леденевой:

---

²⁰⁹ Старцев Я.Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении. С. 40

«ключевой вопрос в отношении сетей – это то, насколько они закрыты и как люди рекрутируются в них. Для Путина, например, входной барьер очень крутой – он доверяет только тем людям, которых знает на протяжении долгого времени»²¹⁰. Расхожим является выражение «чувство локтя», которое В. Путин употребил, отвечая на вопросы о принципах формирования команды в начале своего первого президентского срока²¹¹. Речь здесь идет не просто о фрагментарном предоставлении каких-либо привилегий друзьям, родственникам или сослуживцам, но о более целенаправленном, даже институционализированном процессе – формировании кадрового состава органов власти с опорой на непотистские связи. А. Леденева в своей книге «Can Russia modernise? Sistema, power networks and informal governance», на наш взгляд, дает достаточно яркую картину переплетения клиентарно-патронажных сетей с непотизмом, вводя термин «система Путина» (Putin's sistema), в основе которой – нахождение «своих людей» на ключевых должностях в российском правительстве.

Феномен непотизма, как и других лично-ориентированных взаимодействий, для академической среды является если не маргинальным, то как минимум периферийным. Среди работ, в которых производятся попытки каким-то образом концептуализировать, систематизировать клиентарные и непотистские практики (в отношении российского государственного управления) можно выделить проекты Центра изучения элит Института социологии РАН и в частности работы Ольги Крыштановской²¹², а также уже упоминавшиеся работы Алены Леденевой.

Учитывая малый объем академических исследований, посвященных этой тематике, невозможно обойти стороной типологию властных сетей (power networks) А. Леденевой. Как мы уже отметили, речь здесь идет именно о непотизме, поскольку властные системы, исследуемые А. Леденевой, строятся по принципу

²¹⁰ Ledeneva A. V. Can Russia modernise? Sistema, power networks and informal governance. – Cambridge University Press, 2013. P. 53

²¹¹ Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным // М., Вагриус. – 2000. – С. 111.

²¹² См., например: Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – Захаров, 2005; Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – №. 4. – С. 158-180.

родственных, служебных, дружеских связей. Ею выделяется четыре типа сетей, полученных на пересечении двух параметров: силы связей и преимущественного контекста, в котором они функционируют (см. табл. 7).

Таблица 7. Идеальные типы властных сетей по А.В. Леденевой²¹³

	Частная сфера	Публичная сфера
Сильные связи	<p>«Узкий круг» (<i>Inner circle</i>)</p> <p>Совместная жизнь: семья и наиболее доверительные, частные контакты</p>	<p>«Ключевые контакты» (<i>Core contacts</i>)</p> <p>Совместная карьера: патроны и клиенты, публичные связи</p>
Слабые связи	<p>«Полезные друзья» (<i>Useful friends</i>)</p> <p>Совместный досуг: спорт, дача</p>	<p>«Опосредованные, периферийные контакты» (<i>mediated, or periphery contacts</i>)</p> <p>Совместная аффилиация: однокашники, одноклассники, коллеги</p>

Работа А. Леденевой интересна тем, что она выделяет не только личный состав сетей и группирует его по источникам, но ставит задачу определить функцию каждой части широкой непотистской сети.

Так, например, функция **«узкого круга»** – поддержка лидера, а также планирование, развитие сети, фильтрация кандидатов.

«Полезные друзья» извлекают выгоду из предпочтений в бизнесе и тем самым генерируют ресурсы для сети и увеличивают ее финансовую базу.

«Ключевые контакты» - наиболее распространенная группа. Личные знакомства позволяют занимать высокие должности во властной иерархии. Эта группа выполняет роль защитника интересов для властной сети.

²¹³ Ledeneva A. V. Can Russia modernise? Sistema, power networks and informal governance. P. 55

«Опосредованные контакты» служат своего рода резервом для непотистской сети, для «переключения ее работы в другой режим и возможной смены каналов рекрутирования»²¹⁴.

Типология А. Леденевой, являясь пионерной и безусловно перспективной в целях концептуализации явления непотизма, все же демонстрирует ряд затруднений. Во-первых, это сложность анализа измерений. Сила и слабость связей – явление для внешнего наблюдателя недоступное. Здесь приходится полагаться только на интервью, причем респондентами должны являться действительно высокопоставленные чиновники или представители бизнес-элиты. Более того, сила и слабость личных связей – явление меняющееся, зачастую быстро. Второе измерение также трудно эксплицируется. Зачастую контакты с одноклассниками или бывшими коллегами становятся более сильными, чем контакты с родственниками и в целом с теми, кто включен в группу «близкого круга». Становится непонятно, какую функцию такие люди могут выполнять: функцию буфера, которая зарезервирована за группой «опосредованные контакты», или функции безусловной поддержки лидера и фильтрации его сети, характерные для «близкого круга». Более того, конкретные случаи могут попадать в несколько предложенных групп. Например, в модели А. Леденевой Геннадий Тимченко попадает и в группу «узкого круга», и в группу «полезных друзей». Более общим образом это можно назвать типичной проблемой многокритериальности. Исследователь выделяет указанные группы с одной стороны по тому, какие функции они выполняют, с другой стороны – по тому, каким образом связана биография их членов с Президентом. Но как быть с теми, кто по одному принципу попадает в одну категорию, а по второму – в другую.

На наш взгляд, для анализа непотизма было бы крайне перспективно обратиться к некоторым журналистским расследованиям. В силу очевидных сомнений в соблюдении принципов научности (в особенности, критериев объективности и ценностной нейтральности) они часто игнорируются

---

²¹⁴ Op. cit. P. 82

академической средой. Но есть примеры, которые заслуживают внимания и с точки зрения достигнутых результатов, и с точки зрения метода.

Таковым является, на наш взгляд, исследование ««Социальная сеть» федеральных чиновников», проведенное журналом «Русский репортер» в 2011 году²¹⁵. Объектом исследования выступал высший уровень исполнительной власти России — члены Правительства, руководство Администрации Президента, руководители спецслужб и контрольных органов, а также руководители госкорпораций и государственных компаний-монополистов. Задачей исследования было установление личных связей внутри политической элиты страны.

Метод исследования заключался в том, что «карьерный путь каждого из чиновников описывался в созданной для этого базе данных. Далее компьютерная программа по всей базе осуществляла поиск случаев пересечения мест работы или учебы тех или иных людей. Если такие находились, то между ними регистрировалась связь, которая оказывалась тем сильнее, чем дольше пересекались жизненные пути двух индивидов до попадания в правительство»²¹⁶. Такой анализ позволил авторам прийти к ряду значительных и количественно обоснованных выводов.

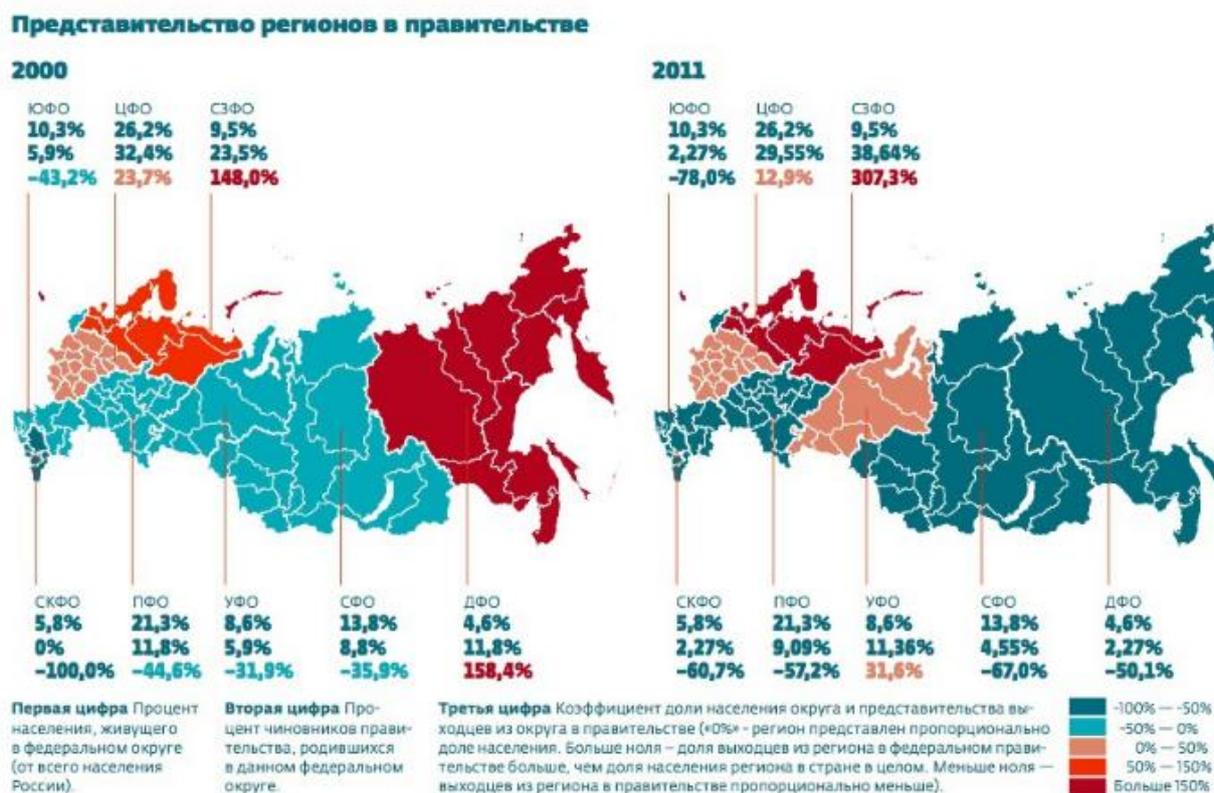
Во-первых, корреляционный анализ сетей позволил узнать долю высших чиновников-выходцев из разных регионов (см. рис. 1)

---

²¹⁵ Дятликович В., Чапковский Ф. Кто есть кто и почему в российской элите. Доступ: http://www.rusrep.ru/article/2011/09/07/who_is_who (проверено 10.04.2017)

²¹⁶ Там же

Рисунок 1. Представительство регионов в правительстве России
(исследование журнала «Русский репортер») ²¹⁷

То, что в высшем слое исполнительной ветви власти России доминируют представители Северо-Западного федерального округа и конкретно Санкт-Петербурга, уже давно не является открытием. Тема «питерского клана» давно и прочно вошла и в народный фольклор, и в бытовое понимание политики. Однако подвергнуть этот факт эмпирической верификации принципиально для научного осмысления российских элит, и в данном исследовании это сделано более чем обстоятельно и объективно. Более того, исследование демонстрирует и весьма неожиданные результаты – например, высокая доля чиновников в Правительстве 2000 года с Дальнего Востока (коэффициент доли населения округа и представительства в элите – 158,4%). Авторы объясняют этот феномен тем, что «тогда в федеральном центре было много выходцев из семей военных, которых в свое время направили служить на Дальний Восток и у которых там родились дети.

²¹⁷ Там же

Так, в федеральной элите оказался родившийся на Дальнем Востоке Борис Грызлов»²¹⁸.

Во-вторых, корреляционный анализ позволяет регистрировать не только такие типичные для nepoтизма связи как служебные, университетские, но и достаточно необычные – например, школьные. Так, редким примером реализовавшихся на уровне федерального правительства школьных связей является дружба Николая Патрушева и Бориса Грызлова, которые ходили в один класс школы № 211 г. Санкт-Петербург.

В-третьих, регистрация личных связей позволяет увидеть реальный аппаратный вес политиков и сравнить его с занимаемой должностью. Так, например, центральной фигурой с точки зрения личных связей в российской политической элите в 2000-м году был Президент В. Путин. Сетевая диаграмма 2011 года показывает еще большее количество связей В. Путина, хотя Президентом являлся Д. Медведев.

В общем и целом, обобщая результаты исследований А. Леденевой и группы журналистов «Русского репортера» можно сказать, что федеральные органы исполнительной власти в России имеют четыре основных источника рекрутирования:

1) **Санкт-Петербургский государственный университет**. В Белом доме СПбГУ окончил каждый четвертый. А «вообще питерские ВУЗы окончила половина членов кабинета. Главный поставщик – юрфак СПбГУ. Две основные волны — однокурсники президента (1975 года выпуска) и премьера (1987 года выпуска)»²¹⁹;

2) **КГБ**. Список наиболее известных сослуживцев В. Путина – Сергей Иванов (экс-руководитель Администрации Президента, сейчас спецпредставитель Президента России по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта), Николай Патрушев (секретарь Совбеза России), Рашид Нургалиев (экс-министр внутренних дел, ныне замглавы Совбеза), Константин

---

²¹⁸ Там же

²¹⁹ Там же

Ромодановский (экс-руководитель Федеральной миграционной службы), Виктор Черкесов (экс-директор Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков), Виктор Иванов (экс-директор Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков), Владимир Муров (экс-директор Федеральной службы охраны России), Георгий Полтавченко (Губернатор Санкт-Петербурга);

3) **Мэрия Санкт-Петербурга.** Здесь В. Путин работал с Игорем Сечиным (глава «Роснефти»), Алексеем Миллером (председатель правления ОАО «Газпром»), Дмитрием Медведевым (Председатель Правительства России), Виктором Зубковым (экс-Председатель Правительства, сейчас - спецпредставитель Президента России по взаимодействию с форумом стран — экспортёров газа), Владимиром Чуровым (экс-глава ЦИК, сейчас – посол по особым поручениям МИД России), Дмитрием Козаком (вице-премьер), Германом Грефом (Президент Сбербанка России), Алексеем Кудриным (экс-министр финансов).

4) **Кооператив «Озеро».** Потребительский кооператив «Озеро» на берегу Комсомольского озера в Приозерском районе Ленинградской области был учрежден в ноябре 1996 года восемью гражданами: Владимиром Путиным, Юрием Ковальчуком (председатель совета директоров банка «Россия»), Николаем Шамаловым (совладелец банка «Россия»), Виктором Мячиным, Владимиром Смирновым (экс-глава Росатома), Владимиром Якуниным (экс-глава РЖД), а также братьями Андреем (экс-министр образования, ныне – советник по образованию Администрации Президента) и Сергеем (экс-глава Российского футбольного союза, ныне состоит в Президентском совете по развитию физической культуры и спорта, является членом Совета директоров ПАО «Газпром нефть») Фурсенко.

Таким образом, nepoтизм как явление внутренне присуще российской политико-административной системе. Причем не только на высшем политическом

уровне. Такие же практики воспроизводятся и на уровне региональных элит²²⁰, и в государственной службе нижних этажей²²¹.

При этом феномен непотизма также органично вписывается в исследовательскую повестку неопатримониализма по двум причинам.

Во-первых, непотизм (как и клиентелизм) внутренне присущ традиционному патримониализму. Логика соответствия в данном случае абсолютно аналогична той, которая была описана выше в случае клиентелизма. Патримониальный штаб управления по Веберу рекрутируется из членов рода, свободных фаворитов и иных лиц, которые связаны с господином отношениями пиетета. Веберовское понятие пиетета (*Pietät*) подразумевает почтительную сыновью любовь к родителям, родственникам и вообще к благодетелям, и в этом смысле выступает обоснованием домашнего авторитета. Установление подобной связи есть обязательное условие для экспатримониально рекрутируемых членов штаба. Совершенно ясно, что в современных условиях воспроизведение принципов и каналов рекрутирования традиционного штаба управления невозможно в чистом виде. Однако в том и заключается базовая черта неопатримониальных систем, отмеченная Ш. Эйзенштадтом: этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи отнюдь не исчезают, а встраиваются в логику функционирования государственного аппарата, встраиваются в «с виду современные» политические и экономические отношения. Опыт исследований непотизма, обобщенный выше в отношении России, позволяет увидеть реальность и масштаб такого встраивания региональных, семейно-родственных, дружеских связей в институциональную среду, внешне соответствующую рационально-легальному типу доминирования.

Во-вторых, именно с помощью понятия непотизма, на наш взгляд, можно осмыслить воспроизведение в неопатримониальных системах таких важных для традиционного доминирования понятий как «апроприация экономических возможностей» и «фаворитистская экономика». Здесь мы вновь обратимся к М.

---

²²⁰ Там же

²²¹ Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе Государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников.

Веберу и Ш. Эйзенштадту. М. Вебер, описывая наиболее распространенную форму патримониализма – сословное господство – как базовую его характеристику определил апроприацию штабом управления не только определенных полномочий господина, но и соответствующих экономических возможностей²²². Этот же принцип является базовым и для неопатримониальных систем (в этом и состоит преемственность концепций). Так, Ш. Эйзенштадт как принципиальную черту неопатримониализма назвал то, что «государство управляется как частное владение (патримониум) носителей государственной власти. При этом происходит приватизация общественных функций и институтов, которые становятся источником частных доходов для этих носителей»²²³. И речь в современных условиях идет не просто о коррупции, которая хоть и может рассматриваться как проявление этого принципа, но все же в законодательстве всех государств мира явно рассматривается как криминальное явление. Апроприация экономических возможностей в неопатримониализме может приобретать более тонкие (и не противоречащие законодательству) формы. Именно непотизм является наиболее устойчивым механизмом неопатримониальной апроприации экономических возможностей.

В рамках рационально-легального доминирования устанавливается запрет на совмещение государственной службы и предпринимательской деятельности. Запрещено также участие близких родственников в процедурах государственных закупок в качестве заказчика и исполнителя. Вводится понятие конфликта интересов. То есть имеет место законодательный запрет на попытки превратить властный ресурс в собственность. Но наряду с существованием правовых ограничений есть практики, которые определяют реальный синкретизм власти и собственности там, где подобных ограничений нет. В российских условиях речь идет о широко распространенной практике трудоустройства сыновей, дочерей и других близких родственников высокопоставленных чиновников на высокие должности в государственные корпорации, банки с государственным участием и

---

²²² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. 2016. Т. I. С. 270

²²³ Цит. по: Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. С. 11

иные бизнес-структуры. Примеров здесь более чем достаточно. Сын бывшего главы ФСБ Андрей Патрушев в 2006 году стал советником председателя совета директоров "Роснефти" Игоря Сечина²²⁴. Его старший брат Дмитрий был назначен вице-президентом ВТБ. Позже он стал председателем правления "Россельхозбанка". Сын занимавшего тогда пост заместителя председателя правительства Сергея Иванова был назначен заместителем председателя правления "Газпромбанка". На тот момент Сергею Иванову-младшему было 24 года. Позже он возглавил правление страховой компании "Согаз", созданной в 1993 году как дочерняя компания "Газпрома". Другой сын С. Иванова – Александр – был руководителем управления "Внешэкономбанка". В том же банке, но на позиции зампреда правления, работал сын бывшего премьера Петр Фрадков. В 22 года он пришел в ВЭБ на должность эксперта первой категории, позже стал заместителем представителя ВЭБа в США²²⁵.

Это вписывается в логику вертикальной политической интеграции, описываемой В. Волковым²²⁶. Он отмечает персонифицированный вариант российского государственного капитализма, при котором полномочия по управлению активами крупнейших компаний с преимущественной долей государства делегируются действующим чиновникам. Еще более значимой практикой с точки зрения срастания власти и собственности стала политика создания государственных корпораций в форме некоммерческих организаций. В 2006 году было создано шесть государственных корпораций: Росатом, Роснано, Ростехнологии, Банк развития, Олимпстрой, Фонд содействия реформированию ЖКХ. Им были переданы активы на сумму около 80 миллиардов долларов и бюджетные средства на сумму более 35 миллиардов долларов. При этом «согласно

²²⁴ Дробинина Е. Российские госкомпании: как занять высокий пост в 25 лет. – Русская служба BBC. 21.02.2012. Доступ: http://www.bbc.com/russian/business/2012/02/120220_officials_children_top_managers.shtml (проверено 29.04.2017)

²²⁵ Указанные и другие примеры см.: Дробинина Е. Российские госкомпании: как занять высокий пост в 25 лет. – Русская служба BBC. 21.02.2012. Доступ: http://www.bbc.com/russian/business/2012/02/120220_officials_children_top_managers.shtml (проверено 29.04.2017); Лиманов А. Все лучшее – детям. – The new times. № 21 (206) от 18.06.2011. Доступ: <https://newtimes.ru/stati/others/a5a575e9ae2376c2d343aa7057ab45ec-vse-lychshee-%E2%80%94detyam.html> (проверено 29.04.2017)

²²⁶ Волков В.В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции.

закону об НКО и соответствующим отдельным законам, переданное имущество становилось собственностью госкорпораций и распоряжение им далее не регулировалось Бюджетным кодексом. Госкорпорации были выведены из-под юрисдикции Правительства России и его контролирующих органов, а управление ими было поручено наблюдательным советам и директорам, назначенным указами Президента»²²⁷. Так, председательствовали в наблюдательных советах: вице-премьер Д. Козак (Олимпстрой, ЖКХ), министр обороны А. Сердюков (Ростехнологии), министр образования и науки А. Фурсенко (Роснано), вице-премьер С. Собянин (Росатом). Таким образом, группа чиновников приобрела частично формализованные права собственности, включая пользование активами и получение соответствующих выгод.

Назначение на высокие должности в правления крупных компаний с государственным участием родственников членов правительства есть продолжение этой политики. Ее можно описать как своеобразную форму контроля за ключевыми секторами экономики, но факт остается фактом – в этой практике явным образом проявляется логика превращения власти в собственность, внутренне присущая неопатримониальным системам.

Как минимум по двум упомянутым причинам феномен непотизма должен являться одним из центральных в исследовании реконструкции патримониальных практик в современной институциональной оболочке.

Чтобы понять принципы функционирования непотизма в неопатримониальных системах, было бы перспективно, на наш взгляд, соотнести источники пополнения элиты и выполняемые ими функции. То есть можно вновь обратиться к схеме А. Леденевой, но не объединять эти два параметра в один идеальный тип, а наоборот – развести и посмотреть, какие группы какие функции выполняют в разных неопатримониальных режимах.

Сформируем две шкалы. Первая – биографическая. На ней можно расположить несколько групп источников пополнения элиты и воспользоваться

---

²²⁷ Там же. С. 25

результатами исследований, аналогичных представленной работе журнала «Русский репортер». Вторая – функциональная. На ней можно расположить разные функциональные группы, которые существуют в рамках сети (см. рисунок 2).

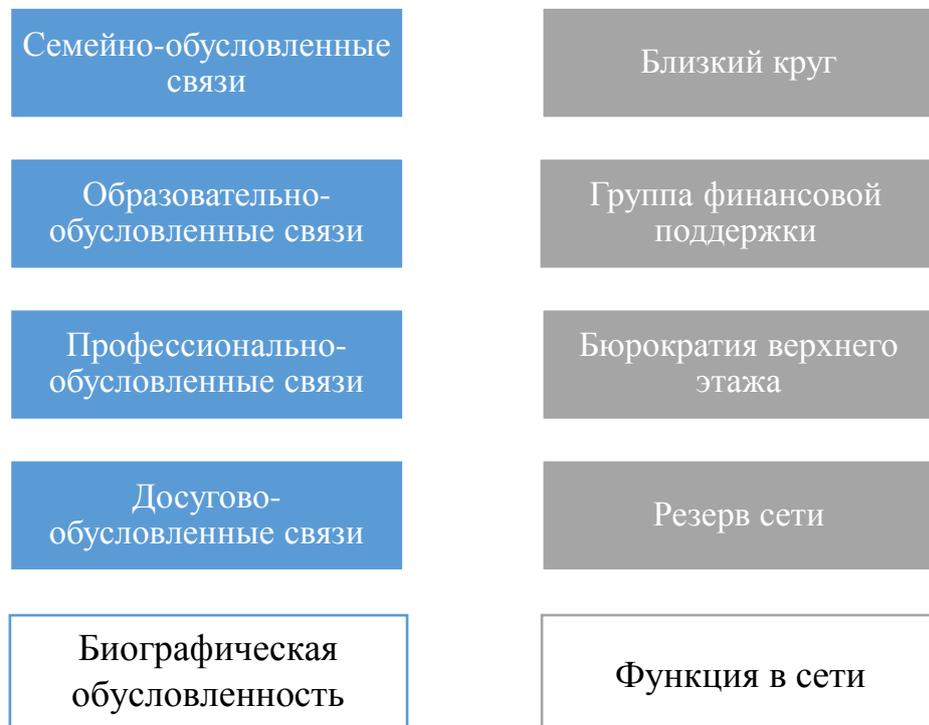
В первой шкале выделим 4 группы:

- 1) Семейно-обусловленные связи (родственники);
- 2) Образовательно-обусловленные связи (одноклассники, однокашники);
- 3) Профессионально-обусловленные связи (коллеги, сотрудники, пути с которыми пересекались на разных этапах профессиональной биографии);
- 4) Досугово-обусловленные связи (партнеры по отдыху, спорту).

Во второй шкале также выделим 4 группы:

- 1) Близкий круг (ближайшие советники, лица, принимающие решения о включении в сеть на ключевые позиции различных кандидатов);
- 2) Группа финансовой поддержки (финансовая и бизнес-элита, которая, с одной стороны, генерирует прибыль из своего нахождения в сети, с другой стороны – поддерживает эту сеть финансово-экономическими ресурсами);
- 3) Бюрократия верхнего этажа (самая многочисленная группа – лица, которые занимают значимые позиции в государственном аппарате, политических партиях, общественных организациях и которые имеют возможность на своем уровне формировать собственные непотистские сети);
- 4) Резерв сети (лица, занимающие менее значимые позиции и не имеющие возможности участвовать в принятии наиболее значимых решений, но потенциально способные заменить представителей третьей группы в случае их роста, ротации или утраты доверия).

Рисунок 2. Структурирование nepотистских сетей в неопатримониальных режимах

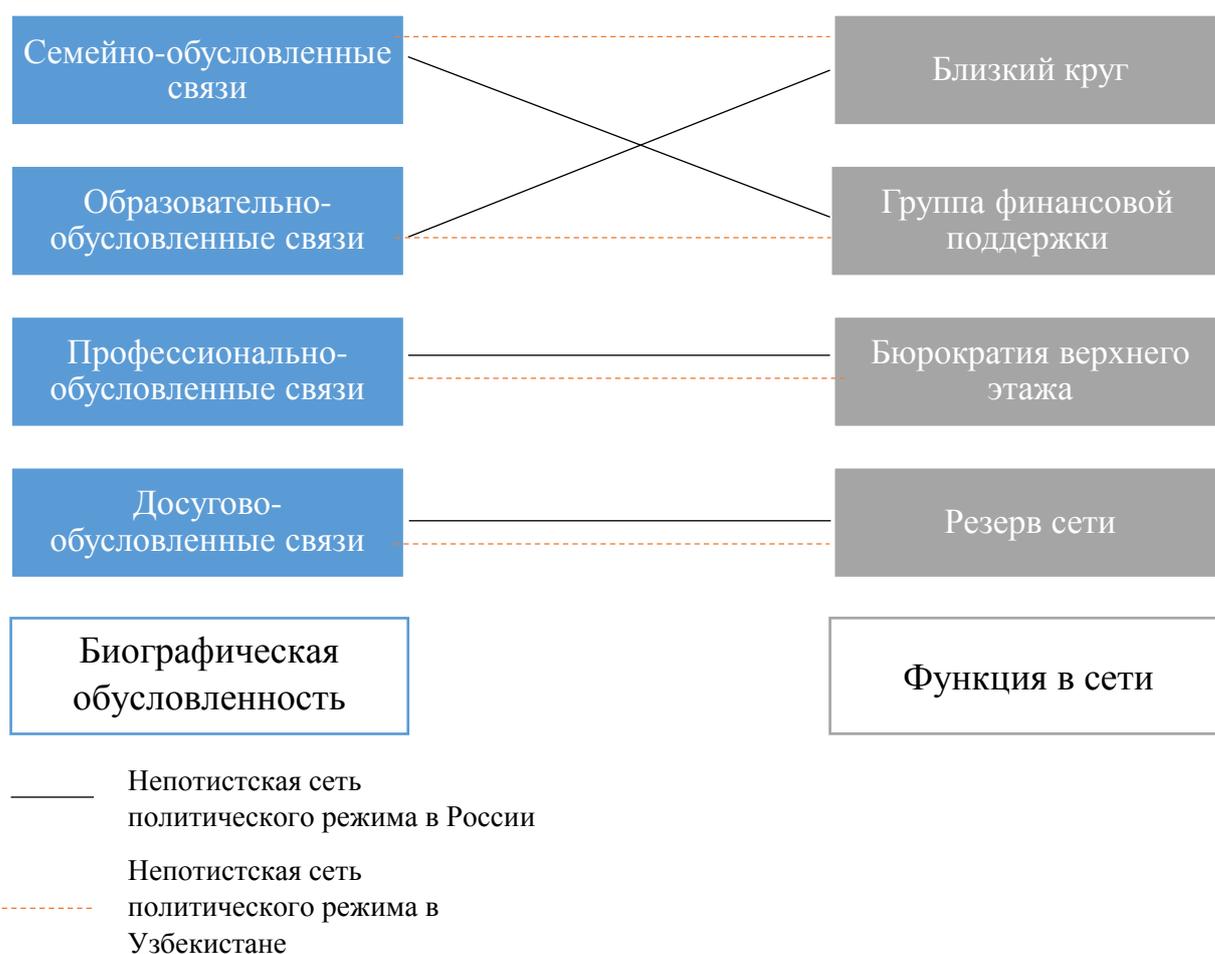

Аналитически перспективным является установление соответствия между двумя этими шкалами. Является ли общим для неопатримониальных режимов, например, то, что в ближний круг входят преимущественно родственники, а группу финансовой поддержки сети составляют бывшие одноклассники и однокашники? При первом эмпирическом приближении становится ясно, что разные режимы по-разному формируют функциональные группы. Например, для России нехарактерно нахождение в ближнем кругу Президента его родственников. Для неопатримониальных режимов Средней Азии – наоборот отмечается самое значительное влияние на политику в стране сыновей, дочерей, жен президентов, которые и выполняют функцию узкого круга, то есть советников, которые фильтруют сеть. До определенного периода времени большое влияние в сети Президента Узбекистана исследователи приписывали его дочери Гульнаре

Каримовой, в Казахстане – зятю Нурсултана Назарбаева Рахату Алиеву²²⁸. При этом здесь явно имеет место динамика, то есть близкий круг может освобождаться от родственников и наполняться бывшими коллегами, родственники же могут быть переориентированы на функцию финансовой поддержки.

Таким образом, установление соответствий может быть полезным: во-первых, для оценки внутренней динамики nepoтизма в рамках одного политического режима; во-вторых, в сравнительном анализе неопатримониальных государств. Мы установили, что российский и, например, узбекский случаи по-разному устанавливают связь между биографической обусловленностью и функцией в сети (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Структурирование nepoтистских сетей в неопатримониальных режимах (сравнительный аспект)

²²⁸ Шкель С. Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2016. – №. 4 (83). С. 94-107

Отметим, что для комплексного анализа этой проблемы необходим большой массив эмпирических данных (часто трудно доступных). Поэтому в рамках настоящей работы мы не ставим задачу установить закономерности такого соответствия для неопатримониальных режимов. Подобная схема – лишь набросок для весьма интересного исследования, которое может также многое привнести в сравнительные исследования неопатримониальных режимов. Оно даст возможность понять, есть ли общие закономерности для таких режимов в формах конструирования непотистских сетей. И если эмпирика демонстрирует расхождения (как предположительно в случае России и Узбекистана), то будет интересно наложить этот материал на схему классификации неопатримониальных режимов: какие связи демонстрируются, например, в регулируемых формах неопатримониализма, а какие – в хищнических.

Неявные полномочия

Мы уже приводили примеры государств, которые исследователями рассматриваются как неопатримониальные. Будь это режимы африканских государств или государств Латинской Америки, стран СНГ – всех их отличает сильная президентская власть. Если только вывести за скобки категорию олигархического неопатримониализма, то можно сказать, что значительная концентрация власти в руках президента – родовая черта неопатримониальных режимов. Силу президентской власти можно измерить, изучая нормы конституции, поскольку уже в самом конституционном тексте явным образом видна доминирующая роль президента над всеми ветвями власти. Однако в этой главе мы ограничились концептами, которые развиваются в неоинституциональной теории, а анализ конституции и баланса полномочий в целом успешно осваивается в юриспруденции или в рамках классического институционализма. Принципиально новым явлением в исследовательской повестке является **феномен неявных полномочий**.

Наподобие установления шкал степени дискурсивности институтов²²⁹ можно выделить три категории полномочий, имеющих разную степень официальности и формализованности, но при этом существенно видоизменяющих отношения ветвей власти:

- 1) Полномочия, закрепленные в Конституции и конституционных законах;
- 2) Полномочия, не закрепленные в Конституции прямо, а складывающиеся в процессе реализации власти;
- 3) Полномочия неписанные, но дискурсивные.

В этом параграфе мы остановимся на втором и третьем типе, поскольку первый – предмет строгого юридического анализа, а второй и третий – это предмет именно неинституциональных исследований с присущей ему завуалированностью, синкретизмом традиционного и легально-рационального, поэтому и значимый для развития концепции неопатримониализма.

Неявные полномочия президентской власти входят во второй из названных типов. Оценивая только первый тип, то есть при простом анализе норм конституции от исследователя ускользнет суть институционализации президентской власти, и вывод о реальной силе ветвей власти (и месте президента в системе сдержек и противовесов) будет принципиально неполным. Ведь изменения в конституции вносятся не так часто, но звучащий тезис о том, что в неопатримониальных системах происходит перманентное усиление президентской власти, формулирует запрос на поиск источников этого усиления. Говоря о режимах Жана-Беделя Бокассы в ЦАР, Иди Амина в Уганде или Феликса Уфуэ-Буаньи в Кот-д'Ивуаре, исследователи в основном этот источник видят в клановости, семейственности, межплеменном торге и иных неформальных связях. Однако не менее важное направление укрепления президентской власти заключается в усилении формальных полномочий. Изменение конституции – шаг сложный и с процедурной, и с репутационной точки зрения (особенно если говорить об имидже на международной арене), поэтому наиболее приемлемым

---

²²⁹ Startsev Y. 'Informal' institutions and practices: Objects to explore and methods to use for comparative research. *Perspectives on European Politics and Society*, 2005, vol. 6, № 2, p. 336-337.

направлением усиления президентской власти становятся неявные (скрытые) полномочия.

Что понимается под феноменом неявных полномочий? Это такие *полномочия*, «которые в Конституции упомянуты лишь вскользь, либо не упомянуты вовсе. Масштаб этих полномочий не может быть выведен непосредственно из анализа текста Конституции – только из практики ее использования; некоторые из них имеют очень противоречивое правовое оформление».²³⁰ В отношении российского президентства выделяются такие институты, создающиеся за счет неявных полномочий, как²³¹:

- Послания Президента к Федеральному Собранию;
- Поручения Президента;
- Силовая подсистема президентской власти;
- Администрация Президента и другие президентские структуры;
- Система президентских назначений;
- Совещательные органы при Президенте;
- Полномочные представители Президента.

В рамках настоящего исследования мы не будем подробно анализировать каждый из указанных институтов (подобная работа уже сделана исследователями²³²). Здесь мы в целях иллюстрации логики институционализации неявных полномочий, их целей в политико-административной системе остановимся на двух институтах: посланиях Президента Федеральному Собранию и президентских поручениях.

Полномочия Президента по **обращению к Федеральному Собранию** о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики предусмотрены ст. 84 Конституции. Однако если первоначально послания выполняли функцию отчета о проделанной работе и публичного определения

---

²³⁰ Старцев Я.Ю. Институционализация неявных полномочий Президента РФ и их роль в функционировании президентской власти. Доступ: https://www.academia.edu/4933655/Институционализация_неявных_полномочий_Президента_РФ (проверено 13.04.2017). С.2

²³¹ Там же

²³² Там же

приоритетов государственной политики, то постепенно они становятся одним из видов стратегических указаний, обязательных для органов власти всех уровней. Помимо перечня поручений по реализации Послания, который составляется Администрацией Президента, сами органы власти составляют планы реализации Послания. Государственная Дума разрабатывает план реализации Послания Президента²³³. Аналогичный план в части своих полномочий разрабатывают органы власти субъектов Федерации с привлечением органов местного самоуправления²³⁴. В соответствии с Положением о Контрольном управлении Президента Российской Федерации, в задачи этого подразделения президентской администрации входит контроль за реализацией ежегодных Посланий²³⁵. Соответственно выполнение поручений для органов власти становится предметом проверки со стороны Администрации Президента. Таким образом, положения ежегодных посланий, становящиеся все более насыщенными конкретными поручениями, постепенно приобретают императивный характер, и рассматриваются органами власти как один из видов президентских актов обязательных к исполнению. Послания Президента, не являющиеся видом нормативного акта, приобретают явную нормативную силу через указы Президента, акты федеральных и региональных органов исполнительной власти.

Еще один вид полномочий, существенно расширяющих возможности президентской власти – это **поручения Президента**.

Согласно ст. 90 Конституции, Президент осуществляет нормотворческую деятельность посредством указов и распоряжений, которые не должны противоречить Конституции России и федеральным законам. Иных форм не предусмотрено. Однако фактически многие решения Президента оформляются в

---

²³³ Утвержден план реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 года / [Электронный ресурс] Официальный сайт Государственной Думы РФ / Доступ: <http://www.duma.gov.ru/news/273/1817772/> (проверено 13.04.2017)

²³⁴ Евгений Куйвашев поручил главам муниципалитетов представить предложения в план реализации Послания Президента РФ / [Электронный ресурс] Официальный сайт Правительства Свердловской области / Доступ: <http://www.midural.ru/news/list/document94131/> (проверено 13.04.2017)

²³⁵ Указ Президента РФ от 08.06.2004 N 729 (ред. от 25.07.2014) "Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации"

виде поручений. Роль и масштаб применения этого инструмента власти можно оценить по различным параметрам. Во-первых, по их количеству. Согласно данным бюллетеня «Президентский контроль», ежегодно глава государства дает более 2000 поручений²³⁶. За 2016 год на сайте Президента размещено 555 поручений, не ограниченных статусом секретности²³⁷. Таким образом, количество только находящихся в открытом доступе поручений соизмеримо с количеством указов Президента за год. Во-вторых, по категориям исполнителей. Поручения адресуются Правительству, Председателю Правительства, отдельным министерствам и министрам (подчиненным в соответствии с Указом Президента от 21.05.2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» не только самому Президенту, но и Правительству). Поручения даются государственным компаниям (ОАО «Газпром», Внешэкономбанк, ПАО «Роснефть»), совещательным органам (например, Общественной палате). Поручения даются даже судебным органам (Верховному Суду) и Государственной Думе. Например, в соответствии с поручением № Пр-1138ГС Государственной Думе поручено рассмотреть и принять в период весенней сессии 2016 года проекты федеральных законов, предусматривающие совершенствование институтов градостроительного зонирования, документации по планировке территорий и их комплексному развитию, а также обеспечение доступа инвесторов к необходимой для строительства градостроительной информации. В качестве ответственного за исполнение поручения числится Председатель Государственной Думы – С. Нарышкин. Любопытно, что Президент здесь не пользуется своим правом законодательной инициативы, а прямо поручает Государственной Думе разработать проект федерального закона. Третий параметр, отражающий масштаб управленческих решений, оформленных поручениями Президента, это их содержательный охват. Сложно каким-то образом очертить круг вопросов, по которым формируются поручения. Речь в них может идти о борьбе с

---

²³⁶ Старцев Я.Ю. Институционализация неясных полномочий Президента РФ и их роль в функционировании президентской власти. С. 5.

²³⁷ Поручения Президента / [Электронный ресурс] Официальный сайт Президента РФ / Доступ: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders> (проверено 13.04.2017)

преступностью, демографической политике, организации отдыха детей в детских лагерях, вопросах рыболовства, спорта, государственной службы и т.д. Подчас речь идет о выделении существенных денежных средств (и не только средств бюджета). Например, поручением Пр-1891 (срок исполнения – 1 декабря 2015 года) открытому акционерному обществу «РОСНЕФТЕГАЗ» рекомендовалось инвестировать 60 млрд. рублей в закрытое акционерное общество «Современные технологии судостроения» с целью финансирования строительства Судостроительного комплекса «Звезда».

Поручение оформляется на специальном бланке, в нем обязательно должны быть указаны исполнитель и срок, необходимый для его надлежащего исполнения. В соответствии с Указом Президента РФ от 28.03.2011 N 352 "О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации", исполнение поручений Президента входит в обязанность исполнителя. Неисполнение поручений может привести к отставке чиновников. Контроль их исполнения входит в сферу деятельности подразделения Администрации Президента – Контрольного управления²³⁸. Таким образом, сфера действия поручений охватывает всю систему органов государственной власти и федерального, и регионального уровня. Мы уже отмечали, что имеется практика отдельных поручений и для других ветвей власти. Поручения хоть и не являются нормативными актами, но при этом носят ярко выраженный обязательный характер. Совокупность этих факторов позволяет называть их важнейшим инструментом дискреционной власти Президента²³⁹.

Как мы уже сказали, для неопатримониальных режимов как правило характерна сильная президентская власть. Укрепление таких режимов подразумевает расширение и усиление власти президентуры. В таких характерных случаях, как африканские государства или государства Средней Азии, усиление

---

²³⁸ Указ Президента РФ от 08.06.2004 N 729 (ред. от 25.07.2014) "Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации"

²³⁹ Старцев Я.Ю. Поручения Президента РФ: анализ инструмента дискреционной власти. Доступ: https://www.academia.edu/4866184/Поручения_Президента_РФ_анализ_дискреционного_инструмента_власти (проверено 13.04.2017)

президентской власти происходит за счет конституционного смягчения или отмены ограничений на занятие поста президента. Например, для африканских государств характерно снятие ограничений на количество сроков пребывания у власти. Так, в июле 2015 года действующий президент Бурунди Пьер Нкурунзиза был избран на третий срок (с учетом конституционного ограничения в два срока подряд). В октябре 2015 года в Республике Конго снято конституционное ограничение на количество сроков и предельного возраста президента 70 годами. Нынешнему президенту Дени Сассу-Нгессо 74 года. Впрочем, в данном случае снятие ограничение являлось чисто формальным: Сассу-Нгессо занимает пост президента уже 33 года - с 1979 года, с перерывом в 1992-1997 гг. В 2005 году снято ограничение на количество президентских сроков в Уганде, в 2015 – в Руанде. Схожим образом укрепляется президентура в других государствах, рассматриваемых как неопатримониальные, например, в республиках Средней Азии. В 1999 году парламент Туркменистана предоставил президенту С. Ниязову право пожизненного президентства²⁴⁰. С 2009 года неограниченное количество раз имеет право избираться президент Азербайджана. В конституциях Таджикистана и Казахстана установлено ограничение на избрание президента более двух сроков подряд, но указано, что это положение не распространяется на Основателя мира и национального единства – Лидера нации²⁴¹ (действующий Президент Таджикистана Эмомали Рахмон) и Первого Президента Республики Казахстан²⁴² (Нурсултан Назарбаев) соответственно.

Анализ конституционных ограничений и президентских полномочий, безусловно, отражает силу президентской власти. Однако феномен неявных полномочий демонстрирует отличный пример расширения и усиления президентской власти без внесения изменений в конституционный текст. И если анализ конституционных полномочий и ограничений сроков президентства находят отражение в исследованиях неопатримониальных государств, то тема

---

²⁴⁰ Конституционный закон Туркменистана от 28.12.1999 «Об исключительных полномочиях первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1999. № 4. Ст. 57.

²⁴¹ Конституция Республики Таджикистан. Ст. 65

²⁴² Конституция Республики Казахстан. Ст. 42

скрытых (неявных) полномочий пока своего места в них не получила. При этом она прямо соответствует основным предположениям неопатримониальной концепции, поскольку демонстрирует, каким образом президентская власть может видоизменяться, усиливая свои полномочия, не меняя при этом внешний конституционный дизайн. При этом особо интересно, что речь идет о формальном праве. Тема непотизма, клиентелзма и иных неформальных институтов является стержневой для неопатримониализма. Здесь же объектом анализа выступают формальные юридические нормы. Они, хоть и обладают спорным, пограничным статусом, но являются формальными и при этом по сути ни разу не вызвали каких-либо существенных споров или протестов. Таким образом, они еще более искусно видоизменяют конституционные легальные рамки, которые внешнему наблюдателю могут внушить мысль о «слабом президенте», смешанном типе республики. Эта аккомодационная, замещающая суть неявных президентских полномочий, на наш взгляд, прямо соответствует логике неопатримониальной концепции о существовании институциональных оболочки и ядра режима. И по этой причине феномен неявных полномочий несет в себе существенный потенциал в анализе неопатримониальных систем.

Телефонное право

Близким к феномену неявных полномочий является проблема телефонного права. Согласно нашей типологии полномочий, феномен телефонного права вписывается в третий тип – то есть полномочия неписанные, неофициальные, но дискурсивные (то есть вербализованные, выраженные в языке и обсуждаемые).

В институциональном разрезе для неопатримониальных государств характерно доминирование президента и исполнительной власти. Независимые центры принятия политически значимых решений, в особенности законодательная и судебная ветви власти, с помощью различных институциональных решений находятся под давлением исполнительной вертикали. Поэтому рассмотреть формы такого давления – принципиальный вопрос для неопатримониальных исследований. Как мы уже отмечали, цитируя Н. Розова, с развитием независимой

легислатуры, суда и СМИ основания для патримониального доминирования сужаются.

Свой анализ этого вопроса мы вновь проведем на примере России. Институциональные, формально-юридические способы воздействия исполнительной вертикали на судебную систему мы оставим за рамками настоящего исследования. Отметим лишь, что существуют комплексные и достаточно убедительные исследования этого вопроса. Проблема давления исполнительной власти на судебную выражается в обвинительном уклоне, причины которого подробно анализируются, например, в исследованиях Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге²⁴³. Отметим тезисно механизмы, которые формируют зависимость судей. Это роль председателей судов в карьере и вознаграждении судей, в процедуре их аттестации, формула оценки качества работы судей, которая заострена под число отмененных решений, методика оценки работы прокуроров, при которой практически каждый оправдательный приговор прокуратурой обжалуется. Признавая, что и эта проблематика может быть аналитически полезной для концепции неопатримониализма, вновь отметим, что в этой главе для нас важно учесть концепты, формирующиеся в русле неоинституционализма. Поэтому, держа в уме формально-юридические факторы давления исполнительной власти на судебную, обратим внимание на те неформальные институты, которые функционируют в этой же сфере и обеспечивают для политической системы схожие результаты.

Важнейшим из таких институтов является телефонное право («телефонное правосудие»)²⁴⁴. Телефонное право определяется достаточно широко как *неформальное влияние или давление на судебные власти*²⁴⁵. Его

²⁴³ См., например: Как обеспечить независимость судей в России (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», июль 2012). Авторский коллектив: Волков В.В., Панях Э.Л., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. СПб: ИПП ЕУСПб, 2012; Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», Март 2010) Авторский коллектив: Панях Э.Л. Титаев К.Д. Волков В.В., Примаков Д.Я. СПб: ИПП ЕУ СПб, 2010.

²⁴⁴ Ledeneva A. Telephone justice in Russia //Post-Soviet Affairs. – 2008. – Vol. 24. – №. 4. – P. 324-350.

²⁴⁵ Леденева А., Шушанян Н. Телефонное право в России //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – №. 3. С. 42

распространенность демонстрируется рядом исследований, проведенных в рамках относительно нового направления в социологии – социологии права. Так, например, исследование фонда ИНДЕМ демонстрирует, что «доминирующим настроением судейского корпуса является страх, а эксперты, пресса, другие источники информации свидетельствуют о возвращении «телефонного права»»²⁴⁶. Его скрытый, прямо противоречащий закону характер обуславливает то, что академические исследования этого феномена сконцентрированы в основном не на нем самом (не на формах, масштабах, динамике давления), но, скорее, на его общественном восприятии. Тем не менее, высокий процент респондентов, которые феномен телефонного права считают базовым в работе российской судебной системы (в особенности тех респондентов, которые непосредственно сталкивались с судебной системой²⁴⁷), позволяет говорить о реальности его существования. Более того, проблема давления на судей с помощью телефонного права (сам термин является, скорее, метафорой, потому что каналы давления не исчерпываются телефонным звонком) признается и высшими должностными лицами государства, и консультативными органами (например, Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека) в рамках своих официальных докладов. Так, например, Д. Медведев, вступая в мае 2008 года в должность Президента, заявлял: «Необходимо рассмотреть комплекс вопросов, связанных с подготовкой ряда мер, направленных на искоренение неправосудных решений, решений, которые существуют, которые зачастую возникают в результате различного рода давления, звонков, и что греха таить - за деньги»²⁴⁸.

Говоря о возвращении телефонного права, эксперты отсылают нас к советской системе правосудия, когда фактически все судьи являлись членами КПСС и должны были следовать директивам, заданным партийным аппаратом. «Если телефонное правосудие подвергало судей случайному вмешательству в

---

²⁴⁶ Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. — СПб.: Норма. 2010. – С. 13

²⁴⁷ Леденева А. Телефонное право в России: новые данные // Телефонное право в России. Обзор центра ЕС-Россия. Восемнадцатый выпуск. 24 с.

²⁴⁸ Вступительное слово на совещании по вопросам совершенствования судебной системы / [Электронный ресурс] Официальный сайт Президента РФ / Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/156> (проверено 17.04.2017)

находящихся в производстве делах, первичные партийные организации подвергали судей регулярным инструктажам о партийной линии относительно судебных решений. Такая система поощряла судей ставить партийную лояльность выше законности»²⁴⁹. Эта практика составила часть институционального наследия для современной российской судебной системы. Но если в советский период суды руководствовались позицией партии, то в современной России телефонное право связано с вмешательством в работу судов административной власти. Оно выражается во влиянии на судебные решения, в санкционировании открытия, приостановления, закрытия дел. Помимо прямых административных указаний в качестве инструментов «закрепощения» и повышения управляемости судей может называться наличие компромата, ведь «естественными получателями компрометирующей информации являются те же председатели судов, органы прокуратуры, администрация президента – именно туда стекаются жалобы, разного рода «сигналы». Эта информация проверяется и используется в нужный момент как средство давления на судей»²⁵⁰. Еще одним частным проявлением этой тенденции является практика политических высказываний ключевых фигур судебной системы, которая подтверждает готовность трактовать нормы закона в зависимости от политической целесообразности.

Полезный материал для изучения форм давления на судей представляют интервью самих судей. Хотя действующие судьи в подавляющем большинстве и отказываются от участия в интервью, социологи не обходят стороной бывших судей, чье видение ситуации позволяет прояснить формы и масштабы распространения неформальных практик в судебной системе²⁵¹.

Безусловно, исследование телефонного права наталкивается на объективные препятствия, характерные для анализа любых неформальных практик, и находится только в начале пути. Тем не менее, начальные достижения исследований этого феномена могут быть полезными для анализа внутренних аспектов

---

²⁴⁹ Леденева А., Шушанян Н. Телефонное право в России. С. 42

²⁵⁰ Барсукова С.Ю. Не бойтесь судей, они сами боятся // Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 184

²⁵¹ Примеры интервью см.: Леденева А., Шушанян Н. Телефонное право в России С. 47-48

функционирования неопатримониальных режимов. Подобные формы давления на судебную власть в России несут в себе отсылки не только к советскому судопроизводству, но и к более раннему периоду ее истории. Исследования русского права первой половины XIX века демонстрируют поразительное сходство с существующими сегодня практиками (хоть и с поправкой на то, что тогда они являлись абсолютно правомерными). В этот период губернатор имел большую власть над судами. Губернатор «был вправе приказать обвинителю привлечь кого-либо к ответственности и наблюдал за следствием, определяя, прекратить его или продолжить. Судебные дела в нижних инстанциях он мог приостанавливать, а когда дело рассматривалось в губернской уголовной палате, «ожидая решения» и при несогласии с ним переносил дело в Сенат. В некоторых случаях он мог смягчить приговор или даже помиловать; в его руках был и контроль за исполнением приговора»²⁵². Вообще нерасчлененность суда и администрации в историческом правоведении рассматривается как одна из базовых черт феодального государства и права. Приведенный пример как раз демонстрирует соединение функций суда и управления в рамках традиционной (патримониальной) системы. И воспроизведение подобных практик в современности (пусть и в других масштабах, в других формах и с помощью других инструментов) по этой причине должно заслуживать особого интереса в рамках феномена неопатримониализма.

Подводя итог параграфу, отметим, что наша гипотеза о потенциале концептов, формирующихся в рамках неоинституционализма, для развития концепции неопатримониализма, подтвердилась. Неформальные институты определяют реальную логику функционирования неопатримониальных систем. Для них клиентелизм, nepотизм, иные лично-ориентированные взаимодействия являются определяющими по отношению к рационально-легальным институтам и на политическом, и на административном уровнях. Сила президентской власти, столь значимая для неопатримониальных систем и регулярно отмечаемая исследователями, работающими в этом направлении, канал своего усиления во

---

²⁵² Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. С. 95

многим находит в неявных полномочиях, подчас оставляя при этом неизменными свои конституционные основы. Для традиционных и новых патримониальных систем характерным является давление исполнительной власти на судебную, и своеобразные формы такого давления изучаются в рамках феномена телефонного права.

При этом неопатримониализм способен играть для всех этих неформальных институтов интегрирующую роль. Если исследователь берет основные предположения неопатримониальной теории в качестве концептуальных рамок для своего исследования, эти феномены перестают казаться некими разрозненными, автономными явлениями политической действительности, но становятся частью общей системы, общей логики развития, которая представляет собой синтез современных и традиционных форм политического доминирования.

2.2. Возможности применения неинституциональных концептов в изучении динамических аспектов неопатримониальных режимов

Поскольку в основе концепции неопатримониализма лежит идея реконструкции традиционных институтов в новой рационально-легальной среде, особую значимость имеет вопрос – как такая реконструкция происходит. Если в предыдущем параграфе мы отвечали на вопрос, какие институты воспроизводятся в неопатримониальных режимах, то задача этого параграфа – понять, как. Крайне плодотворными в этом вопросе могут оказаться концепты, сформированные в рамках основных ветвей неинституционализма.

Пожалуй, наиболее очевидной теоретической основой для ответа на вопрос, как и почему воспроизводятся традиционные патримониальные практики в легально-рациональной среде, является концепция **«path dependency»** («наследия

прошлого», «эффекта колеи», «зависимости от пути»). Концепция «path dependency» постулирует, что институциональный выбор, совершенный однажды, будет влиять на институциональное развитие, ограничивая его определенным коридором возможного. Таким образом, она предполагает более тесную связь анализа политических институтов с историей. Проблему значимости интеграции политологического и исторического знания предельно лаконично и аргументированно изложил Чарльз Тилли в статье с характерным названием «Почему и как история имеет значение» («Why and How History Matters»). По его словам, «объяснительная политология едва ли может достичь цели, не опираясь на тщательный исторический анализ»²⁵³.

Появление теории зависимости от пути исследователи связывают с работой Пола Дэвида²⁵⁴. Им был замечен весьма примечательный факт: используемая во всем мире раскладка клавиатуры QWERTY, изначально введенная компанией Remington в 1873 году по банальной причине того, что легче всего позволяла продавцу печатной машинки напечатать словосочетание «type writer» (печатная машинка) и удивить тем самым потенциальных покупателей, не претерпела никаких изменений за целое столетие, хотя была признана далеко не самой эргономичной (наиболее известная альтернатива раскладке QWERTY – «клавиатура Дворака»). П. Дэвид обосновал три причины, по которым неэффективный технологический выбор укореняется и даже с учетом конкуренции в рыночной среде не изменяется. Это эффекты масштаба, технической взаимосвязанности и квазинеобратимости инвестиций. В теории QWERTY-номики П. Дэвида речь идет о технологических и экономических закономерностях, но сам эффект заслужил внимание в общественной науке в целом, поскольку стало понятно, что исторические случайности могут иметь неизгладимый эффект в последующих траекториях развития социальных систем.

---

²⁵³ Tilly C. Why and How History Matters // The Oxford handbook of contextual political analysis / Goodin R. E., Tilly C. – Oxford University Press on Demand, 2006. p. 417

²⁵⁴ David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332-337 (Рус. пер.: Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 139-150).

И заслуга в этом принадлежит Дугласу Норту, который адаптировал эффект П. Дэвида к социальным институтам и с его помощью объяснил разницу в развитии Англии и Испании с XVI до XIX веков. Стартовые позиции двух стран были очень схожи: они были приблизительно равны по численности населения, по структуре экономики, по своему внешнеполитическому весу. «Любой макроэкономист сказал бы, что они будут находиться на близких уровнях и через сто лет, и через триста. Но уже в XIX веке Англия без всяких оговорок была главной мировой державой, а Испания – одной из самых отсталых стран Европы»²⁵⁵. Норт в качестве ключевой точки расхождения двух этих путей называет выбор модели налоговой системы²⁵⁶. Если в Англии вопрос распределения налогов находился в компетенции парламента, то испанской короне никакого согласия со стороны иных институтов не требовалось. Дискреционный характер налоговой системы Испании XVI века не создавал стимулов к долгосрочным инвестициям, поскольку королевская власть в любой момент (в особенности в военных целях) могла их конфисковать. Английская система, напротив, создала все условия для накопления и инвестиций, обеспечив их соответствующими институтами: надежной защитой прав собственности и эффективной, беспристрастной судебной системой.

Но ключевой вопрос заключается в том, что происходит, когда система осознает свою ошибку в выборе институтов и старается их видоизменить. Норт отмечает, что, когда спустя столетие – в XVII веке – Испания столкнулась с застоем в промышленности, исходом населения из деревень, чередой восстаний в Каталонии и Португалии и, как результат, выбыла из числа могущественных держав западного мира – общество уже понимало, что происходит. Было сформировано обширное реформаторское движение, написавшее множество трактатов о необходимости решительных перемен. Тем не менее, ни одну из них не удалось осуществить в полной мере для того, чтобы вырваться на успешную траекторию развития. «Единственным достижением реформаторского движения

---

²⁵⁵ Аузан А. Экономика всего: Как институты определяют нашу жизнь. – Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 123

²⁵⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики\ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 146-147

явилась отмена ношения пышных воротников, мода на которые разоряла аристократов, получавших огромные счета из прачечных»²⁵⁷.

Неспособность Испании изменить неэффективные модели институтов наталкивает исследователей на мысль о существовании самоподдерживающихся свойств «институциональной ткани» и реальности эффекта зависимости от пути не только в технологическом, но и в институциональном развитии. По всей видимости, «на неверно выбранном пути нарастает такое количество институтов и интересов, работающих против кардинальных изменений»²⁵⁸, что выскочить из колеи даже с учетом осознания ее неэффективности становится в крайней степени трудно. Дело приобретает особый оборот, если предположить, что разница в развитии Англии и Испании вообще сформировала в мире два различных институциональных образца – англо-американский и латиноамериканский, разница между которыми ощущается до сих пор и, по всей видимости, продолжает нарастать.

Теперь мы перейдем к случаю России, который в настоящем исследовании выделен как центральный. Тема «русской колеи» является достаточно распространенной и среди историков, и среди экономистов, и среди политологов. Начало этой традиции, по всей видимости, можно связать с трудами В.О. Ключевского. Но для целей нашего исследования наибольший интерес приобретают работы Ричарда Пайпса²⁵⁹. Дело в том, что в основе эффекта колеи в российской истории Р. Пайпс видит именно патримониальный тип господства, который воспроизводится, несмотря на самые кардинальные изменения формальных правил.

По Пайпсу, на все историческое развитие России наибольшее влияние оказало уничтожение института земельной собственности в Московском княжестве и установление порядков, согласно которым князь (царь, монарх)

---

²⁵⁷ Там же. С.149.

²⁵⁸ Аузан А. Экономика всего: Как институты определяют нашу жизнь. С. 124

²⁵⁹ Пайпс Р. Россия при старом режиме М.: Захаров, 2012. – 496 с.; Пайпс Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона //М.: Московская школа политических исследований. – 2000. – 416 с.

являлись не только правителями земли и подданных, но и «в буквальном смысле их собственником»²⁶⁰. Сама патримониальная (вотчинная) модель, как отмечает Р. Пайпс, начала формироваться еще в Киевской Руси по двум причинам: беспредельность земельного пространства (в условиях ограниченных ресурсов безотлагательно формируются способы мирного разрешения возникающих вокруг нее споров) и характер управления первых властвующих групп (норманнов, которые в силу того, что не брали завоеванную землю себе в собственность, не видели никакого различия между публичной и частной собственностью). Крупнейшая развилка на пути выбора институтов – это борьба между Москвой и Новгородом, которая закончилась подчинением последнего и весьма символическим перемещением в Москву новгородского вечевого колокола. Именно тогда по Р. Пайпсу был сделан ключевой шаг в выборе исторического пути, который затем лишь углублялся. Прежде всего, это касается прав собственности, которые с постепенным уравниванием вотчинного и поместного типа землевладения остались только у одного человека в государстве – монарха. Пайпс не уклоняется от примеров, демонстрирующих стремление российских монархов к появлению частнособственнических прав и их защите (Жалованная грамота дворянству Екатерины II, реформы Александра II), но эти попытки, по его мнению, не были полными, они так и не смогли привести к появлению в России общих гражданских прав и политических свобод. Их появление в ходе революции 1905 года было «не естественным развитием народной власти, осуществляемой посредством собственности и права, а отчаянной попыткой монархии предотвратить грозившую революцию <...> Когда же десятилетие спустя революция все-таки разразилась, все права и свободы, вместе с собственностью, унеслись и растаяли в глубокой дымке, потому что не имели в стране сколько-нибудь прочных оснований»²⁶¹.

Исследователи, изучающие Россию в рамках исторического институционализма, отмечают, что даже крушение царского режима в ходе

---

²⁶⁰ Пайпс Р. Собственность и свобода... С. 211

²⁶¹ Там же. С. 270

революции, которую Д. Норт называет ни много ни мало «возможно, самой полной из известных нам формальных трансформаций»²⁶², не смогла разрушить вотчинный (патримониальный) порядок. Так, Стефан Хедлунд отмечает реставрацию институтов кормления и поместья в советском режиме: «местным партийным начальникам позволялось набивать карманы примерно так же, как кормленщикам старых времен. Служилые высокого уровня в новом служилом государстве превратились в современных помещиков, которым предлагалось ограниченное использование различной государственной собственности: примерно на таких же условиях владели землей бояре и даже монастыри в Московии. То, как военным начальникам было позволено использовать рекрутов в качестве бесплатной рабочей силы, иногда отдавая их работать на предприятия, которым не хватало рабочих рук, также напоминало старую систему приписных крестьян»²⁶³.

В аналогичном ключе институционалистами рассматривается не менее радикальная смена формальных правил игры в 1991 году. Разница между формальными правилами, которые можно изменить за одну ночь, и неформальными институтами, которые эволюционируют столетиями, и объясняет те противоречивые результаты экономических и политических реформ, проявившихся в России в первые годы постсоветской истории. Именно в сложностях трансформации неформальных институтов неинституционалисты и видят причину зависимости от пути.

Работы Р. Пайпса и С. Хедлунда, таким образом, демонстрируют большую значимость исторических исследований для развития концепции неопатримониализма и тот большой потенциал, которые для нее может нести идея зависимости от пути. Тем не менее, нельзя отводить взгляд от двух ограничений, которые проявляются в перспективе такого синтеза.

Во-первых, концепция path-dependency и концепция неопатримониализма противоречат друг другу в части диахронии и синхронии. Концепт эффекта колеи

---

²⁶² Норт Д. Указ соч. С.57

²⁶³ Хедлунд С. Указ. соч. С. 201-202

рассматривает историческое развитие политической системы, по сути, с точки зрения национальной самобытности и уникальности. Концепция неопатримониализма, поскольку выросла из системы идеальных типов М. Вебера, наоборот – в качестве неопатримониальных может рассматривать политические системы, рассредоточенные и во времени, и в пространстве (послевоенная Индонезия, современная Россия, постколониальная Африка). При этом рассматривать их как части единого политического явления. Это вовсе не значит, что необходимо отказываться от изучения исторического наследия неопатримониальных режимов. Такой отказ существенно снизит качество нашего знания о функционировании неопатримониальных институтов, поскольку в базовом определении Ш. Эйзенштадта неопатримониализм есть результат проявления *глубоко укорененного традиционализма*, который не был устранен в ходе модернизации. Но при этом для концепции неопатримониализма было бы более продуктивно отвлечься от национально-самобытных моделей и, возможно, перейти к кластерному подходу. То есть в русле эффекта колеи изучать более крупные общности, чем отдельно взятые государства – например, выявлять элементы колониального наследия для африканских политий, испанского и португальского наследий для латиноамериканских неопатримониальных режимов, наследие доколониальных монархий для государств Юго-Восточной Азии, коммунистического прошлого – для государств Восточной Европы. Такой подход позволит совместить достоинства синтеза исторического и политологического знания и при этом не углубиться в частности национально-самобытного подхода.

Во-вторых, важно понимать, что простого проведения исторических параллелей мало, чтобы говорить о тенденции (хотя и в этом направлении существуют крайне интересные работы²⁶⁴). О справедливости концепции *path-dependency* можно говорить, если выявлены какие-либо механизмы, с помощью которых институциональный выбор, совершенный ранее, самоподдерживается и блокирует институциональные изменения. В противном случае мы можем говорить

---

²⁶⁴ Например, Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: ЗАО Журнал Эксперт, 2012. – 376 с.

только о ярких совпадениях. И в задаче выявления эффектов и механизмов институциональной инерции преуспела отечественная школа экономистов, работающих в рамках рационального направления неинституциональной теории.

Речь идет о **теории институциональных ловушек**, разработанной российским экономистом В.М. Полтеровичем. В целом теория институциональных ловушек продолжает идеи Брайна Артура и Дугласа Норта, которые ставили перед собой задачу выявления эффектов, блокирующих перемены в выборе вектора развития. В соответствии с пионерной в этом отношении работой Б. Артура источниками самоподдерживающихся механизмов являются²⁶⁵:

- 1) Высокие издержки наладки производства;
- 2) Эффект обучения (чем шире распространение продукта, тем лучше его качество и ниже издержки);
- 3) Эффект координации (снижению издержек способствует сотрудничество с агентами, занятых в смежных или аналогичных предприятиях);
- 4) Адаптивные ожидания (более широкая представленность продукта на рынке распространяет среди потребителей веру в продолжение его преобладания).

Д. Норт, развивая идею Б. Артура, перекладывает механизмы закрепления с технологий в целом на развитие институтов. На его взгляд, на формирование траектории изменений оказывают влияние два фактора: эффект возрастающей отдачи и несовершенство рынков, отличающихся значительными транзакционными издержками²⁶⁶.

Развивая идеи Б. Артура и Д. Норта, В. М. Полтерович создает, на наш взгляд, более полную и концептуально оконченную теоретическую схему, с помощью которой объясняет большой спектр явлений, возникших в политической и экономической жизни России в первые годы либерально-экономических реформ. Под *институциональными ловушками* В. Полтерович понимает *неэффективные*,

---

²⁶⁵ Arthur W. B. Self-reinforcing mechanisms in economics / The economy as an evolving complex system, edited by P. Anderson, K. Arrow and D. Pines. – Santa Fe Institute Studies in the Sciences of Complexity, Proceedings, – 1988. – vol. 5. – p. 9-31

²⁶⁶ Норт Д. Указ. соч. С.122

но стабильные нормы, или институты²⁶⁷. Примерами институциональных ловушек являются бартерные отношения, неплатежи, теневая экономика, коррупция, «крышевание» и другие. Возникновение таких ловушек В. Полтерович называет главной опасностью при проведении реформ. Краеугольным для теории институциональных ловушек является понятие трансакционных и трансформационных издержек. Взаимодействуя друг с другом, агенты несут *трансакционные издержки*. Для уклоняющегося от налогов предпринимателя это вероятность быть пойманным, понести наказание и лишиться бизнеса. Переходя к альтернативной норме, агенты несут *трансформационные издержки*. Для того же предпринимателя, который решает работать «в белую», такими издержками является собственно необходимость платить налоги, затраты на бухгалтерию и другие сопутствующие издержки.

Итак, институциональные ловушки обладают двумя качествами: они устойчивы и неэффективны. Разберемся с каждым из этих параметров с учетом нашей задачи – оценки применимости теории к развитию концепции неопатримониализма.

Устойчивость институт приобретает с помощью четырех эффектов.

Во-первых, *эффект координации*. С ростом количества агентов, которые применяют ту или иную норму, трансакционные издержки снижаются, а трансформационные издержки для каждого отдельного агента, решившегося ее нарушить, напротив, возрастают. Так, чем более распространенным становится использование бартера, тем более развернутую бартерную сеть могут создать предприниматели, снижая свои трансакционные издержки. Выход же одного предпринимателя из бартерной цепи и переход на нормальные товарно-денежные отношения обернется для него необходимостью поиска новых партнеров, поскольку старые до сих пор пребывают в институциональной ловушке бартера.

---

²⁶⁷ Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). – 1999. – Т. 35. – №. 2. С. 5

Это самый действенный механизм, стабилизирующий институциональную ловушку.

Во-вторых, *эффект обучения*. Агенты приспосабливаются к неэффективной норме, создавая новые технологии и приобретая необходимые компетенции, которые снижают их трансакционные издержки. Если в обществе принято использовать бартер, то постепенно появляются различные технологии оценки стоимости предлагаемых для бартера товаров, создание электронных торговых площадок и т.д.

В-третьих, *эффект сопряжения*. Появившаяся норма со временем становится встроенной в целый пласт других норм, определяющих поведение людей и организаций. «Так, «выйдя из тени» (то есть став честным плательщиком налогов), фирма нередко вынуждена менять стратегии найма работников, получения кредита и т.п.»²⁶⁸.

В-четвертых, *культурная инерция*. Зарекомендовавшая себя как эффективная, норма вызывает у агентов нежелание менять стереотипы поведения.

Эффективность В. Полтерович рассматривает, используя аппарат теории игр. Равновесие, которое рассматривается как институциональная ловушка, не является Парето-эффективным (то есть возможно найти такое сочетание стратегий, при котором выигрыш каждого из игроков возрастет). Мы, в свою очередь, предлагаем отказаться от параметра эффективности в оценке динамики неопатримониальных институтов. Во-первых, в целом категория эффективности не получила в политических исследованиях такой же однозначной трактовки, как в экономической теории. Часто использование термина «неэффективный политический институт» просто обнажает политические предпочтения исследователя и создает нормативную направленность его работе. Во-вторых, мы уже говорили, что патримониальные практики позволяют добиваться значимых политических целей, как это было в случае Кот-д'Ивуара, Кении в первые годы после получения ими независимости. В этом случае клиентарно-патронажные сети

---

²⁶⁸ Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? //Общественные науки и современность. – 2004. – №. 3. – С. 7

позволили консолидировать государство, сохранить его от распада и межплеменных распрей. В случае с Южной Кореей, Индонезией, Сингапуром отмечается успех в экономике, который принесли неформальные патримониальные практики торга между политической и бизнес-элитой. Принимая разделение на хищнические и регулируемые формы неопатримониализма, мы признаем возможность успешного решения значимых для государств проблем с помощью патримониальных практик. Таким образом, в целях развития концепции неопатримониализма мы предлагаем отказаться от характеристики неэффективности института, но взять в свой методологический арсенал учение о механизмах поддержания институциональных ловушек. В конечном счете представляется, что эти же механизмы действуют и для институтов, рассматриваемых экономистами как эффективные. Просто для неэффективных институтов принят термин «ловушек», а для эффективных – термин «возрастающей отдачи».

Возвращаясь к теме устойчивости институтов, скажем, что, по нашему мнению, механизмы, описанные В. Полтеровичем, могут послужить крайне плодотворной теоретической рамкой для анализа реконструкции патримониальных практик. В качестве примера мы предлагаем обратиться к феномену «силового предпринимательства»²⁶⁹, распространившемуся в России в начале 1990-х годов. Приватизация силовых функций преступными группировками и частными охранными предприятиями в этот период российской истории представляет, на наш взгляд, яркий пример неопатримониального господства. В данном случае речь идет о приватизации полномочий, формирующих государство как таковое, если рассматривать его как организацию, обладающую монополией на легитимное насилие²⁷⁰. Поэтому, анализируя тему силового предпринимательства, можно говорить о предельной форме неопатримониального господства. Проведем феномен силового предпринимательства через основные понятия теории

---

²⁶⁹ Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ

²⁷⁰ Вебер М. Избранные произведения. С. 644

институциональных ловушек. Трансакционные и трансформационные издержки для силовых предпринимателей и их клиентов приведены в таблице 8.

Таблица 8. Трансакционные и трансформационные издержки силового предпринимательства в России в 1990-е годы

Вид издержек	Для силового предпринимателя	Для клиента
Трансакционные издержки	1) возможность быть обнаруженным органами правопорядка и понести наказание; 2) возможность быть устраненным конкурентами	1) оплата услуг «крыши» (дань); 2) вероятность стать объектом разборок конкурирующих группировок.
Трансформационные издержки	1) необходимость искать новый род занятий, в случае легализации – новых клиентов, новых партнеров; 2) опасность быть устраненным как предатель, как носитель важной информации или вновь как конкурент; 3) потеря репутации в среде силовых предпринимателей.	1) опасность расправы; 2) поскольку часто клиенты сами представляли собой теневой бизнес – общение с правоохранительными органами нежелательно или в принципе невозможно (риск понести законное наказание); 3) необходимость поиска новых инструментов выбивания долгов, поиска информации по контрагенту, переговоров и других бизнес-процессов.

Почему силовое предпринимательство, будучи и по содержанию деятельности, и по методам противозаконным и противоречащим общепринятой морали, оказалось столь устойчивым и, по словам В. Волкова, стало «одним из

центральных, если не главным, явлением 90-х»²⁷¹? Налицо все четыре эффекта институциональных ловушек.

- *Эффект координации.* Феномен силового предпринимательства интересен тем, что защитник от угрозы в нем является и ее потенциальным источником. Рост количества организаций, предлагающих услуги по «крышеванию», затрудняет отказ от их услуг, потому что в этом случае организация оказывается беззащитной перед иными поставщиками охранных услуг. Более того, ситуация, когда все контрагенты защищают свои интересы с помощью «крыши», делает для компании жизненно необходимым прибегать к симметричным мерам защиты. Рост этого явления также создает ситуацию, когда деловая репутация определяется репутацией твоего силового партнера. Поэтому все большее распространение этих норм блокирует возможность их смены.
- *Эффект обучения.* Изначально функция силовых предпринимателей заключалась в защите от других предпринимателей и предотвращении «кидка». Но по мере развития в России предпринимательства и сопутствующем ослаблении государственных институтов силовые партнеры стали предоставлять более разнообразный спектр услуг. Они стали выполнять такие функции как выбивание долгов, переговоры, «решение вопросов» с властями (санэпидстанциями, пожарниками, милицией). То есть собственно от услуг по обеспечению физической безопасности они стали предоставлять пакет услуг по сопровождению бизнеса. Все это привело к ситуации, когда «ни одна крупная сделка не проходила без участия силовых партнеров»²⁷². Институционализация силового бизнеса проходила с помощью включения в состав бухгалтерии или аудиторов компании «своего человека», а также через вхождение представителя силового партнера в состав правления фирмы. Таким образом,

---

²⁷¹ Волков В. В. Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. – 1999. – №. 1. – С. 56

²⁷² Там же. С. 58

обучаясь, система переходила от прямого насилия, рэкета и вымогательства к более сложным формам ведения бизнеса.

- *Эффект сопряжения.* Институт силового предпринимательства становился еще более устойчивым из-за того, что переплетался с другими процессами, происходившими в политической и социальной сфере. Так, одним из главных факторов роста подобных компаний стал кризис бюджетного финансирования и отток профессионалов из силовых структур (МВД, КГБ, военная разведка). В этой ситуации профессионалы, владевшие всеми необходимыми навыками (владение оружием, физическая подготовка, профессиональная способность добывать информацию, связь с органами власти) и ощущавшие разницу в уровне доходов, естественный канал выражения своих профессиональных навыков нашли именно в этой сфере. Еще одним элементом эффекта сопряжения стало появление так называемых «комбинированных крыш», «когда часть вопросов у фирмы решают бандиты, а часть – менты»²⁷³.
- *Культурная инерция.* Перерождению норм правосознания в жизнь «по понятиям» в России 90-х посвящена обширная литература. Карьера силовых партнеров в этом отношении давала пример успешного строительства бизнеса и красивой жизни. Бандитская романтика делала такую модель поведения и карьеры желанной и привлекательной. В отношении бизнеса и рядовых граждан эффект культурной инерции закреплялся с помощью СМИ, нагнетавших страх перед бандитскими группировками, который делал еще более успешным рост их репутации.

Схожим образом можно объяснить закрепление других институтов неопатримониального доминирования: клиентелизма, nepотизма, телефонного права. Более того, скажем, что исследователи уже отмечали перспективы применения теории институциональных ловушек к реконструкции традиционных институтов в ходе модернизации. Так, например, В.В. Скоробогачкий предлагает разделять институциональные ловушки на два вида: «block-in», связанную с

---

²⁷³ Там же. С. 60

торможением и застоём, и «speed-up», которая формирует «новообразование гибридного типа, в структуре которого в форме причудливой мозаики в одно целое соединяются отдельные черты современности и традиционного (домодерного) общества»²⁷⁴.

О перспективах применения теории институциональных ловушек к неопатримониализму можно говорить даже исходя из примеров, которые В. Полтерович предлагает в своей работе. Так, как институциональную ловушку он рассматривает чисто патримониальные практики, установившиеся в политической системе США во второй половине XIX века. Тогда «возникшие массовые политические партии стали инструментом обогащения партийных боссов. Они распределяли должности (включая почтмейстеров, таможенных чиновников, полицейских, и т.п.) среди своих сторонников, не принимая во внимание ни квалификацию, ни компетентность. Служащие были вынуждены отдавать часть своей зарплаты политической партии, выдвинувшей их на соответствующие должности»²⁷⁵.

Однако и этот пример, и пример силового предпринимательства (которое все же сошло на нет с усилением государственных институтов и экономическим ростом) демонстрируют одну очень важную особенность теории институциональных ловушек. Она (теория), хоть и подкрепляет концепцию зависимости от пути важным открытием механизмов, с помощью которых такая зависимость устанавливается, тем не менее, подразумевает возможность выхода из колеи. Таким образом, она преодолевает жесткую детерминированность теории path-dependency и, скорее, открывает для исследователей перспективу того, что Д. Норт назвал path-determinacy²⁷⁶ – то есть менее жесткой связи новых и старых институтов, подразумевающей возможность выхода из устойчивой тропы институционального развития. Зависимость от пути, скорее, сужает набор альтернатив, с течением времени делает выход из тропы зависимости все более

---

²⁷⁴ Скоробогачкий В. В. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. – 2011. – № 1. – С. 31.

²⁷⁵ Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? С. 12

²⁷⁶ Норт Д. Указ. соч. С.18

сложным, но «речь совсем не идет о том, что прошлое неотвратимо и безальтернативно предопределяет будущее»²⁷⁷. Собственно, этот же вывод подтверждает развитие неопатримониальных режимов Юго-Восточной Азии, которым удалось сменить неопатримониальные практики на рациональные западного типа. Безусловно, случаи Сингапура, Южной Кореи, Гонконга представляют собой единичные исключения, но их появление говорит о потенциальной возможности перехода от неопатримониального к рационально-легальному доминированию.

Таким образом, стоит признать, что теории, формирующиеся в рамках исторического неоинституционализма и неоинституционализма рационального выбора, способны оказаться крайне плодотворными в оценке того, как происходит реконструкция традиционного господства в ходе модернизации. Концепция *path-dependency*, предлагая сконцентрироваться на истории развития институтов, способна объяснить укорененность традиционного господства в том или ином обществе. Для концепции неопатримониализма не столь важны национально-самобытные особенности, поэтому для более плодотворного применения концепции зависимости от пути вполне возможно концентрироваться на общих исторических чертах более крупных образований, чем отдельно взятые государства. Со своей стороны, теория институциональных ловушек способна показать, за счет каких механизмов происходит институциональная инерция. Продемонстрированная возможность ее применения к анализу такой неопатримониальной практики, как силовое предпринимательство, и примеры, которые рассматриваются самим автором этой теории, говорят о ее особой значимости для оценки процессов модернизации и возникновения институтов, воспроизводящих в себе черты традиционного доминирования в рационально-легальной среде.

---

²⁷⁷ Там же. С. 127

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция неопатримониализма, получившая свое развитие во многом в ответ на неочевидность основных положений идеи демократического транзита и ее несоответствия политической действительности, является, безусловно, перспективной в анализе политики в странах, чье развитие существенно отличается от демократических паттернов западного типа. Тем не менее, большой интерес к концепции сослужил ей плохую службу. В качестве неопатримониальных стал рассматриваться широкий спектр африканских, латиноамериканских и азиатских государств, которые отличались между собой настолько существенно, что стороннему наблюдателю было бы странно воспринимать их описание с помощью единого термина. Каждое новое его применение концентрировалось на совершенно разном наборе характеристик, внося очередной вклад в процесс его концептуального растяжения. Дабы справиться с теоретическим тупиком, в который концепция неопатримониализма стала неуклонно двигаться, появился целый ряд исследовательских проектов, исследовавших концепцию *per se* и поставивших перед ней ряд вопросов, ответ на которые означал бы начало процесса концептуализации и внесения ясности в то, что воспринимать под словом «неопатримониализм».

Реализация основной идеи настоящего исследования – концептуализации неопатримониализма – привела нас к следующим выводам. Неопатримониализм не представляет собой синоним неразвитости, отсталости, неэффективности. Многие государства с помощью патримониальных практик справились с целым рядом вызовов и тем самым обезопасили себя от процессов фрагментации (Кения, Кот-д’Ивуар) и даже смогли продемонстрировать взрывной экономический рост (Южная Корея, Сингапур). Поэтому аналитически значимой является необходимость разграничения неопатримониальных режимов. В результате обобщения предпринятых в этом отношении попыток мы соглашаемся с идеей Д. Баха о разграничении регулируемых (*neopatrimonialism within state*) и хищнических (*neopatrimonialism of the entire state*) форм неопатримониализма. При этом в развитие такой типологии было бы полезно обратиться к концептам,

сформированным в смежных областях политических исследований. Так, достижения концепта «государства-хищника» могут обогатить наше знание о том, как функционируют хищнические формы неопатримониализма, например, в части зависимости правителя от ближайшего окружения, механизмов принуждения, кооптации, сплочения в рамках элит в таких государствах. В концепте «государства-хищника» эти вопросы являются осевыми, тогда как для исследований неопатримониализма они до сих пор остаются в тени. В отношении регулируемых форм неопатримониализма плодотворной, например, представляется неоинституциональная дилемма обеспечения надежных гарантий прав собственности. Именно эта теория может объяснить, как государствам, в которых отсутствуют устойчивые парламентские институты, независимая судебная система, институты гражданского общества (независимые СМИ и некоммерческие организации), удастся все же обеспечить устойчивость и высокую степень гарантий прав собственности, опираясь при этом на патримониальные практики.

Второй важной концептуальной проблемой неопатримониализма является его соотношение с категорией политического режима. Мы установили, что неопатримониализм не является разновидностью политического режима как такового. Скорее, он представляет разновидность типа политического доминирования, который может находить свое выражение не только в авторитарных, но и в демократических режимах. Тем самым, концепт неопатримониализма выходит за рамки классической типологии политических режимов и задает несколько иное измерение политических систем, связанное с частным присвоением публичной сферы.

Во второй части нашего исследования мы сконцентрировались на том потенциале, который может дать концепции неопатримониализма применение аппарата неоинституциональной теории. Прежде, чем обозначить полученные в этом отношении результаты, мы считаем важным обозначить ограничения, которые такое применение может нести. Во-первых, важно учитывать разнородность неоинституционализма. Различные ветви неоинституционализма

существенно отличаются в понимании социальной реальности, используют подчас противоположенные подходы к ее анализу. В настоящей диссертации мы сконцентрировались на конвенциональной для всех ветвей неоинституционализма проблематике неформальных институтов, но мы должны признать, что за пределами этого «жесткого ядра» исследовательские позиции по многим вопросам политического порядка отличаются, и эта разногласица может быть спроецирована на неопатримониальные исследования. Во-вторых, неопатримониализм не сводится только к неоинституциональной интерпретации. В настоящей работе мы показали, что она более убедительна, чем интерпретация с помощью теории политических режимов, но важно признать, что не исключены и другие трактовки. В-третьих, неоинституциональная теория сама по себе является объектом критики, и эта критика также может быть спроецирована на исследования неопатримониализма. Эти вопросы выходили за рамки настоящей диссертации, но они, безусловно, должны учитываться при неоинституциональной интерпретации неопатримониализма и получить дальнейшее развитие.

Учитывая эти ограничения, концепция неопатримониализма все же обнаруживает значительные перспективы, поскольку способна послужить интегратором для целого ряда концептов, формируемых в рамках неоинституционального направления в политической науке. Речь идет о таких неформальных институтах как клиентелизм, непотизм, неявные полномочия. Выступающие часто разрозненно, эти концепты при включении их в концепцию неопатримониализма уже не видятся изолятами, характеризующими отдельные черты политических систем, а представляют часть единой логики развития, связанного с воспроизводством традиционного доминирования во внешне рационально-легальной среде. Центральным институтом, структурирующим властные отношения и на политическом, и на административном уровнях, выступает клиентелизм. Сохраняя все возможные формы мотивации в обладании различного рода ресурсами, клиентелизм существенно мимикрирует под рационально-легальную среду, генерируя новые формы клиентарной зависимости. Уникальной для неопатримониального господства становится такое средство как

шантаж. Не характерное ни для традиционного, ни для рационально-легального господства самих по себе, при соединении их в неопатримониализме это явление выступает новой формой личного закрепощения. В этой связи интеграция исследовательских проектов, посвященных видам, формам, особенностям шантажа представляют для концепции неопатримониализма особый интерес.

Формирование элит в неопатримониальных системах должно осмысляться в том числе через понятие непотизма. Существующие исследовательские проекты демонстрируют его ключевую роль в формировании органов государственной власти. Более того, концепт неопатримониализма был бы неполным, если бы нам пришлось отказаться от такой характеристики традиционного господства, как апроприация публичных полномочий и *соответствующих экономических возможностей*. Неопатримониализм, будучи все же ограниченным внешней легальной средой, находит формы реконструкции традиционного господства. Так, существование ограничений на совмещение государственной должности и занятие предпринимательской деятельностью, введение в законодательные рамки понятия конфликта интересов не мешает в неопатримониальных режимах конвертировать власть в собственность. Каналом такой конвертации, апроприации экономических возможностей выступает именно непотизм как форма предоставления должностей и привилегий друзьям, родственникам, одноклассникам и другим лицам, с которыми обладателя властного ресурса связывают какие-либо этапы биографии.

В понимании того, почему патримониальные институты демонстрируют устойчивость и воспроизводятся, несмотря на существенную смену формальных правил (даже столь кардинальную, как революция 1917 года в России и либеральные реформы 1990-х), может многое дать концепция зависимости от пути. Патримониальное наследие не может быть преодолено с помощью изменения формальных законов, неформальные установки приспособливают их к себе, часто образуя феномены как минимум далекие от замысла реформаторов, борющихся с этим наследием. Поэтому изучение патримониального наследия, интеграция политологического и исторического знаний для концепции неопатримониализма была бы крайне полезной. При этом важно отметить, что концепция

неопатримониализма в силу своего более универсального характера противоречит национально-самобытным установкам концепции path-dependency, поэтому в перспективах такого синтеза было бы интересно изучать институциональное развитие более обще: для африканских неопатримониальных режимов – колониальное наследие, для латиноамериканских режимов – португальское и испанское наследие и т.д.

Обращение к экономическим моделям также может способствовать более глубокому пониманию динамических аспектов функционирования неопатримониальных режимов. Так, теория институциональных ловушек предлагает механизмы институциональной устойчивости, которые демонстрируют свою применимость к неопатримониальным практикам. В рамках настоящего исследования с помощью аппарата теории институциональных ловушек была проанализирована устойчивость такого явления как силовое предпринимательство.

Таким образом, концепция неопатримониализма большой потенциал в своем развитии может обрести в неoinституциональной теории. Поскольку неопатримониализм подразумевает соединение традиционного ядра и легальной оболочки, необходимо искать неявные формы институционализации традиционных институтов. Неoinституционализм для этих целей выдвигает наиболее подходящее понимание институтов и институциональных изменений. Поэтому дальнейшее развитие концепции неопатримониализма, на наш взгляд, должно быть тесно связано с достижениями и методологическим аппаратом нового институционализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты [Текст] / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон; пер. с англ. Дмитрия Литвинова, Павла Миронова, Сергея Сановича. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 693 с.
2. Аузан А.А. Экономика всего: Как институты определяют нашу жизнь [Текст] / А.А. Аузан. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 160 с.
3. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность [Текст] / М.Н. Афанасьев. – М., 1997. – 301 с.
4. Афанасьев М. Н. Клиентелизм: историко-социологический очерк [Текст] / М.Н. Афанасьев // Полис. – 1996. – №. 6. – С. 97-106.
5. Барсукова С.Ю. Про коррупцию, или Как не стать смешным идальго, принимая ветряные мельницы за великанов // Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого [Текст] / С.Ю. Барсукова; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – С. 37-52;
6. Барсукова С.Ю. Не бойтесь судей, они сами боятся // Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. [Текст] / С.Ю. Барсукова; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – С. 176-187
7. Барсукова С.Ю. Российские неформальные практики: экспортный вариант [Текст] / С.Ю. Барсукова // Экономическая социология. – 2008. – № 3. – С. 93-100. – Рец. на кн.: Ledeneva A.V. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business / A.V. Ledeneva. – Ithaca: Cornell University Press, 2006. – 270 p.
8. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. Курс лекций [Текст]: учеб. пособие / С. Ю. Барсукова ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. — 354 с.
9. Вахштайн В.С. Социологическая операционализация. – ПостНаука. 20.08.2015. Доступ: <https://postnauka.ru/video/51203> (проверено 11.09 2017)
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] = Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie : в 4 т. /

Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. – 445 с.

11. Вебер М. Избранные произведения [Текст] / Макс Вебер ; пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

12. Волков В.В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции [Текст] / В.В. Волков // Вопросы экономики. – 2011. – № 8. – С. 4-27.

13. Волков В. В. Силовое предпринимательство в современной России [Текст] / В.В. Волков // Социологические исследования. – 1999. – №. 1. – С. 56 – 65.

14. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ [Текст] / Вадим Волков. — изд. 3-е, испр. и доп.— СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 352 с.

15. Вступительное слово на совещании по вопросам совершенствования судебной системы [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/156> . – (дата обращения 17.04.2017).

16. Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным [Текст] / Н. Геворкян, Н. Тимакова, А. Колесников. – М.: Вагриус, 2000. – 112 с.

17. Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма [Текст] / Владимир Гельман: Препринт М-41/15 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 44 с.

18. Гельман В. Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России [Текст] / Гельман В.Я. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2010. – №. 2 (57). – С. 6-24.

19. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике [Текст] / Гельман В.Я. // Полис: Политические исследования. – 2003. – №. 4. – С. 6-25.
20. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР [Текст] / Гельман В.Я. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 256 с.
21. Гельман В.Я. Россия в институциональной ловушке [Текст] / Гельман В.Я. // Pro et contra. – 2010. – Т. 14. – №. 4-5. – С. 23-38.
22. Гельман В. Я. "Столкновение с айсбергом": формирование концептов в изучении российской политики [Текст] / Гельман В.Я. // Полис: Политические исследования. – 2001. – №. 6. – С. 6-17.
23. Гилев А.В. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках [Текст] / А. Гилев // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 6 – 41.
24. Гилёв А. В. Вдовы, скупость и богатое наследство: проблемы политического преемничества в странах Азии [Текст] / А. Гилев // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2014. – №. 4 (75). – С. 100 – 117.
25. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе Государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников [Текст] / В. Гимпельсон, В. Магун: Препринт WP3/2004/07 — М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 32 с.
26. Голосов Г.В. Сравнительная политология [Текст] / Г.В. Голосов: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во ЕУСПб, 2001. – 368 с.
27. Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа [Текст] / А.К. Горбуз, М.А. Краснов, Е.А. Мишина, Г.А. Сатаров — СПб.: Норма, 2010. – 480 с.
28. Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина [Текст] / Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн // Политическая наука: новые направления. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999 – с. 29-69;

29. Гуляева А. Г., Панов П. В. Преемничество как практика воспроизводства власти в «Черной Африке» [Текст] / А.Г. Гуляева, П.В. Панов // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2012. - № 3. – С. 103-116.
30. Даугавет А. Б. Неформальные практики российской элиты (Апробация когнитивного подхода) [Текст] / А.Б. Даугавет // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 26-38.
31. Дробинина Е. Российские госкомпании: как занять высокий пост в 25 лет [Электронный ресурс] / Русская служба ВВС. – 21.02.2012. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/business/2012/02/120220_officials_children_top_manager_s.shtml. – (дата обращения 29.04.2017).
32. Дятликович В., Чапковский Ф. Кто есть кто и почему в российской элите [Электронный ресурс] / Журнал «Русский репортер». – Режим доступа: http://www.rusrep.ru/article/2011/09/07/who_is_who. – (дата обращения 10.04.2017).
33. Евгений Куйвашев поручил главам муниципалитетов представить предложения в план реализации Послания Президента РФ [Электронный ресурс] / Официальный сайт Правительства Свердловской области. – Режим доступа: <http://www.midural.ru/news/list/document94131/>. – (дата обращения 13.04.2017).
34. Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке [Текст] / О.И. Зазнаев // Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий. – 2005. С. 3-29.
35. Зотин А. Коррупция, достойная подражания [Электронный ресурс] / Коммерсант.ru. – 14.01.2013. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2098142>. – (дата обращения 18.02 2017).
36. Ильченко М.С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу [Текст] / М.С. Ильченко // Социум и власть. – № 3. – 2013. – С. 20-24.
37. Ильченко М.С. Коррупция как фактор воспроизводства трансформирующейся политической системы [Текст] / М.С. Ильченко // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики

Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научной конференции / отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН. – 2014. – С. 86-93.

38. Как обеспечить независимость судей в России [Текст] : Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», июль 2012 / Авторский коллектив: Волков В.В., Панеях Э.Л., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. – СПб: ИПП ЕУСПб, 2012. – 28 с.

39. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита [Текст] / Т. Карозерс // Политическая наука. – 2002. – № 2. – С. 42-65.

40. Капустин Б. Г. Конец “транзитологии”? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) [Текст] / Б.Г. Капустин // Полис: Политические исследования. – 2001. – №. 4. – С. 6-26.

41. Кокорхоева Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) [Текст] / Д.С. Кокорхоева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2010. – Т. 14. – №. 7 (78). – С. 208-217.

42. Конституционный закон Туркменистана от 28.12.1999 «Об исключительных полномочиях первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши» [Текст] / Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 1999. – № 4.

43. Конституция Республики Казахстан [Текст] : [принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г] / Алматы: Әділет Пресс, 2007.

44. Конституция Республики Таджикистан [Текст] : [принята всенародным голосованием от 6 ноября 1994 г] / Душанбе: Конуният, 2012. – 32 с.

45. Конституция Российской Федерации [Текст] : [принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ] / Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – N 31. – ст. 4398

46. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России [Текст] / С.Г. Кордонский. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

47. Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация [Текст] / С.Г. Кордонский. – М.: Европа, 2010. – 312 с.
48. Кордонский С.Г. Ресурсное государство [Текст] : сборник статей / С.Г. Кордонский. – М.: REGNUM, 2007. – 108 с.
49. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты [Текст] / О.В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
50. Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? [Текст] / О.В. Крыштановская // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – №. 4. – С. 158-180.
51. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки [Текст] / Имре Лакатос ; Пер. с англ. И. Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – 475 с.
52. Ласт-Окар Э. Выборы в авторитарных режимах: уроки Иордании [Текст] / Э. Ласт-Окар // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 280 – 305.
53. Леденева А.В., Шушанян Н.Р. Телефонное право в России [Текст] / А.В. Леденева, Н.Р. Шушанян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – №. 3. С. 42-50.
54. Леденева А.В. Телефонное право в России: новые данные [Текст] / А.В. Леденева // Телефонное право в России. Обзор центра ЕС-Россия. – Выпуск 18. – 24 с.
55. Лиманов А. Все лучшее – детям. [Электронный ресурс] / The new times. – № 21 (206) от 18.06.2011. – Режим доступа: <https://newtimes.ru/stati/others/a5a575e9ae2376c2d343aa7057ab45ec-vse-lychshee-%E2%80%94-detyam.html> . – (дата обращения 29.04.2017).
56. Мартьянов В.С. Доверие в современной России: между поздним модерном и новой сословностью [Текст] / В.С. Мартьянов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – № 1. – 2017. – С. 61-82.

57. Мартьянов В.С. Капитализм, рента и демократия [Текст] / В.С. Мартьянов // *Journal of Institutional Studies*. – № 1. – 2017. – С. 51-68.
58. Мартьянов В. С. Коррупция и сословно-статусная рента в России [Текст] / В.С. Мартьянов // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции* / отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН. – 2016. – С. 31-48.
59. Мартьянов В.С. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сословности [Текст] / В.С. Мартьянов // *Вестник Российской академии наук*. – № 6. – 2017. – С. 511-519.
60. Мартьянов В.С. Рентная демократия [Текст] / В.С. Мартьянов // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – № 13. – 2016. – С. 41-60.
61. Мартьянов В.С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе [Текст] / В.С. Мартьянов // *Полис. Политические исследования*. – № 4. – 2016. – С. 81-99.
62. Масловский М. В. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации [Текст] / М.В. Масловский // *Социологический журнал*. – 1995. – №. 2. – С. 95-109.
63. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) [Текст] / В. Меркель, А. Круассан // *Полис. Политические исследования*. – 2002. – № 1. – С. 6-17.
64. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) [Текст] / В. Меркель, А. Круассан // *Полис. Политические исследования*. – 2002. – № 2. – С. 20-30.
65. Мошкин С.В. Режим имитационной демократии [Текст] / С.В. Мошкин // *Дискурс-Пи*. – № 1. – 2015. – С. 138-143.
66. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы [Текст] / П. Мэр // *Политическая наука: новые направления*. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С. 309-330.

67. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] = Institutions, institutional change and economic performance\ Д. Норт ; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. — 180 с.

68. Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты [Текст] / Р. Нуреев, Ю. Латов // Истоки: из истории изучения экономики как структуры процесса, М.: ГУ-ВШЭ. — 2006. — С. 228-256.

69. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора [Текст] : Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», март 2010 / Авторский коллектив: Панях Э.Л. Титаев К.Д. Волков В.В., Примаков Д.Я. СПб: ИПП ЕУ СПб, 2010. — 16 с.

70. Остром Э. Постановка задачи исследования институтов [Текст] / Э. Остром // Экономическая политика. — 2009. — №. 6. — С. 89-110.

71. Пайпс Р. Россия при старом режиме [Текст] / Р. Пайпс. — М.: Захаров, 2012. — 496 с.

72. Пайпс Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона [Текст] / Р. Пайпс. — М.: Московская школа политических исследований. — 2000. — 416 с.

73. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка [Текст] / П.В. Панов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). — 2011. — 230 с.

74. Панов П.В. Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России [Текст] / П.В. Панов. Пермь. — 2008. — 245 с.

75. Панов П.В. Институциональный порядок: подходы к осмыслению и исследованию [Текст] / П.В. Панов // Политическая наука. — 2009. — № 3. — С. 20 — 38.

76. Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника [Текст] / П.В. Панов // Политэкс. – 2010. – №3. – С.19-33.
77. Панов П.В., Подвинцев О.В. Преемничество как модель воспроизводства власти на постсоветском пространстве [Текст] / П.В. Панов, О.В. Подвинцев // Властные структуры и группы доминирования. Материалы X Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб.: Итерсоцис, 2012. – С. 263-285.
78. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации [Текст] / С.В. Патрушев // Полис. Политические исследования. – 2011. – №. 6. – С. 120-133.
79. Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня [Текст] / Б.Г. Питерс // Политическая наука: новые направления. Научный редактор Е.Б. Шестопап. – М.: Вече, 1999 – с. 218-235.
80. Политические системы современных государств [Текст] : Энциклопедический справочник : В 4 т. : Т. 4: Африка / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В.Торкунов. — М.: Аспект Пресс. — 2014. — 560 с.
81. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы [Текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы (ЭММ). – 1999. – Т. 35. – №. 2. – с. 3-20.
82. Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? [Текст] / В.М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2004. – №. 3. – С. 5-16.
83. Поручения Президента [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders> . – (проверено 13.04.2017).
84. Прохоров А. П. Русская модель управления [Текст] / А.П. Прохоров. – М.: ЗАО Журнал Эксперт, 2012. – 376 с.
85. Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России [Текст] / В.Л. Римский // Общественные науки и современность. – 2004. – №. 6. – С. 68-79.

86. Рогожина К.А. Роль патрон-клиентных отношений в формировании политических элит государств Центральной Азии [Текст] / К.А. Рогожина // Власть. – 2009. – № 11. – С. 22-25.
87. Розов Н.С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма [Текст] / Н.С. Розов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 157-172.
88. Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации [Текст] / Н.С. Розов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 139–156.
89. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) [Текст] / Дж. Сартори // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67–71.
90. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) [Текст] / Дж. Сартори // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152–160.
91. Скотт Дж. Коррупция, политические машины и политические изменения [Текст] / Дж. Скотт // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 242 – 280.
92. Скоробогачкий В. В. Институциональные ловушки в политике [Текст] / В.В. Скоробогачкий // Вопросы политологии и социологии. – 2011. – №. 1. – С. 29-40.
93. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология [Текст] : учебник для вузов / Л.В. Сморгунов. – СПб.: Питер. – 2012. 448 с.
94. Снеговая М.В. Неопатримониализм и перспективы демократизации [Текст] / М.В. Снеговая // Отечественные записки. – 2013. – №. 6. – С. 135-145.
95. Старцев Я.Ю. Нефеодализм и неопатримониализм: эвристический потенциал архаизирующих метафор в изучении российской политики [Текст] / Я.Ю. Старцев // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и

перспективы исследовательского поиска. Материалы всероссийской научной конференции 17 – 18 июня 2013 г. – С. 342-351.

96. Старцев Я. Ю. Система государственного управления: политический анализ [Текст] : учеб. пособ. / Я.Ю. Старцев. — Екатеринбург, 2001. – 288 с.

97. Старцев Я.Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении [Текст] / Я.Ю. Старцев // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ / А.А.Александров, Т.Е.Зерчанинова, К.Н.Самков, Я.Ю.Старцев. – Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 31-59.

98. Старцев Я.Ю. Институционализация неявных полномочий Президента РФ и их роль в функционировании президентской власти [Электронный ресурс] / Я.Ю. Старцев. – Режим доступа:

https://www.academia.edu/4933655/Институционализация_неявных_полномочий_Президента_РФ . – (дата обращения 13.04.2017).

99. Старцев Я.Ю. Поручения Президента РФ: анализ инструмента дискреционной власти. [Электронный ресурс] / Я.Ю. Старцев. – Режим доступа:

https://www.academia.edu/4866184/Поручения_Президента_РФ_анализ_дискреционного_инструмента_власти (дата обращения 13.04.2017).

100. Стенограмма круглого стола «новый институционализм: задачи концептуализации, исследовательский и интеграционный потенциал» [Текст] // Вопросы политологии и социологии. – 2014. – № 1 (6). – С. 20-28.

101. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов [Текст] / В.Л. Тамбовцев. — М.: РГ-Пресс, 2014. 174 с.

102. Теобальд Р. Патримониализм [Текст] / Робин Теобальд ; пер. с англ. А. Фисуна // Прогнозис. - 2007. - № 2. - С. 166-176.

103. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990– 1992 гг. [Текст] / Чарльз Тилли ; пер. с англ. Менской Т. Б. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). — 328 с.

104. Указ Президента РФ от 08.06.2004 N 729 (ред. от 25.07.2014) "Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации" [Текст] / СПС Консультант-Плюс.

105. Указ Президента РФ от 28.03.2011 N 352 "О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации" [Текст] / СПС Консультант-Плюс.

106. Утвержден план реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Государственной Думы РФ. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/news/273/1817772/>. – (дата обращения 13.04.2017).

107. Фан И.Б. Символ отца в российской политике [Текст] / И.Б. Фан // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917-2017 гг. Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 11-12 апреля 2017 года. – Т. 1. – 2017. – С. 92-95.

108. Фан И.Б. Частное и публичное в жизни российского гражданина [Текст] / И.Б. Фан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – № 10. – 2010. – С. 243-258.

109. Федеральный закон от 07.05.2013 N 79-ФЗ "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами" [Текст] / СПС Консультант-Плюс.

110. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация [Текст] / А.А. Фисун // Политическая концептология. — 2010. — № 4 – С. 158-187.

111. Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология [Текст] / А.А. Фисун // Отечественные записки. - 2007. - № 6 – С. 8-28.

112. Фисун А.А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития [Текст] / А.А. Фисун // Ойкумена.

Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – 2011. – №8. – С. 119-127.

113. Фишман Л.Г. Рентное общество и последний «дух капитализма» [Текст] / Л.Г. Фишман // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – № 2. – 2016. – С. 33-46.

114. Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Грядущее рентное общество [Текст] / Л.Г. Фишман, Д.А. Давыдов // Свободная мысль. – № 5. – 2015. – С. 151-164.

115. Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. От капитализма к рентному обществу? [Текст] / Л.Г. Фишман, Д.А. Давыдов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – № 1. – 2015. – С. 39-54.

116. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века [Текст] = The Third Wave Democratization in the Late Twentieth Century / Сэмюэл Хантингтон ; пер. с англ. – М.: РОССПЭН. – 2003. – 368 с.

117. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала [Текст] = Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure / Стефан Хедлунд ; пер. с англ. Н.В. Автономовой ; под науч. ред. В.С. Автономова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.

118. Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия [Текст] / Г. Хейл // Pro et Contra. – 2008. – №1. – С. 6-21.

119. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика [Текст] / Г. Хелмке, С. Левитски // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С. 188-211.

120. Хлопин А. Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? [Текст] / А.Д. Хлопин // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 6. – С. 6-15.

121. Чайко И. В. Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии [Текст] / И.В. Чайко // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 131-143.

122. Шефтер М. Партия и патронаж: Германия, Англия и Италия [Текст] / М. Шефтер // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия / [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 185 – 241.
123. Шкель С. Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии [Текст] / С.Н. Шкель // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2016. – №. 4 (83). С. 94 – 107.
124. Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ [Текст] / Ш.Н. Эйзенштадт. – М.: Аспект-пресс, 1999. 416 с.
125. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования [Текст] / Н. Элиас // Университетская книга. – 2001. – Т. 1. – 332 с.
126. Ястребов Г. А. [Рецензия] [Текст] / Г.А. Ястребов // Мир России. Социология. Этнология. – 2014. – №. 4. – С. 178-190. – рец. на кн.: Hedlund S. Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure [Text] / S. Hedlund. – New York: Cambridge University Press.
127. Arthur W. B. Self-reinforcing mechanisms in economics [Text] / B.W.Arthur // The economy as an evolving complex system, edited by P. Anderson, K. Arrow and D. Pines. – Santa Fe Institute Studies in the Sciences of Complexity. – Proceedings. – 1988. – vol. 5. – p. 9-31.
128. Bach D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings [Text] / D. Bach // Commonwealth & Comparative Politics. – 2011. – Vol. 49. – № 3. – P. 275-294.
129. Bavister-Gould A. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States [Text] / A. Bavister-Gould // Concept Brief. – 2011. – № 1. – P. 1-9.
130. Bendix R. Max Weber. An Intellectual Portrait [Text] / R.Bendix. – London: Methuen, 1966.
131. Bigo D. Pouvoir et obéissance en Centrafrique [Text] / D. Bigo. – Karthala Editions, 1988. – 360 p.

132. Bourmaud D. L'Etat centrifuge au Kenya [Text] / D. Bourmaud // *Etats d'Afrique noire: Formations, mécanismes et crise*. – Paris. Ed. Karthala, coll. “Hommes et sociétés”, 1991. – P. 241-277.
133. Bratton M., Van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective [Text] / M. Bratton, N. Van de Walle. – Cambridge University Press, 1997. – 311 p.
134. Chabal P., Daloz J. Afrika Works: Disorder as Political Instrument [Text] / P. Chabal, J. Daloz. – Indiana University Press, 1999. – 192 p.
135. Charrad M. M., Adams J. Introduction: Patrimonialism, past and present [Text] / M. Charrad, J. Adams // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2011. – Vol. 636. – № 1. – P. 6-15.
136. Clapham C. Private patronage and public power: political clientelism in the modern state [Text] / C. Clapham. – Burns & Oates, 1982.
137. Clapham C. Third World Politics [Text] / C. Clapham. – London: Helm, 1985. – 256 p.
138. Crook R. Patrimonialism, Administrative Effectiveness and Economic Development in Côte d'Ivoire [Text] / R. Crook // *African Affairs*. – 1989 – Vol. 88. № 351. P. 205–228.
139. Crouch H. Patrimonialism and Military Rule in Indonesia [Text] / H. Crouch // *World Politics*. – 1979. – Vol. 31. – № 4. – P. 571–587.
140. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY [Text] / P.A. David // *American Economic Review*. – 1985. – Vol. 75. – № 2. – P. 332-337 ; Рус. пер.: Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 139-150.
141. Diamond L. Civic Communities and Predatory Societies [Text] / L. Diamond. – Intercultural management Institute, 2001. 23 p.
142. Durazo Herrmann J. Neo-Patrimonialism and Subnational Authoritarianism in Mexico. The Case of Oaxaca [Text] / J. Durazo Herrmann // *Journal of Politics in Latin America*. – 2010. – Vol. 2. – № 2. – P. 85-112.

143. Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism [Text] / S.N. Eisenstadt. – Sage Publications (CA), 1973. – Vol. 1. – 96 p.
144. Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society [Text] / S.N. Eisenstadt, L.Roniger. – Cambridge, 1984. – 352 p.
145. Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept [Text] / G. Erdmann, U. Engel // *Commonwealth & Comparative Politics*. – 2007. – Vol. 45. – № 1. – P. 95-119.
146. Ermakoff I. Patrimony and Collective Capacity: An Analytical Outline [Text] / I. Ermakoff // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2011. – Vol. 636. – № 1. – P. 182-203.
147. Evans P. B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in [Text] / P. Evans , D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Cambridge University Press, 1985. 404 p.
148. Gazibo M. Can Neopatrimonialism Dissolve into Democracy? [Text] / M. Gazibo // *Neopatrimonialism in Africa and Beyond*, 2012. – P. 79-89.
149. Hanson S. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin’s Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era [Text] / S. Hanson // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2011. – 636.1. – P. 32-48.
150. Hutchcroft P. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: The Politics of Patrimonial Plunder [Text] / P. Hutchcroft // *World Politics*. – 1991. – Vol. 43. – № 3. – P. 414–450.
151. Hutchcroft P. Booty Capitalism: The Politics of Banking in the Philippines [Text] / P. Hutchcroft. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 278 p.
152. Ilkhamov A. Neopatrimonialism, Interest Groups and Patronage Networks: the Impasses of the Governance System in Uzbekistan [Text] / A. Ilkhamov // *Central Asian Survey*. – 2007. – Vol. 26. – № 1. – P. 65-84.
153. Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? [Text] / M. Ilyin // *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. – 2015 – Vol. 18. – № 1. – P. 26-51.

154. Joseph R. A. Democracy and Prebendal Politics in Nigeria [Text] / R. Joseph. – Cambridge University Press. – Vol. 56. – 2014. 250 p.
155. Kang D. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines [Text] / D. Kang. – Cambridge University Press, 2002. – 203 p.
156. Kelsall T., et al. Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa [Text] / T. Kelsall // Africa Power and Politics. Working Paper. – 2010. – № 9. – 33 p.
157. Kitschelt H. Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation [Text] / H. Kitschelt. – Cambridge University Press, 1999. – 476 p.
158. Lachmann R. Coda: American Patrimonialism: The Return of the Repressed [Text] / R. Lachmann // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2011. – Vol. 636. – № 1. – P. 204-230.
159. Lane J-E., Ersson S. The new institutional politics: Performance and outcomes [Text] / J-E. Lane, S. Ersson. – London and N.Y.: Routledge, 2000. 352 p.
160. Ledeneva A. V. Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange [Text] / A.V. Ledeneva. – Cambridge University Press, 1998. – 256 p.
161. Ledeneva A.V. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business [Text] / A.V. Ledeneva. – Ithaca: Cornell University Press, 2006. – 270 p.
162. Ledeneva A. V. Can Russia modernise? Sistema, power networks and informal governance [Text] / A.V. Ledeneva. – Cambridge University Press, 2013. – 314 p.
163. Ledeneva A.V. Telephone justice in Russia [Text] / A.V. Ledeneva // Post-Soviet Affairs. – 2008. – Vol. 24. – № 4. – P. 324-350.
164. Lemarchand R., Legg, K. Political clientelism and development [Text] / R. Lemarchand, K. Legg // Comparative Politics. – 1972. – 4(2). – P. 149–178.
165. Le Vine V. African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective [Text] / V. Le Vine // Journal of Modern African Studies. – 1980. – Vol. 18. – № 4. – P. 657–673.

166. Liddle W. The Relative Autonomy of the Third World Politician: Soeharto and Indonesian Economic Development in Comparative Perspective [Text] / W. Liddle // *International Studies Quarterly*. – 1991. – Vol. 35. – № 4. – P. 403–427.
167. Lijphart A. Democracies: Forms, performance, and constitutional engineering [Text] / A. Lijphart // *European Journal of Political Research*. – 1994. – Vol. 25. – P. 1-18.
168. Linden R. Socialist Patrimonialism and the Global Economy: the Case of Romania [Text] / R. Linden // *International Organization*. – 1986. Vol. 40. – № 2. – P. 347–380.
169. MacGregor D. The human side of enterprise [Text] / D. MacGregor. – New York: McGraw-Hill, 1960. – 246 p.
170. March J., Olsen J. The new institutionalism: Organizational factors in political life [Text] / J. March, J. Olsen // *American Political Science Review*. – 1984. – Vol. 78. – P.734-749.
171. Médard J. F. The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neo-patrimonialism [Text] / J. F. Médard // *Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State*. – London: Frances Pinter, 1982. – Vol. 162.
172. Médard J.-F. L'État sous-développé au Cameroun [Text] / J. F. Médard // *L'année africaine*, 1977. – P.35-84.
173. Mitchell T. The limits of the state: Beyond statist approaches and their critics [Text] / T. Mitchell // *American Political Science Review*. – 1991. – Vol. 85. P. 77-96.
174. Mkandawire T. Thinking about Developmental States in Africa [Text] / T. Mkandawire // *Cambridge journal of economics*. – 2001. – Vol. 25. – № 3. – P. 289-314.
175. North D., Weingast B. Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-century England [Text] / D. North, B. Weingast // *The journal of economic history*. – 1989. – Vol. 49. – № 4. – P. 803-832.
176. Owen J. Neopatrimonialism and Regime Endurance in Transnistria [Text] / J. Owen : Doctoral dissertation. – Virginia Tech, 2009. – 98 p.

177. Remmer K. Neopatrimonialism: The Politics of Military Rule in Chile, 1973–1987 [Text] / K. Remmer // *Comparative Politics*. – 1989. – Vol. 21. – № 2. – P. 149–170.
178. Robinson N. The Political Origins of Russia's «Culture Wars» [Text] / N. Robinson. – Limerick: University of Limerick, Department of Politics and public administration, 2014. – 37 p.
179. Roett R. Brazil: Politics in a Patrimonial Society [Text] / R. Roett. – Greenwood Publishing Group, 1999. – 244 p.
180. Roth G. Personal rulership, patrimonialism, and empire-building in the new states [Text] / G. Roth // *World politics*. – 1968. – Vol. 20. – №. 2. – P. 194-206.
181. Searle P. The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists? [Text] / P. Searle. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1999. – 336 p.
182. Shepsle K.A., Weingast B.R. The institutional foundations of committee power [Text] / K. Shepsle, B. Weingast // *American Political Science Review*. – 1987. – Vol. 81. P. 85-104.
183. Startsev Y. 'Informal' institutions and practices: Objects to explore and methods to use for comparative research [Text] / Y. Startsev // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2005. – vol. 6. – № 2. – p. 331-351.
184. Theobald R. Patrimonialism [Text] / R. Theobald // *World Politics*. – 1982. – Vol. 34. – № 4. – P. 548-559.
185. Tilly C. Why and How History Matters [Text] / C. Tilly // *The Oxford handbook of contextual political analysis* / Goodin R. E., Tilly C. – Oxford University Press on Demand, 2006. p. 417-438.
186. Von Soest C. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept [Text] / C. Von Soest // "GIGA-Workshop" Neopatrimonialism in various World Regions". Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies, 2010. 21 p.
187. Wedeman A. Looters, Rent-scrappers, and Dividend-collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines [Text] / A. Wedeman // *The journal of developing areas*. –1997. – Vol. 31. – № 4. – P. 457-478.

188. Young C. & Turner T. The Rise and Decline of the Zairian State [Text] / C. Young, T. Turner. – Madison: University of Wisconsin Press, 1985. – 522 p.
189. Zabludovsky G. The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America [Text] / G. Zabludovsky // International Sociology. – 1989. – Vol. 4. – № 1. – P. 51–66.
190. Фісун О.А. Неформальні інститути та неопатримоніальна демократія в Україні [Текст] / О.А.Фісун // Агора. – 2016. – № 17. – С. 9-13.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Иллюстративный материал	Страница
Таблица 1. Матрица неопатримониальных подтипов (по К. вон Соесту)	с. 60
Таблица 2. Типология взаимодействия государства и Большого бизнеса по Д. Кангу (в скобках – уровень коррупции)	с. 63
Таблица 3. Правительство и бюрократия в различных режимных типах	с. 82
Таблица 4. Типология неформальных институтов Г. Хелмке и С. Левитски	с. 96
Таблица 5. Типология лично-ориентированных взаимодействий Я.Ю. Старцева	с. 99
Таблица 6. Мотивация в клиентарных отношениях	с. 102
Таблица 7. Идеальные типы властных сетей по А.В. Леденевой	с. 116
Таблица 8. Транзакционные и трансформационные издержки силового предпринимательства в России в 1990-е годы	с. 152
Рисунок 1. Представительство регионов в правительстве России (исследование журнала «Русский репортер»)	с. 119
Рисунок 2. Структурирование непотистских сетей в неопатримониальных режимах	с.127
Рисунок 3. Структурирование непотистских сетей в неопатримониальных режимах (сравнительный аспект)	с. 128